Ольга Тиссаревская



Свет и тени моей жизни



OLGA TISSAREWSKY

LUZ Y SOMBRAS DE MI VIDA

BUENOS AIRES
1973

Edición

Talleres Gráficos "DORREGO"

Av. Dorrego 1102, Buenos Aires, Argentina

ОЛЬГА ТИССАРЕВСКАЯ

Посвящаю эту книгу моему другу, инженеру Николаю Топалову.

СВЕТ И ТЕНИ МОЕЙ ЖИЗНИ

БУЭНОС АЙРЕС
1973

Обложка работы художника К. Н. Гедда.
Издание автора.

Типография "Доррего", Буэнос Айрес.



ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — жизнеописание русской женщины, которой пришлось прожить трудную жизнь, насыщенную такими превратностями судьбы, о возможности каких она не могла и помыслить в своей счастливой и беззаботной юности. Конечно, автор этой книги не исключение: всё то русское поколение, к которому она принадлежит, в силу разразившейся и принявшей безобразную форму революции, оказалось выбитым из привычной колеи и обреченным на тяжкие испытания. И потому ценность этой книги заключается не столько в описании тех или иных драматических событий, а в том, как их воспринимал автор и как он действовал в той полной невзгод и опасностей обстановке, которая требовала исключительного мужества, находчивости, энергии и самоотречения для того, чтобы успешно бороться за свое существование и за жизнь близких людей. И в этом аспекте Ольга Петровна Тиссаревская показала себя достойной имени Русской Женщины, с большой буквы.

Она родилась в материально обеспеченной семье, по материнской линии принадлежала к татарскому княжескому роду, детство и юность ее прошли в нормальной, счастливой обстановке и жизнь, казалось, обещала ей такое же счастливое и спокойное будущее. Готовилась к карьере архитектора, попав в столицу и окунувшись в студенческую среду, не заразилась модным тогда политиканством, а вошла в круг того морально здорового студенчества, которое ставило себе не разрушительные, а созидательные цели, усердно училось, досуги проводило в здоровых, невинных развлечениях и готовилось стать полезными членами общества, не мудрствуя лукаво служа своему Отечеству. Читая эти "студенческие" страницы воспоминаний О. Тиссаревской и сопоставляя их с тем, что мы наблюдаем в массе нынеш-

него студенчества, невольно приходишь к выводам далеко не лестным для современности и мало утешительным для будущего.

Налетевший революционный шквал опрокинул и исковеркал всё: тысячелетнее Российское государство, общественные устои, привычный уклад жизни, благополучие и планы отдельных людей, в том числе и автора этой книги. На смену порядку и законности пришли произвол и кровавый террор. О. Тиссаревская, никому не сделавшая ни малейшего зла, и ее муж — молодой инженер, к концу войны ставший офицером, без всякой вины попали во "враги народа" и были обречены на тяжкую борьбу за существование, в обстановке страха, голода и бесправия, когда сама жизнь их постоянно висела на волоске.

Вдобавок, работая на Урале в нечеловеческих условиях, на строящемся мосту, в солдатской шинели при сорокаградусном морозе, муж заболевает воспалением легких, которое переходит в туберкулез. Но даже и тогда его не освобождают от этой службы. Москва ставит твердые сроки: к такому-то числу мост должен быть закончен, иначе инженерам расстрел. Жена самоотверженно борется за его жизнь, стараясь обеспечить ему хотя бы сносное питание. Но на нее обрушивается новый удар судьбы: за помощь, оказанную попавшей в беду незнакомой женщине, ночью приходят с обыском и отбирают последние вещи, которые она понемногу продавала, чтобы подкармливать больного мужа, а при попытке получить эти вещи обратно, ее арестовывают и сажают в чрезвычайку. Спасают ее только мужество и находчивость.

Так проходят три кошмарные года. Общее положение неукоснительно ухудшается, свирепствуют террор и голод, жизнь мужа угасает, он в почти безнадежном состоянии. Спасти его может только бегство в Польшу, где живут его родители, люди состоятельные, и Ольга Тиссаревская решается на этот отчаянный шаг, сопряженный в ее положении с почти непреодолимыми трудностями и смертельным риском. Однако ее несокрушимая энергия и смелость восторжествовали, — они вырвались в свободный мир.

Но тут ее ждали новые, тяжелые испытания. Осмотрев мужа, доктор-специалист ставит диагноз: туберкулез легких в последней стадии, больной обречен, жить ему осталось не больше двух месяцев. В виду безнадежности лечения, родители настаивают, чтобы сын провел последние дни своей жизни с ними и умер под отчим кровом. Но жена решает бороться до конца и сделать всё человечески возможное для спасения мужа. Она устраивает его в лучшую санаторию, в Карпатских горах и сама едет с ним, продавая последние вещи и драгоценности, т. к. родители, возмущенные тем, что они считают бессмысленным упрямством, отказывают им в какой-либо помощи.

Работая не покладая рук и не брезгуя никаким трудом, Ольга Тиссаревская обеспечивает любимому человеку первоклассное лечение и уход. Ее самоотверженная любовь и целеустремленность совершают чудо: от туберкулеза он вылечился и прожив еще шесть лет умер от внезапной болезни сердца.

Затем второе, неудачное замужество. Новый муж оказался безвольным, неспособным ни к чему, кроме войны и спорта, человеком, которого тяготит необходимость регулярного труда. Он стал не опорой, а скорее обузой, но О. Тиссаревская неутомимо работает и в конце концов добивается известного достатка и прочного материального положения.

Вторая мировая война внезапно рушит всё это с таким трудом созданное благополучие. Муж ушел на фронт, он тяжело ранен, жизнь страны дезорганизована и еле теплится под тяжелым нацистским сапогом. В заключение советские войска наводняют Польшу и Тиссаревские с волною других беженцев попадают в Германию. Ольга Петровна не теряется и в этой обстановке: с присущей ей высотой духа, она неутомимо трудится и изыскивает способы обеспечить сносное существование себе и мужу, — делает и продает конфеты, шьет дамское белье и находит ему сбыт. Добравшись до самого губернатора американской зоны, спасает мужа, уже обреченного на выдачу Советам, и в конце концов увозит его в США.

Там, с первых же дней, устраивается на службу и

начинает строить новую жизнь. Первое время кое-что подрабатывает и муж. Брак их никогда не был счастливым, держался он только на иннерции и на сознании своего долга со стороны жены. Однако, когда становится очевидным, что муж ей изменяет, она приходит к решению с ним разойтись. Но в это время он тяжело заболел и на всю жизнь остался беспомощным, нуждающимся в постоянном уходе инвалидом. Долг совести не позволил О. Тиссаревской покинуть его в таком положении, и еще пятнадцать лет, закабалившись в работу, она его содержит, обеспечивая постоянный уход, лечение и те условия жизни, которые могли продлить его существование. И только с его смертью, как пишет О. Тиссаревская, "закончились эти мучительно-долгие пятнадцать лет, в течение которых я не видела ни счастья, ни просвета, — их хотелось бы просто вычеркнуть из моей жизни..."

Лишь после этого река жизни выносит Ольгу Тиссаревскую в тихую и спокойную полосу. Явилась возможность подумать, наконец, о себе самой и о своих интеллектуальных запросах. Она оказалась талантливой художницей, в живописи "нашла себя" и достигла на этом поприще заслуженной известности. Стало возможным осуществить и давнюю мечту о путешествиях, — они принесли ей множество неизгладимых впечатлений и целый ряд искренних друзей в самых экзотических уголках Земли.

Обо всем этом читатель прочтет в настоящей книге, интересной и поучительной. Она написана хорошим языком, с острой наблюдательностью и с большой любовью ко всему прекрасному, а главное к людям, — эти качества доминируют и в жизни и в творчестве Ольги Тиссаревской. Заканчивая, хочется добавить, что ее духовный склад очень хорошо характеризуется тем жанром, который она избрала в живописи: изображение цветов на шелку. А также и заключительной фразой ее книги: "в одном я совершенно уверена: обитатели всех стран нашей прекрасной планеты, — независимо от расы, религии, языка и цвета кожи, — могут и должны быть друзьями".

Князь М. Карачевский

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ЦАРСКОЙ И В РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

1. С. ПЕТЕРБУРГ И ВЫСШИЕ ЖЕНСКИЕ КУРСЫ

Весна 1914 года была для меня особенно светлой и радостной: я окончила восьмой класс Самарской женской гимназии и получила аттестат. Выглядел он особенно внушительно и торжественно потому, что помимо полученных мною высоких баллов, был украшен портретами царей Михаила Федоровича и Николая Второго, так как мой выпускной год совпал с трехсотлетним юбилеем царствования дома Романовых.

Как сон промелькнуло лето, особенно счастливое горделивым сознанием того, что я уже по праву могу считать себя взрослой женщиной, которая должна самостоятельно определить свой дальнейший жизненный путь. Впрочем, никакой трудности это не представляло, ибо мои собственные влечения вполне совпадали с желаниями моего отца: я поступила на архитектурный факультет Высших Политехнических Женских Курсов и осенью, не без трепета в душе отправилась в С. Петербург.[1])

Здание курсов находилось на Загородном проспекте №34, — как раз напротив Технологического Института. Совсем близко, на Забалканском проспекте, был и Институт Инженеров Путей Сообщения, таким образом я сразу окунулась в водоворот студенческой жизни и у меня завязалось много знакомств.

---

[1]) Вскоре после начала первой мировой войны С. Петербург был переименован в Петроград, но в обиходе все продолжали называть его по-старому.

Да и сам Петербург очаровал меня своею оригинальной, северной, я бы сказала "акварельной" красотой, блеском и величием. Какие тут были театры, музеи, памятники, сады! А ослепительный Невский проспект, вечерами сияющий огнями бесчисленных витрин и окон! Он тянулся от Николаевского вокзала до самого Адмиралтейства, на берегу Невы. Отсюда были хорошо видны Зимний Дворец, Эрмитаж, где хранились бесценные сокровища искусства, и бессмертное творение Монферана — собор святого Исаакия, чудо архитектуры и величия. По красоте и совершенству форм, этот храм не имеет себе равных. Со всех сторон его фасады украшены колоссальными гранитными колоннами, достигающими почти двадцати метров в высоту, при диаметре в два метра. Стоит заметить, что эти колонны не облицованы гранитом, а выточены из него целиком. Каждая из них весит около ста-двадцати тонн, и таких колонн святой Исаакий насчитывает сорок восемь, не считая верхней колоннады, где есть еще двадцать четыре колонны несколько меньшего размера. Под стать этому и три огромные входные двери изумительной скульптурной работы, с барельефами различных библейских сцен.

Внутри собора, и пол и стены — это мраморная симфония удивительного подбора цветов и тонов. Главный иконостас, доходящий почти до самого свода, тоже весь из белого мрамора, отделанного мозаикой, а по бокам его высокие малахитовые колонны, четыре с каждой стороны. Справа и слева от бронзовых царских врат изумительной художественной работы, стоят еще более сказочные, голубые колонны, целиком сделанные из драгоценного камня лазурита, — они толще полуметра в диаметре и имеют метров пять в высоту! А в глубине, позади престола, громадный витраж, с изображением Воскресения Христа.

Мы часто ходили в этот замечательный храм, особенно на Пасху, тогда издалека были видны наверху, возле купола, четыре горящих факела.

Недалеко от этого собора, на берегу Невы, стоял знаменитый "медный всадник", — памятник Петру Ве-

ликому, работы прославленного французского скульптора Фальконэ.

Замечателен был и Царскосельский вокзал, с которого часто императорская семья поездом отправлялась в свою летнюю резиденцию, Царское Село. А изумительная "Стрелка" за городом, — этот прекрасный парк на берегу залива!

Навсегда запомнились мне и дивные белые ночи. Как прекрасны они были и какое особое создавали настроение! Люди не спали, все кто только был способен понимать красоту и чувствовать ее магическое действие, — выходили гулять по улицам, понимающе улыбались друг другу, будто бы это был какой-то особый праздник.

При воспоминании обо всем этом, родном и незабываемо прекрасном, мысль невольно перескакивает с одного на другое и не знаешь на чем остановиться и чему отдать предпочтение. И сознаешь лишь одно, что всех достопримечательностей и всей красоты нашей "Северной Пальмиры" не перечесть и не описать...



Целиком захватила меня и студенческая жизнь, с ее юношеской бесшабашностью, азартными спорами и веселыми вечеринками. Чтобы получить высшее образование, в Петербург съезжалась молодежь со всех концов необъятной России, немало было даже сибиряков и дальневосточников. И здесь все старались группироваться в землячества, по своим областям и губерниям.

Почти сразу вслед за мной в столицу приехал мой старший брат Евгений и поступил на физико-математический факультет здешнего университета, поблизости от которого он и поселился, — на восьмой линии Васильевского острова. Мы с ним были очень дружны и он неизменно сопровождал меня в театры, музеи, парки, на "Стрелку" и на все загородные прогулки. Особенно нами любимой была поездка в Царское Село, куда мы отправлялись с раннего утра, на целый день. Вместе с братом появлялись мы и на вечеринках, непринужденное веселье которых нравилось нам обоим.

В Петербурге в ту пору проживал наш двоюродный брат Григорий Адрианович Краснов, он занимал довольно высокий пост старшего ревизора путей сообщения и был женат на очень красивой и симпатичной грузинке. По воскресеньям они всегда приглашали нас на обед. Это была, пожалуй, единственная дань, которую мы отдавали, так-сказать, великосветской жизни, а в остальном всецело разделяли жизнь студенческую.

Мы с братом принадлежали к Самарскому землячеству, но в нашей постоянной компании, обычно проводившей время вместе, было много студентов и из других губерний. На этой почве никаких антагонизмов и "самоопределений" в ту пору и в помине не было. И великоросс, и малоросс, и сибиряк и кавказец чувствовали себя коллегами, не избегая общения, а нередко и крепкой дружбы.

Очередные сборища и вечеринки почти всегда устраивались на квартире у того студента или курсистки, которые перед этим получили из дому посылку с разными вкусными вещами. Но, разумеется и гости обычно приносили с собой кто что мог: фрукты, пирожные, конфеты, шоколад и т. п. И, конечно, непременной и обязательной принадлежностью таких вечеринок бывала гитара.

У нас вошло в традицию, что получивший из дому посылку никогда не открывал ее сам, а сзывал для этого на вечеринку всех своих ближайших друзей. Когда все были в сборе и на столе появлялся кипящий самовар, хозяин торжественно приступал к вскрытию посылки. Под веселые возгласы и остроты присутствующих, из обшитого белой материей посылочного ящика на стол выкладывалась всевозможная снедь. Чего только тут не бывало! Ветчина, сыр, разного сорта колбасы, копченое сало, масло, всякие печенья, варенья, конфеты, — всё такое аппетитное, вкусное, источающее особый "домашний" аромат! Из сочащихся изобилием провинций царской России родители с любовью посылали своему сыну или дочке самые питательные продукты и лучшие произведения своей домашней кухни,

чтобы их учащееся чадо надолго было обеспечено съестным и не голодало.

Когда всё содержимое ящика перемещалось на стол, кто-нибудь разливал чай и все принимались за трапезу. Нетрудно себе представить с каким отменным аппетитом веселая молодежь поглощала все эти яства.

Наконец раздавались первые аккорды гитары и какой-либо молодой, звучный, а нередко и подлинно прекрасный тенор или баритон затягивал студенческую песню, которую тотчас подхватывали все присутствующие. И эти волнующие мелодии словно волшебный эликсир вливались в наши юные души, невидимо связывая и объединяя нас в одну дружную, общую семью.

Когда иссякал студенческий репертуар, переходили на цыганские романсы, потом по-очереди рассказывали всякие веселые истории и приключения из собственной жизни. Всё это, конечно, сопровождалось смехом, остротами и изрядным шумом, однако из уважения к соседям все бурные проявления веселья к полуночи прекращались и вечеринка переходила во вторую, уже тихую стадию: начинался обмен мнениями и дискуссии о прочитанных книгах, — подробно разбирали характеры героев и обсуждали их действия и поступки. Каждый высказывался свободно, стараясь доказать свою правоту, иной раз возникали жаркие споры, но они всегда велись тактично, не вызывая обид, — может быть потому, что на этих вечеринках у нас никогда не бывало спиртных напитков и даже пива. Лишь иногда кто-нибудь приносил с собой бутылку сладкого церковного вина "Кагор", которого едва хватало для традиционного тоста за родителей хозяина, изобильная посылка которых послужила поводом к этому милому собранию.

Никто не замечал как бежало время. Часам к четырем утра на столе снова появлялся кипящий самовар. Все с обновленным аппетитом пили чай и закусывали, затем гурьбой высыпали на морозную улицу. На прощание иной раз затевали веселую игру в снежки, после чего расходились по домам, причем студенты всегда провожали нас, курсисток.

***

Увлекались мы и театром, разумеется в тех формах, какие были нам доступны. Как большинство других студентов и курсисток, я ежемесячно получала из дому сумму достаточную на жизнь и на учебные расходы, но даже при самой строгой экономии денег на развлечения у нас почти не оставалось. А жизнь в Петербурге кипела ключем, тут было столько нового и интересного, театральные афиши пестрели именами артистов с мировой известностью, и так неудержимо хотелось везде побывать и всё увидеть!

Императорские театры С. Петербурга, — как Мариинский, оперный, так и Александринский, драматический, — были обширны и отличались роскошью внутренней отделки, но билеты в них стоили очень дорого и были нам почти недоступны. Кроме того в этих театрах, особенно в оперном, почти всегда присутствовал кто-нибудь из членов царской семьи, не говоря уж о другой великосветской публике, таким образом для посещения императорских театров надо было располагать особыми, элегантными туалетами, что для огромного большинства студентов тоже являлось почти непреодолимым препятствием.

Но в Петербурге, к счастью, были и дешевые театры, известные под общим названием Народного Дома, где довольно часто выступали все знаменитые артисты. Это были два больших, одинаковых здания, стоящих близко одно к другому и соединенных длинным и широким корридором. Один театр был оперным, другой по преимуществу драматическим. Вокруг них расстилался обширный сад со всякими увеселениями.

В этих театрах, — как в оперном так и в драматическом, — для студентов было отведено на галерке шестьсот бесплатных мест, надо было только, на общем основании, заплатить 15 копеек за вход в Народный Дом. Впускали нас только за четверть часа до поднятия занавеса, триста пар сразу.

Ходить в эти театры можно было хоть каждый день и обычно с билетами особых трудностей не возникало. Но когда выступали какие-нибудь знаменитости, например Собинов, Лабунский, Липковская, Фигнер и в особенности Шаляпин, — желающих попасть в театр бы-

вало великое множество и чтобы получить билет приходилось иной раз дежурить под открытым небом два-три дня.

У нас это было хорошо организовано. Едва появлялись афиши извещавшие, что в Народном Доме предстоит выступление Шаляпина, студенты отправлялись к дверям театра и становились в очередь. Всех пришедших записывали по порядку. Войти могло шестьсот человек, но в список вносилось только триста, из которых каждый мог ввести с собой свою "пару", — кого он хотел или с кем заранее условился. Выстаивать целыми днями и ночами на морозе было немыслимо, и чтобы можно было отлучиться из очереди, выбирались особые дежурные которые вели письменный учет и контролировали всех по спискам, в каждой смене. Стояли обычно студенты, но приходили и курсистки, чтобы подменить своего напарника и дать ему возможность пойти выпить горячего чаю, погреться и отдохнуть. Порядок в этих очередях всегда был образцовый. Часа за два до начала оперы все триста пар счастливцев уже бывали выстроены у дверей и каждый держал наготове пятнадцать копеек, которые нужно было заплатить за вход. Вокруг них толпилось много студентов и курсисток оставшихся "за бортом" или вообще не стоявших в очереди: у них оставалась надежда, что к кому-либо из записанных первыми опоздает "пара" и удастся воспользоваться освободившимся местом. Наконец в театр по счету впускали триста пар и после этого двери сразу запирались на ключ.

Помню, однажды я опоздала и когда пришла, двери на галерку уже были заперты. Я бросилась в кассу и мне посчастливилось купить там случайно оставшийся недорогой билет в амфитеатр. Однако сидеть там одной мне не хотелось, — я сейчас же поднялась изнутри на галерку, где курсистки и студенты занимали средние места, напротив сцены, а по бокам были дешевые места для рабочих. Тут мои приятели студенты, узнав в чем дело, сейчас же предложили кому-то мой билет, в обмен на галерочный и я, очень довольная, устроилась среди своих.

Мы с братом особенно увлекались оперным театром

и на многие из классических опер ходили снова и снова, едва только менялся состав исполнителей или в главной роли выступала какая-нибудь новая знаменитость. Вспоминается, что Травиату мы слушали шесть или семь раз. Шаляпина я хорошо помню в Фаусте и в Демоне.

При Народном Доме был также, как я уже упоминала, замечательный сад, с играми и развлечениями для детей и для молодежи, но многое там было интересно и занимательно даже для взрослых. Особенно богато впечатлениями бывало катание по "американской горке", где шестиместные электрические вагонетки, неистово болтаясь и раскачиваясь, с сумасшедшей скоростью летали то вверх, то вниз по замысловато извивающимся железным конструкциям. Ехавшая на такой вагонетке компания от страха и от восторга обычно визжала и орала во всю мочь, а потом, чтобы успокоить нервы, направлялась в "Венецию", устроенную в подземном помещении. Там на красивых лодках и гондолах катались по озеру или медленно плыли по каналам, сверху освещенным разноцветными фонариками и украшенным пышными тропическими растениями, — это было нечто фантастическое!

Была там и высокая башня, с верхушки которой, кружась по крутой спирали, можно было скатываться вниз на коврике; было "дьявольское колесо", на котором мало кто мог удержаться, — почти всех выбрасывало в стороны. Была и комната с кривыми зеркалами, — в одних глядевшийся человек казался себе безобразно толстым и коротконогим, в других, наоборот, худым и длинным как жердь, в каждом из остальных он тоже выглядел каким-нибудь забавным уродом. В одном месте надо было переходить через легкий решетчатый мостик, причем искуственный вихрь угрожал сорвать с человека шляпу или платье, за которое жертва в ужасе хваталась, ко всеобщему веселью и смеху окружающих. Конечно, были там и карусель и открытый театр с клоунами, и всевозможные другие атракционы и увеселения, которые за один вечер трудно было даже обойти.

2. СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Мы с братом часто ездили в Гатчину и в Петергоф, но всё же больше всего любили Царское Село. Там всё было непередаваемо красиво, и трудно было себе представить место более приятное для отдыха и так умиротворяюще действующее на душу и на чувства попавшего туда путника.

Когда Петр Великий овладел этим краем, тут находилась крохотная финская деревушка, окруженная лесами. Петру это место особенно понравилось и он, построив здесь небольшой деревянный дворец, подарил его своей жене, Екатерине. Позже это уютное местечко очень полюбилось дочери Петра Елизавете, которая, сделавшись императрицей, приказала разбить тут обширный парк, где знаменитый архитектор Растрелли построил по ее повелению великолепный дворец. И этот дворец, и парк были еще значительно расширены и богато украшены при императрице Екатерине Великой, которая тоже очень любила это место. И с тех пор Царское Село становится любимой резиденцией почти всех русских царей.

Приезжая, мы с радостным волнением входили в этот огромный, старинный парк, занимавший около семисот гектаров слегка холмистой местности. Каких только деревьев и растений тут не было! Часто встречались живописные зеленые лужайки, красивые пруды, изящные мостики, павильоны, беседки, античные статуи и т. п. Возле сказочно прекрасного царского дворца было большое и красивое озеро, по которому, на фоне камышей, среди водяных лилий и кувшинок, плавали белые и чер-

ные лебеди, гордо поднимая головы на изящно изогнутых шеях.

Неподалеку оттуда стояла большая беседка, в которой помещался оркестр, игравший лучшие произведения классической музыки. Для гуляющей публики всюду стояли удобные скамейки, нигде не было никаких загородок или запоров, каждый мог свободно ходить где хочет и чувствовать себя ничем не стесненным. В этом чудном парке мы с братом, забывая что мы уже взрослые люди и студенты, часто бегали и резвились, как дети, наслаждаясь свежим воздухом, красотой окружающего и дивной музыкой.

* * *

Своим чередом шли и учебные занятия. На первом курсе, кроме специальных предметов и особенно важного черчения, у меня были еще дополнительные лекции по высшей математике и по химии. Математику я любила и она мне давалась легко, но химию я усваивала хуже. Формулы не держались в моей голове, химические реакции тоже не ладились и сколько брат ни старался мне помочь и разъяснить всю эту премудрость, — химия всегда оставалась моим слабым местом. Зато по черчению, геодезии и другим специальным предметам я получала высшие оценки и профессора ставили меня в пример другим.

Между прочим, по возрасту я была самая младшая на курсах и это нередко бывало причиной невольных огорчений. Никогда не забуду первого дня моих занятий по черчению. Когда я уже почти закончила заданный чертеж, к моему столу подошел профессор, поглядел на меня и с улыбкой спросил: "а сколько вам лет?" Я со смущением ответила, что мне восемнадцать. — "А я думал, что не больше шестнадцати", — сказал он. Каково это было слышать девушке, которая искренне считала себя взрослой и гордилась своей самостоятельностью! Я почувствовала, что катастрофически краснею и на глазах у меня выступили слезы. Профессор отошел, но когда по окончании лекции я направилась домой,

— увидела его возле выходной двери. Конечно, он понял свою бестактность и теперь хотел ее загладить: остановил меня, извинился и даже предложил проводить. Я смутилась еще больше, пробормотала, что пойду одна и поспешно удалилась. После этого всегда, когда он подходил к моему столу, я опускала голову над чертежом и старалась на него не смотреть.

Из наших "соседей", студентов Технологического Института к моей постоянной компании принадлежали трое, которых буду тут называть посто по имени, — Борис, Костя и Игорь. Первый был рижанином, а двое других моими земляками по Самарской губернии. Они часто поджидали меня после лекций и мы все вместе шли обедать в столовую их Института, где кормили отлично, а главное удивительно дешево. Большая тарелка вкуснейшего, ароматного борща со сметаной стоила всего четыре копейки, котлеты с картофельным пюре — семь копеек, а душистый ржаной хлеб грудился на столах целыми копнами и можно было брать бесплатно, кто сколько хотел. Я не раз видела, как бедные студенты, которым родители не имели возможности помогать, набивали свои портфели этим хлебом и уносили его домой. Администрация столовой это разрешала делать, хотя и не официально.

Из дому мне присылали на жизнь 32 рубля в месяц, — по нашим масштабам это считалось крупной суммой, т. к. большинство студентов и курсисток получали по 20-25 рублей. Кроме того, мой отец отдельно платил за мое учение на Политехнических курсах 150 рублей в год.

Комнату я нанимала совместно с двумя подругами. Одна из них, Мария, была сибирячкой из Читы, она училась на моем же отделении Курсов: другая — полька Ниночка, была на Курсах стипендиаткой, т. к. не имела ни родителей, ни каких-либо личных средств к существованию. По вечерам она подрабатывала себе на жизнь служа кассиршей в большом обувном магазине. Мы жили очень дружно и так как мое материальное положение было лучше, я охотно делилась с ними чем могла.

Мне часто присылали из дому посылки, брат тоже получал их на мой адрес и потому связанные с этим традиционные вечеринки очень часто устраивались в нашей комнате, тем более что она могла вместить довольно много народа.

В нашей студенческой среде, между представителями мужского и женского пола в основном царили чисто товарищеские отношения, хотя это не исключало легкого и совершенно невинного флирта, без которого жизнь была бы, пожалуй, менее интересной. Некоторые студенты за нами, курсистками, ухаживали или во всяком случае той или иной из нас оказывали больше внимания, чем другим. К этим знакам внимания и мы, разумеется, иной раз не оставались равнодушными и слегка влюблялись, чего такой "избранник" обычно даже не подозревал, так-как ему этого не давали почувствовать, за исключением тех сравнительно редких случаев, когда чувство с обеих сторон бывало настолько серьезным, что могло закончиться браком.

На первом курсе мне более других нравился мой земляк — технолог Костя, главным образом потому, что он обладал прекрасным тенором и когда пел, имел обыкновение смотреть прямо на меня. Он был недурен собой, — высокий и стройный, но увы, — был блондином, а это не соответствовало моему идеалу мужчины. Брюнеты казались мне более мужественными и обаятельными.

Уже шла первая мировая война, но в Петербурге, если не считать некоторого патриотического подъема, это мало ощущалось — во всяком случае в нашей, студенческой среде, которая продолжала жить своей обычной жизнью. Студентов первое время на военную службу не призывали, предоставляя им заканчивать учение, и на фронт ехали только добровольцы.

***

Быстро промелькнул первый учебный год, пришла весна и благополучно сдав на факультете все, какие требовалось, зачеты, я стала готовиться к отъезду домой, на летние каникулы.

Как раз во время этих сборов, к нашей квартирной хозяйке пришла какая-то женщина, славившаяся умением гадать на картах и по линиям рук. Хотя мы, курсистки, и делали вид, что ни в какие гадания, приметы и прочую мистику не верим, всё же не выдержали и пригласили ее к себе в комнату, чтобы погадала и нам.

Мне она сказала, что я еду в дальнюю дорогу и что в моем доме вскоре произойдет большое несчастие. Это меня очень взволновало, тем более, что перед этим я получила от мамы письмо о том, что серьезно заболел мой младший брат.

Сдав зачеты раньше, мой старший брат Женя к этому времени уже уехал домой, а потому я, чувствуя потребность поделиться своей тревогой с кем-нибудь близким, сейчас же отправилась на Каменноостровский проспект, к моему кузену Грише Краснову, о котором уже упоминала раньше, и рассказала ему о предсказании гадалки. Гриша меня жестоко высмеял. — "Как тебе не стыдно, — говорил он, — студентка, культурный человек, а веришь в такую чепуху, словно деревенская баба!"

Все же после этого разговора беспокойство меня не совсем покинуло и на следующий день я спешно выехала домой. Путь был не близкий, более двух тысяч верст и в дороге я находилась почти трое суток.

Опасаясь новых насмешек, дома я никому не сказала про случай с гадалкой, тем более, что младший брат к этому времени совершенно поправился и я застала всех домочадцев здоровыми и веселыми. Но не прошло и недели, как отец неожиданно получил телеграмму с просьбой выехать на вокзал и встретить своего больного брата Адриана. Он служил судьей на одном из кавказских курортов, но последнее время чувствовал себя очень скверно и предпринял это путешествие, чтобы показаться врачам специалистам и если потребуется, подвергнуться операции.

Отец и мать поехали встречать дядю, который был настолько слаб, что прямо с вокзала они его отвезли в больницу. Через два дня определилось, что у больного рак брюшной полости и что никакая операция спасти

его уже не может, так как болезнь находится в последней стадии и смерть последует очень скоро.

Держать безнадежного больного в госпитале тоже не имело смысла и по совету врачей, отец взял его домой, чтобы он провел последние дни в домашней обстановке, среди близких людей.

Это были жуткие дни, которые я и сейчас вспоминаю с содроганием. Дядя страшно мучился и от нестерпимых болей кричал; чтобы облегчить его страдания, врачи то и дело вспрыскивали ему морфий. Трех моих младших братьев перевезли к родственникам, чтобы они всего этого не видели, а я и два старших брата остались. Этот умирающий дядя Адриан был отцом того самого путейского ревизора Гриши Краснова, который в Петербурге так меня высмеял за гадалку. Теперь мой отец срочно вызвал его телеграммой в Самару, известив о происходящем, но когда Гриша приехал, дядя Адриан был уже мертв. Умер он в полном сознании, исповедавшись и причастившись, и перед смертью препоручил своих детей моему отцу. Кроме Гриши, у него их было еще шестеро, — трое сыновей студентов (один из которых учился в Политехническом Институте, другой в Лесном, третий в Университете, на юридическом) и трое дочерей. Старшая из них окончила Бестужевские курсы и была директриссой в женской гимназии, средняя — моя ровесница, — только что окончила институт благородных девиц, а младшая еще ходила в гимназию.

После похорон дяди Адриана, сидя с нами за столом, на поминках, кузен Гриша рассказал о моем случае с гадалкой и вынужден был признать, что не все подобные предсказания являются простым обманом и шарлатанством.

* * *

Несколько позже, летом, все молодое поколение нашей семьи, то-есть я, мои братья, а также кузены и кузины, — дети покойного дяди Адриана, — съехались в прекрасном и богатом имении моей бабушки, в Богдановке. Там мы замечательно, прямо как в сказке, про-

вели наши каникулы. Но всякой сказке бывает конец, наступил для нас день разъезда. Осенью мы, с моим братом Женей, прибыли в Петербург и снова окунулись в студенческую жизнь. Встреча с прошлогодними подругами и друзьями была сердечной и радостной.

Мои сожительницы Мария и Ниночка на лето никуда не ездили, — одной было слишком далеко, а другой просто некуда ехать, — но они переменили нашу комнату на другую, бо̀льшую и лучшую, рассчитывая и на мое возвращение. Места прибавилось, теперь на наши вечеринки стало собираться еще больше народу, а как следствие этого, они сделались более оживленными и интересными.

Часто мы целой компанией ездили к моим кузенам Александру и Михаилу в Лесной, — так называлась окраинная часть города, где помещались Политехнический и Лесной институты, в которых они учились. Круг наших друзей и знакомых теперь пополнился студентами этих институтов. Очевидно именно от них пришло к нам новое увлечение: часто мы целой гурьбой стали ходить на веселые оперетки.

В этом году у меня на Курсах была более грудная программа занятий и более сложные чертежи. Справлялась я с ними довольно легко, а если случались затруднения, мне охотно помогал член нашего кружка, технолог Борис Львов. Он был очень способный студент и ко мне относился с большой симпатией. Иногда мне даже казалось, что под этим скрывается более серьезное чувство, но открыто он его никогда не обнаруживал и между нами установились чисто дружеские отношения.

Во всем остальном наша жизнь протекала почти так же, как и в прошлом году, разве-что стали больше говорить о войне и о политике. В том кругу студентов, к которому принадлежала я, политиканством вообще не занимались; кое-кто, в угоду моде, слегка "либеральничал", но в массе все были настроены патриотически и считали, что сейчас самое главное — это выиграть войну и не ослаблять Россию внутренней политической борьбой.

Однако среди петербургского студенчества немало

было и левых, которые желали революции и старались использовать каждый подходящий повод для антиправительственной агитации. И как раз в это время таким поводом служил Распутин.

Это имя буквально не сходило с уст революционно настроенной части студенчества и чуть ли не каждый день пускались в оборот новые и новые рассказы о его развратных похождениях, о том огромном и роковом влиянии, которое он, будто бы, имеет на царя и на царицу, о его самом бесцеремонном и пагубном вмешательстве в государственные дела, а едва начались у нас неудачи на фронте, — стали говорить, что он платный немецкий агент и предает Россию при помощи и покровительстве немки-царицы. В то время очень трудно было разобраться во всем этом и определить где ложь, а где правда, тем более что Распутиным возмущались не только лево настроенные студенты, но и верхи столичного общества, которые никак нельзя было заподозрить в революционности.

Об этом я много слышала от Гриши Краснова, который занимая довольно высокий пост в Министерстве Путей Сообщения, соприкасался с высшими сферами, если и не непосредственно, то через своих старших сослуживцев, которые получали новости так сказать "из первых рук" и хорошо знали настроения "верхов".

Из этих верхов те немногие, которые делали карьеру при помощи Распутина, были от него, конечно, в восторге, называли святым и чудотворцем, но огромное большинство его ненавидело и считало наглым шарлатаном, близость которого к императорской семье подрывает монархию, способствует революции и позорит Россию в глазах иностранцев.

Однако, с другой стороны всем было известно, что наследник престола, маленький цесаревич Алексей неизлечимо болен гемофилией и что когда у него начинаются кровоизлияния, их не могут остановить никакие доктора, а по молитве Распутина кровотечение сразу же прекращается. Его целительной силы не отрицали даже революционеры, только они объясняли ее не чудом, а

необыкновенной гипнотической силой, которой обладал старец. Но как бы там ни было, — только он и поддерживал жизнь наследника, а потому легко можно было понять отношение к нему царя и царицы, а также и то влияние, которое он приобрел при Дворе.

Таким образом, в его возвышении ничего грязного вероятно не было, но революционеры, сделавшие Распутина главным козырем своей игры, старались истолковать дело иначе и объясняли его просто развратом. Среди левого студенчества ходил по рукам фотографический снимок, изображавший Распутина пирующим в обществе императрицы Александры Федоровны и ее придворных дам, одну из которых он в этот момент обнимал. Я эту фотографию видела и она мне показалась подозрительной: была тёмной и лиц нельзя было отчетливо разглядеть, — очень возможно что это была подделка, но студенты объясняли неясность фотографии тем, что ее тайно снял один из лакеев, прислуживавших на этом пиршестве, и что при таких обстоятельствах он не смог как следует навести аппарат.

А что влияние Распутина было велико, в этом мне тоже пришлось убедиться на конкретном примере. Наш дальний родственник был священником в одном из городских приходов Самары и в этом городе жил чуть ли не с детства. В силу каких-то местных интриг, его не взлюбил епархиальный архиерей и решил перевести священником в довольно отдаленное и бедное село. Для отца Василия, — как звали этого нашего родича, — такое назначение было страшным ударом: три его младшие дочери учились в это время в гимназии и при переезде семьи в деревню должны были бросить учение, так как бедный священник, не имеющий никаких личных средств, не мог жить на два дома, тем более, что он еще поддерживал старшего сына Михаила, который был студентом в Москве. Когда отец написал ему о своей трагедии, Михаил по совету кого-то из своих московских знакомых, отправился в Петербург и пошел к Распутину, просить помощи и содействия.

Распутин его принял сразу и внимательно выслушал, а потом дал ему записку к самарскому архиерею,

приблизительно такого содержания (Миша мне ее показывал): "священника отца Василия такого-то надо назначить в Самарский собор, беспременно", и следовала подпись. Михаил с этой запиской сейчас же поехал в Самару и вскоре оттуда нам с братом написал, что вместе со своим отцом был у архиерея, на которого записка произвела магическое действие и всё сейчас же уладилось.

Этот случай одновременно опровергает рассказы о том, что Распутин был чрезвычайно корыстолюбив и что он, будто бы, за подобные услуги брал крупные взятки. С Михаила он ничего не взял и помог ему вполне бескорыстно.

О Распутине в то время, да и позже, — вплоть до наших дней, — говорили и писали много самого противоречивого и не знаю, разберется ли когда-нибудь во всем этом беспристрастный историк. Не подлежит сомнению только одно: каковы бы ни были его нравственные качества, он безусловно обладал какой-то таинственной, вернее всего гипнотической силой и умел ею хорошо пользоваться.

Вообще революционеры всех мастей и оттенков, готовясь к "последнему и решительному", в ту пору всячески старались дискредитировать царскую семью в глазах народа и пользовались для этого не одним только Распутиным. Было, например известно, что император Николай Второй в молодости, будучи еще холостым, увлекался красавицей балериной Кшесинской, — продолжение этой связи ему приписывали и теперь, хотя в это время он уже был отцом пятерых детей и в своей семейной жизни был, как говорят, счастлив. Левые усиленно распространяли слух, что этот роман обходится народу в десятки миллионов рублей, так как Кшесинская живет в умопомрачительной роскоши и вымогает у царя огромные суммы денег, тогда как их не хватает для нужд фронта и наша армия, не имея ни патронов, ни снарядов, вынуждена отбиваться от прекрасно вооруженного противника штыками.

Помню, однажды мне нужно было зайти за каким-то

учебным пособием на квартиру двух моих однокурсниц, которые к нашему кружку не принадлежали и я знала их только поверхностно. У них я застала еще двух курсисток и двух студентов петербургского университета, которых раньше не видела. Один из них в этот момент рассказывал "последние великосветские новости", как он сам выразился.

— Ну так вот, — говорил он, — царице наконец надоело, что ее августейший супруг постоянно торчит у Кшесинской, в им же подаренном роскошном дворце на Каменноостровском проспекте и она, воспользовавшись тем, что Николай в этот день куд-то выехал из Петербурга, послала двух преданных ей гвардейских офицеров с приказанием арестовать балерину. Когда они к ней явились и сообщили о цели своего визита, Кшесинская только усмехнулась и позвала: "Николà!". Из соседней комнаты немедленно появился сам император и самодержец всероссийский и затопав ногами обратил гвардейцев в паническое бегство...[1]).

Такие нелепые небылицы повторялись и распространялись по всей России в сотнях вариантов и люди стоявшие далеко от придворной жизни постепенно начинали им верить и разочаровываться в монархии. Я думаю, что если бы усердные сеятели подобных слухов могли предвидеть — какая власть придет ей на смену и к каким "свободам" приведет их пропаганда, они бы от нее воздержались.

Однако далеко не всё петербургское студенчество было настроено революционно. В том довольно обширном кругу учащейся молодежи, в котором вращалась я и который состоял из студентов Технологического, Путейского, Лесного и Политехнического институтов, а также наших женских Курсов, — господствовали совершенно иные и прежде всего глубоко патриотические настроения, что вскоре получило вполне наглядные доказательства.

---

[1]) Любопытно отметить, что этот дворец Кшесинской очень хотела купить группа богатых татар, которые думали построить тут мечеть, но она отказалась его продать.

3. ВНЕЗАПНАЯ ЛЮБОВЬ

Лето я опять провела в Самаре, но на этот раз поехала туда одна, т. к. брат Женя оставался в Петербурге. В этом году закончил среднее образование мой младший брат Александр и осенью мы с ним вместе поехали в столицу, где он хотел поступить в университет.

На вокзале нас встретил Женя и в числе прочих новостей сообщил, что на фронте наши дела идут очень плохо: русская армия всё время отступает, так как теперь она хотя и получила достаточно оружия и снарядов, — в ней страшный недохват офицеров, которых перебили за два года войны. И сейчас, в патриотическом порыве, очень многие студенты записываются в армию и в военные училища добровольцами, а курсистки идут в сестры милосердия.

Оба мои брата единодушно последовали этому благородному примеру и поступили юнкерами во Владимирское Военное Училище, чтобы через четыре месяца, получив производство в офицеры, ехать на фронт. Я их решение одобрила и чтобы быть к ним поближе, наняла комнату всего в трех кварталах от их училища и переселилась туда.

На наших Женских Курсах занятия не начинались и никто не знал, начнутся ли они в этом году вообще, а потому я, чтобы не сидеть без дела, поступила на службу в бюро "Контроля по постройке средней части Амурской железной дороги", благо это учреждение находилось всего в двух кварталах от моей новой квартиры.

Началась другая жизнь. Мой отец, узнав об этих переменах, настаивал, чтобы я не бросала Курсов, а когда я ответила, что там нет занятий, стал писать чтобы

я возвращалась домой, в Самару, грозя в противном случае прекратить мне высылку денег. Но возвращаться мне не хотелось, да и братья просили меня остаться с ними, и я осталась. Отец мне все-таки деньги высылал, но я возвращала их обратно, т. как сама зарабатывала вдвое больше и ни в какой помощи больше не нуждалась. Мне вполне хватало на жизнь, хотя она и становилась с каждым днем дороже.

По воскресеньям братья всегда приходили ко мне в отпуск, на целый день. Обычно мы отправлялись в кино или ехали куда-нибудь за город, а иногда я, чтобы их развлечь, устраивала у себя вечеринки, приглашая кое-кого из старых подруг курсисток, а мужской состав моих гостей стал теперь почти исключительно военным. Получилось это как-то само собой. По субботам я обычно ходила навещать братьев в их военное училище и там быстро перезнакомилась со многими офицерами и юнкерами, кое-кого из них я знала еще студентами, — вот их то и стала приглашать теперь на свои вечеринки. При этом я ставила условие: все свои военные взаимоотношения, чины, субординацию и т. п. оставлять в Училище, а ко мне приходить как равные, — как было в студенческие времена. Все охотно на это согласились и мои вечеринки им очень нравились. На них было весело и царила атмосфера дружеской непринужденности.

Моих подруг обычно приходило меньше, чем кавалеров, но это не умаляло веселья, а лишь вносило в него какую-то спортивную черточку: каждый пускал в ход все свои способности и остроумие, чтобы овладеть вниманием дамы. Иногда все гурьбой отправлялись в кино и каждый юнкер норовил, конечно, занять место рядом с барышней. Помню, однажды мне довелось при таких обстоятельствах сидеть между двумя кавалерами, один был портупей-юнкером, а другой простым "козерогом", как на военном жаргоне называли младших юнкеров. В полутьме кинематографического зала каждый из них со своей стороны тихонько пожимал мне руку и нашептывал на ухо комплименты, не подозревая что то же самое делает и другой. Это было так комично, что я еле удерживала рвавшийся наружу смех.

Бывавшие на этих вечеринках офицеры, из училищного начальства, тоже были очень молоды и веселились не менее искренно. Полушутя я их просила особенно не придираться к братьям и в случае провинности не ставить их надолго под винтовку, а придумывать какое-нибудь иное наказание, в особенности для Жени, который, будучи завзятым футболистом, еще в гимназии растянул себе сухожилия на ногах, а потому от долгой маршировки или стояния под винтовкой у него так распухали ноги, что иной раз, чтобы снять сапоги, приходилось их разрезать.

На службе у меня всё шло прекрасно. В мою обязанность входило — по планам вычислять в кубических саженях сделанные насыпи и выемки, а затем проверять, правильно ли было уплачено подрядчикам за эту работу. Я с этим легко справлялась и находила немало ошибок, чем мой директор был очень доволен.

Однажды он во время работы подошел ко мне и сказал, что меня вызывает по телефону главный ревизор Путей Сообщения, а затем провел в свой кабинет, где находился телефонный аппарат. Гриша Краснов, — таккак это был он, — приглашал меня с братьями на обед в ближайшее воскресенье и сердито корил за то, что я ему ничего не сказала о своем намерении поступить на службу, — он бы мог меня устроить гораздо лучше. Я коротко ответила, что об этом поговорим в воскресенье, а сейчас я очень занята.

По окончании этого разговора мой, тут же сидевший, директор стал упрекать меня за то, что я ему не сказала о том, что мой кузен занимает такой высокий пост и является его начальником. На это я ответила, что вопросы моего родства и семейных связей, как мне кажется, никакого отношения к службе не имеют, — потому я и не говорила об этом.

Вскоре произошло событие, которое послужило началом новой эпохи в моей жизни. Случилось это во Владимирском Военном Училище.

Однажды мне сообщили, что мой младший брат Александр сильно простудился и училищный врач на

несколько дней запретил ему выходить на улицу. В связи с этим я решила отложить на неделю очередную вечеринку, намеченную на ближайшее воскресенье, а в субботу отправилась в Училище, навестить братьев.

В приемной, за разговорами, мы просидели довольно долго, причем кто-то из братьев упомянул, что из офицеров сегодня дежурит по Училищу Сережа, бывший студент путеец, наш старый знакомый. Когда я, простившись с братьями, направлялась к выходу, мне надо было проходить мимо дежурной комнаты, дверь в нее была открыта и там, за столом, я действительно увидала Сережу. Заметив меня, он вышел чтобы поздороваться, а потом пригласил меня зайти в дежурную комнату и предложил сесть. Мы разговорились. Он уверял, что очень рад возможности со мной поболтать, так-как на дежурстве ему невыносимо скучно. Обрадовался он и тому, что я отложила вечеринку, на которую он завтра никак не смог бы попасть.

В дежурку, между тем, поминутно входили рапортовать идущие в отпуск юнкера. Среди них было много моих знакомых, некоторые из них, увидев меня, сначала кланялись мне, а потом рапортовали Сереже. Последний их за это цукал, говоря, что они нарушают воинский устав, а заодно не скупился на замечания за плохо начищенные сапоги, пуговицы или бляху на поясе. Если же юнкер сначала рапортовал, а уж после кланялся мне, — по его выходе я выговаривала Сереже, утверждая что он потворствует невоспитанности своих подчиненных, так-как первый знак внимания следует оказывать женщине.

Во время этих веселых и шутливых пререканий, через открытую дверь я вдруг увидела в корридоре незнакомого юнкера, который очевидно имел какое-то дело к дежурному офицеру, но не решался нарушить нашу беседу и терпеливо ждал, украдкой поглядывая на меня с легкой улыбкой.

В ту пору я была живой, веселой и жизнерадостной, многие юнкера и офицеры за мной ухаживали, некоторые были по-видимому даже серьезно увлечены. Однако меня это как-то не захватывало. Мне бывало

приятно и весело в их обществе, их ухаживанье немного льстило, кое-кто из них мне тоже нравился, но все это было поверхностно и я никому из своих поклонников не оказывала предпочтения. Но едва я увидела этого юнкера, меня как бы пронизало каким-то неведомым током. Я сразу почувствовала, что это "он", тот кого ожидало мое сердце! Он был мужественно красив, высок и строен, с горячими, лучистыми глазами... Вобщем я влюбилась в него с первого взгляда.

— Кто этот юнкер, что стоит возле двери, в коридоре? — спросила я у Сережи, стараясь придать своему голосу спокойно-небрежный тон.

— Вячеслав Доубрава, — ответил мой собеседник. — Кажется из обрусевших чехов. Что, понравился? Хотите познакомлю?

— Нет, не нужно... Это я потому спросила, что он похож на одного моего старого знакомого, — почти безотчетно промолвила я. Познакомиться с красавцем юнкером мне очень хотелось, но в моем подсознании это знакомство приобретало характер события, для которого дежурная комната казармы была местом черезчур прозаическим.

Я поднялась со стула и стала прощаться с Сережей, который вышел меня проводить. Стоявший в коридоре юнкер вытянулся в струнку и если это казенное приветствие можно было отнести на счет идущего со мной офицера, то относительно пламенного взгляда, устремленного прямо на меня, ошибиться было невозможно...

Было уже часов восемь вечера, когда я вернулась домой. Двери мне открыла курсистка консерватории Леночка, которая снимала комнату у моей же хозяйки. Она была очень застенчива и молчалива, а потому редко приходила на наши вечеринки, хотя я ее и приглашала. Таким образом, особенно интимной дружбы между нами не было, но меня так распирало новое, охватившее меня чувство, что через полчаса я пришла к ней в комнату и рассказала все. Леночка весьма заинтересовалась как этим зарождающимся романом, так и личностью моего избранника. Но будучи трезвомыслящей

женщиной, она никак не могла понять — почему я не воспользовалась таким удобным случаем, чтобы сразу же с ним познакомиться?

Я и сама теперь жалела об этом, но никакими запоздалыми сожалениями дела поправить уже было нельзя и мне оставалось утешаться тем, что осуществить это знакомство будет очень легко через моих братьев. Однако позже, оставшись одна и продолжая думать обо всем этом, я сообразила, что если буду действовать таким путем, дело затянется надолго: братьев я увижу и смогу с ними поговорить только через неделю, когда они придут на вечеринку, а привести с собою "моего" юнкера они смогут только в следующее воскресенье, когда у них будет очередной отпуск. Ждать две недели! — это было выше моих сил и проведя еще день в мучительных томлениях, я кончила тем, что поступила как пушкинская Татьяна: написала ему письмо.

Правда, в этом письме я ему не объяснялась в любви и не спрашивала кто он, — "ангел ли хранитель или коварный соблазнитель", а в полушутливом тоне писала приблизительно следующее:

"В минувшую субботу, когда Вы стояли у входа в дежурную комнату, где я разговаривала с Вашим офицером, мне показалось, что Вы ищете случая со мной познакомиться. Если так, могу Вам облегчить эту задачу: в ближайшее воскресенье я устраиваю у себя небольшую вечеринку, на которую придут мои братья, юнкера Вашего же училища Красновы и несколько их друзей. Если хотите, приходите и Вы с ними, а если я ошиблась, то это мое приглашение Вас, конечно, ни к чему не обязывает".

Надписав адрес, в тот же вечер я сама отнесла письмо в Училище и передала швейцару. И с этого момента меня уже не покидало лихорадочное чувство ожидания. Разумеется, я понимала, что письмо такого содержания вовсе не обязывает к ответу: Вячеслав, приняв мое приглашение, мог просто прийти на вечеринку вместе с моими братьями и уже тут, познакомившись со мною, поблагодарить. Но всё же я надеялась на ответ и томительно его жда-

ла. Однако ни на следующий, ни на второй день письма не было. На третий, расстроенная и подавленная, в два часа я возвратилась со службы и едва успела снять с себя пальто, раздался звонок. Открыла и не поверила глазам: передо мной стоял Вячеслав, собственной персоной!

Он представился, а потом, заметно волнуясь и смущаясь, сказал, что счастлив был получить мое письмо и сейчас тайком удрал из Училища, чтобы меня лично поблагодарить и сказать, что в воскресенье непременно придет на мою вечеринку. Затем не задерживаясь простился, поцеловал мне руку и ушел.

Я думаю, излишне говорить, что мое настроение мгновенно поправилось. Я была так рада этому неожиданному визиту и так очарована деликатностью Вячеслава, что теперь чувствовала себя на седьмом небе.

По праздникам братья приходили ко мне обычно часа в четыре, я же утром уходила в церковь, а потом, возвратившись оттуда, надо было всё приготовить к приему гостей и к вечеринке. Эти мои приготовления, столь обыденные и прежде не вызывавшие во мне никаких эмоций, в это воскресенье казались мне каким-то священнодействием, будто бы сегодня в каждой мелочи таился особый, мистический смысл. Я была радостно возбуждена, думала только о продстоящей встрече с Вячеславом и у меня уже не оставалось никаких сомнений в том, что я влюблена в него по уши.

Видно судьба ко мне благоволила, так-как томиться ожиданием мне пришлось меньше, чем я думала: в два часа пришел Вячеслав с огромным букетом роз. О радости моей нечего и говорить, но велико было и мое удивление:

— Каким образом вы смогли прийти так рано? Ведь юнкеров начинают отпускать только в три!

— Я отпросился раньше, сказавши дежурному офицеру, что мне нужно ехать к родственникам, которые живут очень далеко за городом, — смеясь ответил Вячеслав. — Как видите, ради удовольствия вас увидеть на два часа раньше, я пошел даже на обман начальства.

В четыре часа появились братья. Увидев моего гостя, они несказанно удивились.

— А ты как сюда попал? — спросил Женя.

— Прибыл квартирьером, — отшутился Вячеслав: — решил проверить, всё ли тут готово к вашему приему.

— Ну и ловкач! Здорово нас обставил. А мы и не подозревали, что ты знаком с нашей сестрой.

Вскоре подошли все остальные приглашенные и мы очень весело провели этот вечер. Меня особенно радовало то, что оба мои брата очень симпатизировали Вячеславу, а вскоре это чувство симпатии обратилось у них в крепкую дружбу.

Эта вечеринка оказалась последней перед производством юнкеров. Правда, мы еще несколько раз виделись с Вячеславом, но вскоре он пришел ко мне уже в офицерской форме, которая так шла к его мужественно-красивому лицу и стройной фигуре. Защитного цвета китель с золотыми погонами, галифэ и изящные высокие сапоги, — всё это сидело на нем безукоризненно.

В тот же день он объяснился мне в любви и просил моей руки. Он добавил, что выпущенных из Училища офицеров не сразу отправляют на фронт, а прежде на несколько месяцев назначают в новые полки, которые формируются в различных городах России, для пополнения действующей армии. И ему, Вячеславу, удалось взять вакансию в один из таких полков, который стоит тут же, в Петербурге, на Охте, — это позволит нам пока не расставаться, и если мы захотим — обвенчаться до того, как его полк будет отправлен на фронт. По его словам, война должна была скоро закончиться, т. к. и русская армия и союзники готовы к общему решительному наступлению, которое заставит обессиленную Германию сложить оружие.

Его слова переполнили мое сердце радостью, но всё это было для меня так неожиданно, что в первый момент я растерялась, начала бормотать о том, что пока не думала о замужестве и не окончив расплакалась. Вячеслав принялся меня успокаивать, целовал мне руки и говорил, что у меня еще будет достаточно време-

ни, чтобы свыкнуться с этой мыслью, а пока он только просил права считать и называть меня своей невестой. Немного успокоившись, я тоже призналась ему в своей любви и дала согласие.

Трудно представить себе мгновения более счастливые чем те, которые переживали мы после этих обоюдных признаний и решений, которые должны были навсегда соединить наши жизни и судьбы.

Немного позже пришли мои братья и мы сейчас же им представились как жених и невеста. Оба расцеловались с нами, поздравили и пожелали счастья, а Женя добавил:

— Молодцы, ловко вы все это обладили! Впрочем я подозревал, что у вас дело кончится этим!

---

4. ДЕЛА СЕМЕЙНЫЕ И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Когда мои братья, произведенные в офицеры, покинули Петербург и отправились в свои полки, жить возле Владимирского Военного Училища мне было больше незачем и я решила переменить свою комнату на лучшую и более удобную. Вскоре, по рекомендации кого-то из знакомых, я таковую наняла в доме одной пожилой дамы, баронессы, отличавшейся изрядными чудачествами.

Она была замужем за каким-то американцем, но когда он, проживши много лет в России, решил возвратиться к себе на родину, она с ним ехать категорически отказалась и на старости лет осталась одна, таккак их единственная дочь, тоже замужняя, постоянно жила в Париже, где старалась сделать театральную карьеру, выступая в качестве артистки.

Баронесса имела великолепную квартиру, состоявшую из парадного приемного зала и шести роскошно обставленных комнат, но видимо от долгого одиночества она слегка свихнулась и опустилась: ходила в старом, засаленном капоте, была неопрятна, редко купалась и жила со своей собачкой в маленькой, вечно неубранной комнатке возле кухни. Жена дворника делала ей в магазинах все необходимые покупки, готовила еду и прибирала квартиру. Впрочем, в свою комнату баронесса ее допускала редко, — только лишь когда воздух там становился совершенно невыносимым, разрешала открыть на короткое время форточку.

Но бывали дни, когда она преображалась. Это случалось редко, когда приходили навещать ее старые подруги — аристократки или кто-либо из людей, к кото-

рым она чувствовала особое расположение. В этих случаях она приводила себя в порядок, — причесывалась, пудрила лицо, одевалась в дорогие, хотя и старомодные парижские туалеты и принимала гостей по всем правилам этикета в своем роскошно обставленном зале. Там зеркально блестел паркет, с потолка свисала умопомрачительная хрустальная люстра, стены были украшены картинами знаменитых художников, а окна и двери — драпировками из французского шелка. Мебель была в стиле Людовика Четырнадцатого, по углам кадки и вазоны с тропическими растениями, и всюду в застекленных шкафчиках — серебро, хрусталь, фарфор.

Когда я, со своим женихом, пришла к этой баронессе с запиской от ее старой приятельницы, она очевидно решила, что следует принять нас "по первому разряду": по ее распоряжению, прислуга провела нас в зал и попросила немного подождать. Ждать, правда, пришлось довольно долго, пока хозяйка наводила на себя лоск. Наконец она появилась в длинном дорогом платье, затянутая в корсет, — высокая седеющая дама, лицо которой еще сохраняло следы былой красоты. Позже мы узнали, что в молодости она была придворной фрейлиной.

Она нас приняла очень мило, повздыхала о прекрасном и безвозвратно ушедшем прошлом, коротко рассказала о своей семье и посетовала на одиночество, ставшее ее уделом. Потом показала нам всю квартиру (за исключением своей комнаты) и охотно согласилась сдать мне комнату, смежную с приемным залом. Она была очень уютна и прекрасно обставлена: небольшая деревянная кровать с резными спинками, с другой стороны тахта с двумя боковыми тумбами, на которых стояли красивые вазоны, зеркальный шкаф-гардероб, под окном изящный письменный столик, застекленная этажерка с книгами, еще один стол и два удобных кресла. Весь пол был покрыт дорогим персидским ковром.

Комната нам очень понравилась, а цену за нее хозяйка назначила до удивления дешевую. В восторге от такой удачи, мы с Вячеславом поспешили откланяться

и отправились прямо ко мне, складывать и упаковывать вещи. В тот же день, к вечеру, я перебралась на новоселье.

**
*

В конце января 1917 года я послала домой письмо, в котором сообщила родителям, что у меня есть жених и подробно его описала. К этому добавила, что обвенчаться мы хотим в самом ближайшем будущем и оба надеемся, что отец и мать нас благословят и приедут в Петербург, на нашу свадьбу. Отец на это ответил, что очень сожалеет, но приехать едва-ли сможет, так как его связывает служба. Но почти сейчас же вслед за этим письмом нежданно-негаданно приехала мама. Мой жених ей очень понравился и наше решение она вполне одобрила.

Что касается родителей Вячеслава, то он им не хотел писать о нашей предстоящей свадьбе, ибо не сомневался в том, что они, в особенности мать, начнут его отговаривать: он-де еще слишком молод, неустроен, благоразумнее будет подождать и т. п. — всё, что в таких случаях спокон веков говорят обожающие свое чадо родители. Препираться и убеждать их письменно Вячеслав считал мало целесообразным и настаивал на том, что нам следует вдвоем поехать к ним, чтобы они меня воочию увидели, и уж там, на месте, объяснить им всё и просить благословения на брак.

По-началу я на это не соглашалась, считая, что девушке ехать вдвоем с женихом к его родителям не совсем прилично и что это может произвести на них отрицательное впечатление. Но в то же время я не хотела венчаться без их согласия. Однако на сторону Вячеслава неожиданно стала моя мать.

— По-моему тебе следует поехать, — говорила она.
— Надо дать им возможность увидеть тебя лично. Думаю, что это положит конец всяким их колебаниям, да и ты сама почувствуешь как они к тебе относятся и хотят ли видеть женой своего сына. И если всё сложится благополучно, в чем я уверена, — там же они вас и бла-

гословят и вы со спокойной совестью вступите в новую жизнь.

Я с этими доводами в конце концов согласилась. Мама уехала домой, пообещав приехать на свадьбу. Вячеслав взял десятидневный отпуск и мы с ним не теряя времени отправились на Волынь, где возле города Дубно его родители-чехи имели плантации хмеля.

Время уже было неспокойное, на железных дорогах царил беспорядок, поезда были переполнены военными, едущими на фронт, а также всякими спекулянтами и мешечниками, скупающими по деревням и сёлам съестные продукты, в которых уже ощущался недостаток. Но все же, несмотря на все эти неудобства, через два дня мы доехали до места назначения.

Подъезжая к Дубно, Вячеслав (или Веночка, как я его теперь обычно называла) открыл окно вагона, чтобы показать мне их хутор, с большим, двухэтажным кирпичным домом, который был виден с железной дороги. Дул лютый, холодный ветер, и во время этого показа, сопровождавшегося соответствующими пояснениями, Вячеслав простудил себе голову, но это начало сказываться лишь на следующий день, а пока мы вполне благополучно закончили свое путешествие и явились к его родителям.

Для них наше появление было полнейшей неожиданностью, так-как Вячеслав их ни о чем не предупредил. Зная, что их сын в армии и в самом близком будущем должен отправиться на фронт, они были особенно рады его видеть. Меня он им представил, без обиняков, как свою невесту и кажется я произвела на них хорошее впечатление.

Дома у них разговорным языком был чешский, а по-русски они говорили с заметным акцентом, но я их отлично понимала. У Вячеслава было два младших брата, один учился в Чехии, в горной академии, второй, меньший, еще находился дома. Была и сестра, — самая старшая из всех, — ее муж был начальником какой-то крупной железнодорожной станции и они жили отдельно.

Среди новых людей и новых впечатлений день промелькнул незаметно, но к вечеру Вячеслав начал жаловаться на легкое недомогание, на следующий день он чувствовал себя с каждым часом хуже, а на третий всё лицо у него запухло и начались нестерпимые головные боли.

Фронт находился тогда недалеко от Дубно, в городе стоял большой военный госпиталь и мы с отцом Вячеслава отправились туда, за доктором. Принял нас старший врач, мы рассказали ему в чем дело и он обещал приехать лично осмотреть больного.

Действительно, не прошло и часа после нашего возвращения домой, как приехал доктор и с ним целый букет сестер милосердия, — семь девиц, из которых некоторые были родом из Дубно и знали Вячеслава раньше. Узнав, что он приехал из Петербурга не один, а с невестой, сестрички заметно скисли и утратили ко всему происходящему всякий интерес. Доктор осмотрел больного и сказал, что лучше всего сделать операцию, иначе болезнь затянется надолго и может окончиться плохо. Добавил, чтобы мы об этом подумали и если будем согласны, привезли Вячеслава в госпиталь. После этого он, со всей своей женской свитой уехал, а мы приступили к совещанию, которое, впрочем, было недолгим: все находили, что положение Вячеслава не столь уж безнадежно, чтобы соглашаться на операцию лица, которая может на всю жизнь изуродовать человека. И я решила лечить своего жениха давно испытанными народными средствами.

Центр опухоли был на верхней губе, она невероятно вздулась и была окружена багровой краснотой. День и ночь я прикладывала к этому месту попеременно печеный лук и смоченную горячей водой вату, почти не отходя от больного, только иногда меня подменяла его мать. На третий день громадный нарыв совершенно созрел. Я на всякий случай подождала еще ночь, а потом, смазав щеку Вячеслава иодом и хорошенько продезинфецировав тонкие ножницы, вскрыла этот нарыв. Оттуда вышло столько гноя, что все пришли в ужас, казалось, им наполнена вся голова. Действуя с большой

осторожностью, чтобы не причинить своему пациенту боли, я постепенно выдавила нарыв и хорошо очистила рану. Головные боли у Вячеслава сразу прекратились, открылись глаза и он почувствовал себя выздоравливающим. Все его родичи успокоились и повеселели, отец и мать даже расцеловали меня и благодарили со слезами на глазах.

На следующий день я, вместе с будущим своим свекром, поехала в комендатуру, просить чтобы Вячеславу продлили отпуск по болезни. Принявший нас полковник был очень любезен, сразу продлил отпуск без указания срока и добавил, что когда мой жених совершенно поправится, пусть явится лично, за получением надлежащих бумаг и пропуска.

В конечном итоге мы пробыли в Дубно три недели. Родители Вячеслава меня искренне полюбили и хотели повенчать нас там же, у них, но у нас еще не было всех необходимых для этого документов, а кроме того Вячеслав торопился возвратиться в полк. Родители нас трогательно благословили и мы, счастливые, пустились в обратный путь.

***

В Петербурге баронесса встретила нас большой новостью: оказывается в наше отсутствие приезжали мой отец и брат Женя, которые по пути разминулись с возвращавшейся домой мамой и потому не знали, что мы с Вячеславом уехали в Дубно. Узнав, что нас в столице нет, они почти сразу же возвратились в Самару, — эти подробности рассказал мой кузен Гриша Краснов, у которого они останавливались.

Полк Вячеслава стоял на Охте, в восемнадцати верстах от Петербурга. Едва мы приехали, он сразу же отправился туда, пообещав через день или два навестить меня. Но прошло несколько дней, а он не появлялся и я о нем ничего не знала, так что начала даже беспокоиться — не заболел ли он снова. Наконец утром 27 февраля, когда я уже была на службе, туда явился денщик Вячеслава, после того как уже побывал у ме-

ня на квартире и там не застал. Он передал мне записку, в которой было всего несколько слов: "сейчас же приезжай ко мне, на Охту, деньщик тебя проводит. В городе неспокойно и можно ожидать больших беспорядков, а то и похуже".

Я сейчас же, под каким-то предлогом, отпросилась у своего директора, забежала домой, сказала баронессе, что еду к жениху и чтобы она не беспокоилась если я сегодня не вернусь, а затем мы с деньщиком пустились в путь.

Ехали мы трамваем и сразу заметили, что в городе происходит что-то необычное. Откуда-то издали доносились многоголосые крики, временами переходящие в рев; люди на тротуарах собирались кучками и о чем-то оживленно толковали. Небольшие группы, расталкивая публику, чуть ли не бегом двигались по направлению к Невскому проспекту, до которого и наш трамвай, несмотря на некоторые задержки, добрался благополучно. Но тут мы попали в самый водоворот событий и мне показалось, что столица охвачена повальным сумасшествием.

Навстречу нам, по направлению к Адмиралтейству и Зимнему Дворцу, наводняя всю улицу, с неистовыми криками бежали толпы людей, состоящие преимущественно из рабочих и солдат, изукрашенных красными бантами и лентами. Над этой беснующейся, размахивающей кулаками и палками толпой реяли красные флаги. В общем исступленном реве иногда можно было разобрать: "Долой самодержавие!" "Долой войну!" "Да здравствует революция!" и т. п.

Любопытные выходили на балконы или высовывались из окон. Если в руках у них не было красных тряпок и они не обнаруживали признаков буйной радости, — в них с руганью швыряли камнями и всем, что попадалось под руки. То тут, то там было видно, что кого-то жестоко избивали, — очевидно городовых и других мелких представителей власти. Творилось что-то невероятное, казалось народ обезумел и потерял контроль над собой. Это было начало февральской революции, которую энтузиасты сразу же назвали великой и бес-

кровной, хотя великого в ней было очень мало, а крови очень много...

Почти сразу толпа остановила наш трамвай и выгнав из него всех пассажиров, перевернула вверх колесами. Мы побежали в боковую улицу и на ближайшей остановке, после довольно долгого ожидания, нам удалось втиснуться в другой трамвайный вагон, который был переполнен публикой (билетов, конечно, никто не продавал и не спрашивал). Однако через несколько кварталов толпа нас снова высадила и перевернула трамвай. Далее это повторялось еще несколько раз. Добрую половину пути нам пришлось пройти пешком и только под вечер мы, совершенно измученные, добрались до того места, за которым начиналась Охта. Тут нас ждал Вячеслав, со взводом солдат своего полка, которые охраняли мост через реку.

На Охте еще всё было спокойно. Несколько дней тому назад, приказом по полку были отменены все отпуска, никому не разрешалось даже на короткое время отлучаться из казармы. Все находились в состоянии боевой готовности, а мост бдительно охранялся, через него было приказано никого не пропускать без особых пропусков ни в город ни из города, — в силу всего этого Вячеслав и не мог меня все эти дни навестить. Теперь он провел нас через мост и проводил в заранее нанятую для меня комнату, недалеко от казармы, и в качестве телохранителя оставил при мне деньщика, которому поставили кровать в коридоре.

Предусмотрительный Вячеслав заранее купил и сложил в моей комнате порядочный запас всевозможных съестных продуктов, а готовить я могла на кухне у хозяйки, но надобности в этом почти не было, так-как деньщик пока приносил горячую пищу из офицерского собрания своего полка.

Тут революции почти не было заметно, но из центра приходили тревожные известия. Там шли беспорядки и бесчинства разнузданной толпы; император отрекся от престола, отказался вступить на царство его брат, великий князь Михаил Александрович, почти все министры были арестованы, — таким образом старое прави-

тельство перестало существовать, а нового не было, так-как власть оспаривали друг у друга Государственная Дума и Совет солдатских и рабочих депутатов; кроме того, в каждом из этих учреждений на ведущую роль претендовало несколько политических партий, непримиримых между собою.

Все следующие после моего приезда дни Вячеслав забегал ко мне только на несколько минут и сейчас же снова возвращался в полк, так-как положение оставалось очень напряженным. Я, не предполагая что пробуду здесь так долго, не взяла с собой никаких личных вещей и теперь мне были необходимы хотя бы смена белья и платья. Едва первая волна революционного буйства пошла немного на убыль, деньщик отправился в город, с запиской к моей квартирной позяйке.

Баронесса очень обо мне беспокоилась, видя что я так долго не возвращаюсь и не зная что со мной произошло. Деньщик ей рассказал о всех наших мытарствах и заверил, что я нахожусь в полной безопасности, после чего она сложила в пакет все вещи, перечисленные в моей записке и вручила их деньщику, который пустился в обратный путь, и снова не без труда добравшись до Охты, вечером доставил мне этот пакет.

---

5. ЗАМУЖЕСТВО

Прошло еще несколько сумбурных дней и наконец, после всяких скандалов, словопрений, неразберих и бестолковщины, ко власти пришел Керенский. Стало тише и спокойнее, бушующие на улицах толпы поредели и Вячеслав нашел возможным отвезти меня домой, получив разрешение воспользоваться для этого полковым автомобилем.

Я снова водворилась у баронессы, но время было тревожное и Вячеслав все время обо мне беспокоился. Он старался часто меня навещать, но это было неудобно и трудно: из полка ему разрешали отлучаться лишь на короткое время, да и то не всегда, а дорога в два конца занимала столько времени, что иной раз, едва успев приехать, он уже должен был отправляться обратно. Это мучило нас обоих и мы решили как можно скорее обвенчаться, чтобы можно было жить вместе.

Однако прежние правила бракосочетания для офицеров еще оставались в силе и надо было выполнить ряд формальностей, из которых помню те, которые касались непосредственно меня: прежде всего нужно было получить письменное согласие моих родителей, так как мне еще не хватало нескольких месяцев до совершеннолетия. Затем потребовалось нотариально оформленное свидетельство о том, что я выхожу замуж по собственному желанию; и наконец офицеры полка, сделавшие мне визит, должны были вынести решение — достойна ли я стать "полковой дамой" и быть принятой в офицерском собрании. С этим, конечно, никаких затруднений не произошло, всё остальное тоже было оформлено довольно быстро и семнадцатого мая состоялась наша свадьба.

По общему желанию всех офицеров, сослуживцев

Вячеслава, венчались мы в полковой церкви, на Охте, причем всё было обставлено очень пышно и с такой сердечностью, что это ярко запомнилось на всю жизнь. Когда мы, в сопровождении всех приглашенных, на нескольких автомобилях подъехали к церкви, тут нас встретили в полном составе офицеры полка и буквально засыпали цветами. Церковь внутри тоже была изукрашена гирляндами цветов и зелени. Пел прекрасный хор певчих и обряд венчания прошел благолепно и торжественно.

Свадьбу праздновали весело и шумно в приемном зале баронессы, которая в этом событии приняла живейшее участие. Накануне этого дня несколько моих подруг деятельно помогали по кулинарной части, — пекли всякие пироги, куличи, сдобные булки, печенья и прочее. Из дому мне прислали объемистую посылку со всевозможными закусками и снедью, — там был целый окорок ветчины, различные колбасы, масло, сыр, несколько куличей и тортов, и много иного. Офицеры со своей стороны принесли вино, ликеры, фрукты и целую кучу шоколада. Словом, всего было много, но и гостей было столько, что этого едва хватило.

На свадьбу были приглашены те еще остававшиеся в Петербурге студенты, с которыми в Институте дружил Вячеслав, а также и мои подруги по Курсам и некоторые знакомые барышни. Много было и офицеров, как полковых, так и окончивших вместе с Вячеславом Владимирское училище. Всё это была молодежь, а из людей более солидных присутствовали только мой кузен Гриша Краснов с женой, командир полка и, конечно, наша квартирная хозяйка.

Когда мы приехали из церкви, на пороге нас встретила с хлебом-солью нарядно одетая баронесса. Мы были очень растроганы таким приемом, особенно когда она нас, коленопреклоненных, по русскому обычаю благословила иконой. А когда мы входили в зал, неожиданно грянула музыка, — оказывается полковые офицеры привезли с собой нескольких музыкантов.

Едва переступив порог зала, я сразу увидела тут

высокого морского офицера, мичмана, который стоял возле двери с букетом роз в руке. Его лицо мне было очень знакомо, но все же, когда Вячеслав тихонько спросил меня— кто это такой, в первый момент я не могла вспомнить. Мичман между тем направился прямо к нам, поздравил, поцеловал мне руку и вручил букет. Только теперь я его узнала и представила мужу: это был постоянный член нашего старого студенческого кружка, технолог Боря Львов, помогавший мне в занятиях, когда я была на Курсах. Два года я его не встречала и ничего не знала о его судьбе, а потому, протанцевав первый вальс с мужем и извинившись перед другими, я подсела на диван, к Борису.Вид у него был явно подавленный, причину чего я начала понимать, когда он с первых же слов нашей беседы с горечью промолвил, что несказанно сожалеет о том, что "опоздал".

Он вкратце рассказал мне о главнейших событиях своей жизни последних лет: в 1915 году он поступил в Школу Корабельных Гардемаринов, по окончании которой получил назначение в Каспийскую флотилию, с базой в Баку. Он всё время переписывался со своим закадычним другом Костей, тоже неизменным членом нашей старой компании, который теперь был офицером и находился на фронте. Этот Костя когда-то мне очень нравился, да и сам, повидимому, был в меня влюблен, а потому Борис считал некорректным становиться между нами и проявлять какие-либо чувства ко мне. Только совсем недавно, узнав что Костя убит на войне, Борис не медля взял отпуск и отправился в Петербург, чтобы сделать мне предложение. Тут, не зная моего адреса, он вчера разыскал мою подругу, бывшую курсистку Ниночку и от нее узнал, что я сегодня выхожу замуж. По словам Бориса, это его так ошеломило, что он не мог сдержать слез, но немного успокоившись взял мой адрес и ушел. А Ниночка, которая утром пришла, чтобы помогать мне готовиться к венцу, не желая меня расстраивать, ничего об этой встрече не сказала, ибо была уверена, что Борис на свадьбу не придет.

В заключение Борис сказал, что он любил меня и не переставал думать обо мне все эти годы, не забудет и впредь. И добавил, что в наше смутное и беспокой-

ное время всё может случиться, и если я по тем или иным причинам снова стану свободной, — просил вспомнить о нем, ибо его сердце принадлежит мне и он всегда будет меня ждать. После этого, извинившись что не может оставаться дольше, он простился со мной и с мужем, и ушел.

Этот эпизод, как мимолетное облачко, немного омрачил мне настроение, но все же радость и счастье сегодняшнего дня были стократ сильнее, так что по уходе Бориса мы продолжали танцевать и веселиться до самого утра, на что охотно дала согласие баронесса.

К свадьбе я получила много подарков. В те времена не принято было в подобных случаях дарить какие-нибудь "практичные" вещи для домашнего обихода, — все это невеста получала от своих родителей, в качестве приданого. Офицеры, конечно, преподнесли мне такую уйму цветов, что их некуда было ставить, а подруги надарили духов, хрустальных вазочек, серебряных вещиц и иных изящных безделушек. От мужа я получила серебряный чайный сервиз, каракулевую шубку, красивый золотой браслет и несколько колец, а мать прислала мне великолепный атласный халатик, типа японского кимоно, сиреневого цвета с гирляндами маков, нарисованных масляными красками, — собственноручной маминой работы.

***

Через несколько недель мужа перевели из полка в технический отдел Генерального Штаба и мы должны были переменить квартиру, чтобы жить поближе к месту его новой службы.

Сняли большую и прекрасно обставленную комнату у Дерюжинского, — бывшего камергера двора Его Величества. В этом же доме, этажем ниже, жил известный петербургский профессор, князь татарского происхождения Мордухай-Болтовской, с которым было интересно встречаться и разговаривать так как он очень хорошо знал моего деда, тоже татарского князя, и рассказывал о нем много такого, чего я не знала.

У наших хозяев Дерюжинских детей не было, но была племянница — артистка Александринского театра, где они имели свою ложу, куда нас часто с собою приглашали. Ходили мы с ними также во французскую драму. Мой муж хорошо владел французским языком, он вообще отлично учился: гимназию окончил с золотой медалью и легко выдержал экзамены в Институт Инженеров Путей Сообщения, куда был большой конкурс и очень трудно было попасть. Этот институт среди других высших учебных заведений занимал несколько особое положение и носил явно аристократический характер. Студенты там были подтянуты, отлично одевались и отличались светскими манерами. На балах у них всегда бывала избранная публика, их нередко посещали даже члены императорской семьи.

У Дерюжинских мы чувствовали себя прекрасно. Они относились к нам почти по-родственному и по воскресеньям мы всегда обедали вместе. Жили они на широкую ногу, хотя теперь, когда никаких приемов больше не устраивалось, отпустили часть слуг и в том числе повара, но лакея и женскую прислугу еще держали. Вообще падение монархии и революционная смута на всё накладывали свой отпечаток. Временное правительство ни уважением, ни популярностью не пользовалось и страха никому не внушало. В Петербурге выходило много газеток и листовок крайне левого направления, в которых открыто критиковали и высмеивали главу правительства Керенского и помещали на него каррикатуры, из которых я хорошо запомнила одну, где он был изображен примеряющим перед зеркалом царскую корону.

Но деловая и служебная жизнь шла в столице почти нормально. Конечно, многие высшие чиновники царского времени вынуждены были уйти в отставку и на их места назначили других, стоявших на очереди, а не революционных "выдвиженцев", появившихся позже, при большевиках. Получил повышение и мой двоюродный брат, Гриша Краснов, ставший теперь товарищем министра Путей Сообщения. Но в этот период времени мы жили очень далеко друг от друга и потому встречались сравнительно редко. Да и по службе мой муж

был так перегружен работой, что мы даже не смогли этим летом съездить к моим родным, в Самару. А затем грянула октябрьская революция.

Однажды мы с Вячеславом ехали трамваем по Каменноостровскому проспекту и перед дворцом балерины Кшесинской увидели огромную толпу людей. Трамвай дальше продвигаться не мог, он остановился и все пассажиры побежали смотреть — что там происходит. Пошли и мы. На балконе дворца стоял и размахивая руками ораторствовал неказистый и лысый человек, оказавшийся Лениным. Из-за шума и рева толпы трудно было расслышать всё, что он говорил, но о характере его речи легко можно было судить по отдельным, долетавшим до нас словам и фразам, вроде следующих: "Товарищи рабочие и солдаты! Всё что за долгие века награбили ваши эксплуататоры, теперь должно принадлежать вам!" "Война народу не нужна, с немцами надо немедленно заключить мир!" "Вся власть трудовому народу!" и т. п. После каждой такой фразы толпа ревела: "Правильно, товарищ Ленин! Довольно попили нашей кровушки! Долой буржуйское правительство гада Керенского!"

Выбравшись из толпы, мы направились домой. Муж только сказал: "Ну, началось!" И он не ошибся, — на следующий день произошел коммунистический переворот, положивший в России начало длительной эпохе кровавого произвола, террора и ужасов не поддающихся описанию.

---

6. ОКТЯБРЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

На следующий день, проснувшись довольно рано, мы сразу же услышали шум и неистовые крики, доносившиеся откуда-то издалека. Было ясно, что в городе происходит нечто необычайное, но что именно, мы еще не знали. Немного позже лакей Дерюжинских отправился, как обычно, покупать продукты для кухни и возвратившись передал то, что видел и слышал: по главным улицам, пешком и на грузовиках, двигаются огромные толпы солдат и рабочих с красными флагами и плакатами, среди них немало и женщин. Все вооружены кто чем попало, солдаты винтовками, а рабочие больше дубьем; на шапках и рукавах у всех красные ленты; крик и шум стоят такие, что уши лопаются, а понять что-нибудь трудно, потому что кричат все разом и каждый своё. Лакей только и разобрал: "Да здравствует товарищ Ленин!" и "Долой продажное правительство Керенского!" А когда у одного рабочего, который ему показался толковее других, он спросил — что теперь будет, тот ответил: "всех министров и буржуев перебьем и сами будем править!"

Наш семиэтажный дом, а возле него еще несколько таких же, принадлежали какой-то крупной коммерческой компании и находились в спокойном районе, на довольно узкой и изолированной улице, поэтому толпы бунтовщиков тут не показывались и всё было сравнительно тихо, но из центра крики, а временами и стрельба доносились весь день.

Однако к вечеру наступило временное затишье и многие мирные жители из любопытства начали выходить на улицу. Не выдержали и мы с мужем, уж очень интересно было узнать — что происходит. Пока мы

продвигались с некоторой опаской к центру, крики оттуда слышались всё время, а стрельбы не было, но едва мы вышли на Невский проспект, она началась со всех сторон и вокруг нас поднялось нечто невообразимое. Люди, как сумасшедшие, с дикими криками метались во все стороны; какая-то воинская часть стреляла в толпу, из толпы стреляли по солдатам,из окон стреляли в кого попало... Те кто не принимал в этом участия, прижимались к стенам, прятались в подъездах и подворотнях, а когда вокруг них немного утихало, бежали дальше, в чаяньи выбраться из этого ада. Бежали с другими и мы.

Было уже совершенно темно, но на Невском пылало несколько огромных костров, в которые кидали вытащенную из домов мебель, доски, книги и папки с какими-то архивными бумагами или документами. А в одном месте мы с ужасом увидели, как толпа разъяренных и потерявших человеческое подобие мятежников с хохотом и руганью бросала в костер каких-то истерзанных людей, — как говорили, пойманных где-то жандармов или городовых.

Наконец стрельба прекратилась почти так же внезапно, как началась. Улицу снова густо заполнила толпа, — кто-то говорил речь, вокруг оратора что-то выкрикивали и наконец все в один голос стали орать: "к Думе! К Думе, товарищи! Вали все к Думе!"

Толпа, увлекая и нас, хлынула к Таврическому дворцу, где помещалась Государственная Дума. Здание было ярко освещено изнутри, вокруг толпилось море людей, которые были настроены весьма воинственно и выкрикивали какие-то требованья. На балконе стояло несколько членов Думы, которые уговаривали народ успокоиться, что-то предлагая или обещая, — расслышать всё было невозможно. Выступали они по-очереди, один за другим и каждый явно старался говорить подольше, так что мы с мужем сразу решили, что они чего-то ждут и всеми силами стремятся выиграть время.

Действительно, так оно и оказалось: в темноте из боковых улиц внезапно появились отряды пехоты и конницы, какова их численность, определить было нельзя,

но вокруг Думы сразу поднялась такая стрельба, что народ кинулся кто куда, в рассыпную. Кругом свистели пули, конница давила людей, солдаты стреляли в чужих и в своих, так как в темноте немыслимо было отличить друзей от врагов; в окна домов с улицы летели камни, вдребезги разбивая стекла. Всюду во множестве лежали убитые и раненые, слышались стоны и крики, — это было поистине ужасное зрелище! И спрятаться было негде, так как все ворота и подъезды были заперты наглухо.

То же самое, если не хуже, творилось и возле Зимнего дворца, как после мы узнали от очевидцев, а идти туда самим, после всего что мы сегодня видели, у нас не было никакой охоты. С трудом выбравшись из кровавого хаоса, бушевавшего вокруг Таврического дворца, мы благополучно добрались до своего дома и решили на улицу больше не выходить пока не наступит некоторое успокоение.

Прошло несколько дней. Власть окончательно перешла в руки большевиков, последние очаги сопротивления были в Петербурге беспощадно подавлены, ликующий пролетариат праздновал победу и расправлялся с "классовыми врагами". Мы с Вячеславом, одевшись похуже вышли из дому и пешком пошли на Невский проспект. Он был в ужасном состоянии: все витрины выбиты, магазины и многие дома разграблены, улица завалена всяким хламом и мусором, ветер носил по ней сбрывки грязной бумаги и пепел от многочисленных кострищ... Бедная "Северная Пальмира!"

В Петрограде нам делать было больше нечего и ничто нас тут не удерживало. Сложив в два чемодана самые необходимые вещи, а остальные оставив у Дерюжинских, мы наскоро простились с ближайшими друзьями и выехали в Самару.

***

В Самаре пока всё было спокойно, по крайней мере внешне, советская власть еще сюда не дотянулась.

Мой отец имел здесь частную школу живописи (он

был художник), но больших доходов она не приносила, семья же у нас была большая, пять братьев и я, и потому отец, кроме этого, преподавал рисование в мужской и в женской гимназиях. Мать в молодости окончила медицинские курсы и одно время имела в Самаре частную практику, но довольно скоро, по семейным обстоятельствам, ей пришлось свой кабинет закрыть.

У моих родителей были кое-какие личные средства и сбережения, которые они держали в банке. Теперь, когда в стране началась революционная разруха и можно было ожидать всего самого худшего, они хотели эти деньги вынуть, но так как то же самое спешили сделать и все другие вкладчики, вышло постановление — на семью выдавать не больше ста рублей в день. Но и для этого нужно было становиться в очередь с четырех часов утра и стоять почти до обеда. Таким путем мой отец успел получить всего шестьсот рублей, потом банк закрылся и всё что там осталось, для нас безвозвратно пропало.

Мне почти сразу удалось устроиться на службу в детский сад, искал что-нибудь и муж. Вскоре в Самару пришли чешские легионы, двигавшиеся в Сибирь, чтобы выехать в Чехию через Владивосток. Узнав, что Вячеслав чех, они предложили ему вступить в их армию офицером и ехать с ними, но он отказался, не желая ни оставлять меня, ни подвергать связанному с этим походом риску. Чехи направились дальше, на восток, не забыв прихватить с собой всё золото из местного банка. Это они делали во всех попутных городах, а в Казани захватили весь эвакуированный туда русский государственный золотой запас. Дальнейшее известно: предав адмирала Колчака и выдав его большевикам на расстрел, они при помощи японцев, вместе со всей русской казной уехали к себе на родину.

Вслед за этим, по тому же сибирскому пути, через Самару бежали из Петрограда уцелевшие члены Временного правительства и высшие должностные лица, говорили, что среди них был и сам Керенский. Прибыл с ними и мой кузен Гриша Краснов, который там, где еще не было коммунистов, по-прежнему пользовался на железных дорогах большой властью и влиянием. Он уго-

ворил моих родителей и братьев Бориса и Валентина ехать с ним и его семьей, так как было очевидно, что Самару не сегодня-завтра займут большевики. Предлагал он ехать и мне с мужем, и так же как родителям предоставил нам отдельный товарный вагон (пассажирских уже не было), но на беду я в это время тяжело заболела воспалением желчного пузыря и лежала с очень высокой температурой. Уже стояли изрядные холода и доктора категорически не советовали мне в таком состоянии пускаться в путь через всю Сибирь в нетопленном вагоне. И мы остались в Самаре, которая вскоре совсем опустела.

Между тем мне становилось все хуже и дошло до того, что я уже не приходила в себя и лежала в бреду. Лечивший меня врач пригласил двух других на консилиум, они почти всю ночь оставались возле моей постели и давали мне какое-то сильно действующее лекарство. К утру кризис болезни миновал и доктора сказали мужу, что спасти меня удалось буквально чудом. С этого момента я стала медленно поправляться.

Наконец настал день, когда я смогла выйти из дому, подышать свежим воздухом. Из-за моей болезни мы последнее время совершенно не интересовались тем, что делается в городе и не знали, что в него уже вошли большевики.

Наша улица была почти пуста. Мы шли медленно, я еле передвигала ноги от слабости, меня поддерживал под руку муж, тоже измученный, худой и небритый. Вдруг из боковой улицы показался и пошел навстречу нам солдат с красной лентой на шапке. Поровнявшись с нами, он остановился и потребовал у мужа паспорт, сказав при этом: "кажись, я вас, товарищ, где-то встречал, вы, никак, бывший офицер?" Муж на это ответил, что он инженер и никогда в жизни военным не был. Это солдата не убедило. Документов мы при себе не имели и он заставил нас возвратиться, вместе с ним, домой, чтобы их предъявить. Тут муж показал ему свой инженерский диплом и он, окинув злобным взглядом обстановку нашей очень хорошей квартиры, что-то угрожающе пробормотал и ушел.

На следующий день всюду были расклеены объявления о том, что всем бывшим офицерам надлежит явиться для регистрации на сборный пункт, при комендатуре. Вячеслав сразу же решил туда не ходить и это его спасло: все офицеры, которые явились, были арестованы, а несколько позже расстреляны, — не вернулся ни один.

Город наполнился красноармейцами, произволу которых не было границ. Всех женщин "буржуйского обличья", которые показывались на улицах, сейчас же забирали в казармы, мыть полы, чистить уборные и т. п. А так как все школы и гимназии продолжали занятия, — ловили главным образом учительниц и учениц, которые шли на уроки или с уроков. Нетрудно себе представить, что с ними творили в казармах...

Мы снимали квартиру на третьем этаже большого, многоэтажного дома, а соседнюю занимали наши знакомые. Это была оригинальная семья: отец, в прошлом крупный сановник, был монархистом, старший сын социал-революционером, а младший, — двадцатидвухлетний студент, — завзятым коммунистом. Его в момент нашего приезда в Самаре не было и мы его не знали. И вот, приходит к нам однажды в полном смятении соседка и с ужасом рассказывает, что приехал их младший сын и привез с собою "гражданскую жену", — вульгарную и разнузданную особу, у которой с языка не сходит самая отвратительная площадная ругань. И родителям волей-неволей пришлось предоставить им комнату в своей квартире.

С этого дня во всем доме началась постоянная шумная суета. По лестницам и коридорам сновали какие-то люди "партийного" типа, из многих квартир выбрасывали старых жильцов и вселяли туда свою новую "знать". Мы старались не выходить в коридор и нас пока не трогали.

Очевидно наши соседи своему "блудному" сыну что-то о нас говорили, потому что дня три спустя он явился к нам собственной персоной, сказал, что ему известно о наших добрых отношениях с его родителями и чтобы мы ничего не боялись, а в заключение пригла-

сил нас вечером к себе в гости, многозначительно добавив, что будут присутствовать видные представители новой народной власти.

Отказаться было немыслимо и вечером мы скрепя сердце отправились на этот раут. Там, действительно собралась вся местная красная знать и даже кое-кто из приезжих членов правительства. Я их, конечно, не запомнила, так как в то время их имена еще ничего мне не говорили, — они получили широкую известность позже, — но кажется среди них присутствовали Луначарский и Киров.

Вела себя эта публика совершенно по-кабацки и в выражениях не стеснялась, но особенно грязным языком и вульгарной развязностью отличалась сожительница хозяйского сына. Мы с мужем просто не знали куда деваться и боялись только одного: как бы не выдать своего отвращения или возмущения и тем не нажить себе беды.

Уйти сразу было невозможно, — это была бы явная демонстрация, — но выдержав полчаса, я попробовала это сделать, сославшись на то, что после недавней болезни должна почти всё время лежать. На это молодая "хозяйка", пересыпая свою речь нецензурными словечками и грязными остротами, заявила, что эти буржуазные пережитки теперь следует навсегда забыть. После этого я большую часть времени проводила в уборной, а бедные старики хозяева, под предлогом приготовления чая и закусок, спасались на кухне и умоляли меня не показывать вида, как мне всё это противно.

В этой компании нам пришлось провести несколько часов. Уходя надо было, конечно, делать приятные лица и бормотать, что нам было очень интересно и весело в их обществе, но по возвращении домой у меня сделался нервный припадок и муж с трудом меня успокоил. На следующий же день мы перевезли вещи на хранение к одному дальнему родственнику, а сами сели на поезд и отправились к бабушке, в Богдановку, которая находилась в шестидесяти верстах от Самары.

---

7. БОГДАНОВКА

Моя бабушка давно уже овдовела, но от мужа она унаследовала большое и богатое поместье в Самарской губернии, в семи верстах от станции Тургеневка, возле села Богдановки, которое прежде принадлежало богатейшему помещику Чарыкову, — ближайшему соседу дедушки по имению.

Дед мой, чистокровный татарин, князь Василий Юнусов, родился магометанином и принял крещение, с именем Василия, только перед женитьбой на моей бабушке, которая была чисто русской и православной. Он был не только богат, но и весьма почитаем в этих полутатарских краях, так как все его предки жили тут испокон веков и род свой вели от князя Юнуса, старшего сына ногайского владетеля Юсуфа, который был правнуком хорошо известного в русской истории эмира Эдигея[1]). У дедушки была в особой книге записана вся его родословная, а также хранилось много древних документов большой исторической ценности, и коллекция золотых и серебряных монет Золотой Орды и других татарских царств, — этот мешок весил больше трех килограммов. Всё это унаследовала я, но увы, ненадолго, как будет видно из дальнейшего...

В начале второй половины прошлого столетия, благодаря трудам и изысканиям известного ученого, доктора Н. В. Постникова, было доказано, что кумыс яв-

---

[1]) Род князей Юнусовых одного происхождения с князьями Юсуповыми, но такой известности не приобрел потому, что его представители не хотели покидать родных мест и изменять своей вере, а это в те времена было обязательным для приема на службу в Москву и хорошей карьеры.

ляется мощным целебным средством для легочных больных, и об этом заговорили по всей России. Сам Постников открыл маленькую кумысную лечебницу в нескольких верстах от Самары, но первое широко поставленное кумысное лечебное заведение основал в 1858 году мой дед, в компании со своим соседом и другом Чарыковым.

Об этой семье тоже стоит сказать несколько слов. Она также древнего татарского происхождения. Но Чарыковы еще при первых царях Романовых приняли православие, сделали в России хорошую карьеру и были колоссально богаты. Кроме Самарской губернии, у них были обширные имения в Тамбовской, Рязанской, Пензинской, Уфимской, Саратовской и еще в нескольких других. Здесь, в Богдановке, их резиденцию все называли дворцом, да это и был дворец, — великолепное белое здание с колоннадой, стоявшее на вершине холма, все склоны которого были покрыты прекрасным садом и парком, со сбегающими вниз тенистыми аллеями. В этом дворце, отличавшемся также роскошью внутреннего убранства, нередко устраивались пышные приемы и празднества, на которые съезжалась вся губернская знать. Эту семью на всем Среднем Поволжьи хорошо знали и искренне любили, и богатые и бедные, так как она отличалась щедростью и широкой благотворительностью. У стариков Чарыковых было четверо детей, один из которых был позже русским послом в Турции, а его жена, красавица гречанка Вера Ивановна была крестной матерью моего младшего брата Бориса. Вообще между нашими семьями на протяжении нескольких поколений существовала тесная дружба.

Разумеется, кумысное заведение двух таких тузов, как мой дед и Чарыков, было поставлено на широкую ногу и в него съезжались состоятельные и богатые люди из разных концов России и даже из заграницы. Дедушка в своем имении построил для кумысников большой отель с хорошим рестораном и с медицинским пунктом, кроме того было несколько отдельных домов, три магазина, двенадцать колясок и много верховых лошадей, для прогулок по окрестностям. Производство

кумыса велось строго научно, под присмотром специалистов. Для этого брали абсолютно здоровых кобылиц особой степной породы, уже имевших не менее трех жеребят, и кормили их исключительно пастбищным кормом, — в особенности полезен им был ковыль, которым были покрыты наши заволжские степи.

В имении Чарыкова всё это было оборудовано с еще большим размахом. Тут, на общие средства его и дедушки, была даже построена для курортников великолепная церковь, — уменьшенная копия знаменитого собора св. Петра в Риме. Ее архитектура, отделка и роспись были поистине замечательны и создали ей в наших краях широкую известность. Чтобы на нее взглянуть, люди приезжали даже издалека.

Этот образцовый и вероятно наилучший в России кумысный курорт просуществовал, к сожалению, всего тридцать лет. Сюда стало приезжать множество туберкулезных больных, а в семье Чарыковых в это время было большое количество детей, родители боялись заразы и не хотели продолжать это дело, — денег у них и без того хватало. Дедушка мой в ту пору был уже тяжело болен и потому Богдановское кумысное заведение в 1888 году было закрыто. Два года спустя дед мой умер, а бабушка до самой революции проживала здесь, в этом родовом имении, куда обычно съезжались на лето и все мы, — ее дети и внуки, — живя в пустующем "кумысном" отеле и наслаждаясь привольной жизнью на лоне ласковой, живописной и щедрой природы.

Нередко сюда приезжали погостить и приятели отца, художники, среди которых вспоминаю Васнецова, Серова и кажется Поленова, не считая многих менее известных. Их компания увлекалась главным образом охотой, благо в имении была специальная охотничья комната и добрая дюжина двухстволок, а вокруг водилось масса степной и болотной дичи. Раздолье тут было и для любителей рыбной ловли, так-как протекавшая возле Богдановки река Кинель (приток реки Самары) изобиловала всевозможной рыбой, до многопудовых сомов включительно. Помню, когда одного пойманного

сома, привязав его хвостом к жерди, несли на плечах мои отец и брат, голова рыбы почти касалась земли.

Бабушка была великолепная хозяйка и на зиму заготовляла огромные запасы соленой и маринованной рыбы, копченых гусей и другой дичи, а также всевозможных варений, солений, маринадов и овощных консервов, сушеных фруктов и пр. Часть этого потом перевозилась к нам, в Самару, а также рассылалась другим родственникам, в разные города России.

***

Благополучно приехав в Богдановку, мы застали здесь, кроме бабушки, моего брата Женю. Весь отель был заполнен беженцами из Белоруссии, которых по мере наступления немцев вывозили оттуда в центральные области России и размещали по деревням и поместьям. Только три комнаты остались свободными для членов нашей семьи.

Здесь еще все было спокойно и потому Женя предложил моему мужу сейчас же, пока не наступили сильные холода, съездить в Петроград и привезти оттуда все наши вещи. Вячеслав согласился. Они переоделись солдатами, разукрасились красными ленточками и уехали, оставив дома три своих револьвера. Самым большим из них был наган, — для него я сразу придумала надежное место и засунула его в трубу нетопящейся печки, а два браунинга положила пока в чемодан, стоявший под кроватью. Там же, в этом чемодане, лежали дедушкины документы, родословныя книга и мешок со старинными деньгами Золотой Орды. Тут же, в комнате стоял и большой сундук со всевозможными старинными костюмами, серебряными изделиями и вещами, каждая из которых была как бы священной реликвией для нашей семьи и имела чисто музейную ценность. Всё это собирались куда-нибудь надежно спрятать или закопать, но так-как всё вокруг было еще тихо и мирно, с этим к сожалению, не поспешили. А между тем мутная и ядовитая волна большевизма неудержимо захлестывала всю центральную Россию и вскоре докатилась до Богдановки.

Не прошло и двух дней после отъезда наших мужчин, как мы через окно увидели большую ватагу красноармейцев, направляющихся прямо к нашему дому. Меня охватил ужас, — я сразу вспомнила про браунинги. Прятать их было уже поздно. Опрометью бросившись в свою комнату, я вынула их из чемодана и сунула к себе за пазуху, так что каждый пришелся почти подмышку и я могла прижимать их к телу руками.

Едва я успела это сделать, ввалились вооруженные до зубов солдаты и заявили, что должны сделать у нас обыск, так-как кто-то донес, что мы прячем оружие. Вслед за этим они принялись вытаскивать всё из шкафов, комодов, ящиков и сундуков и впихивать их содержимое в принесенные с собой мешки. Забрали буквально всё, что в эти мешки поместилось, в том числе, конечно мешечек со старинными монетами и ларец с дедушкиными драгоценностями, — всё это бабушка подарила мне и этих вещей мне было особенно жаль. Когда я не выдержала и сказала этим бандитам, что они, кажется, пришли искать оружие, а не отбирать наши вещи, один из них злобно крикнул: "скажи еще спасибо, что тебя не арестовали, али не сделали чего похуже!“

Те помещения, в которых были беженцы, они не обыскивали и забрав мешки с нашими вещами ушли. Несомненно кто-то, вероятно из тех же беженцев, им донес, что наши мужчины уехали и мы с бабушкой остались одни.

На следующий день мы узнали, что банда человек в тридцать солдат нагрянула в имение Чарыковых. Его последний владелец, — до войны бывший русским послом в Турции, — находился заграницей, управляющего тоже в этот день дома почему то не оказалось. Начавшемуся грабежу попытались воспрепятствовать местные крестьяне, но солдаты открыли по ним стрельбу из винтовок и несколько человек убили, после чего целую неделю грабили и громили роскошный дворец, буквально не оставив там камня на камне. Все драгоценности, громадное количество старинного серебра, костюмы, платья, столовое и спальное белье, занавески, содранные с диванов и кресел обивки, посуду, вообще всё

в чем эти варвары понимали ценность или что могло им пригодиться в хозяйстве, — было увезено. Остальное подверглось безжалостному разгрому и уничтожению. Сожгли библиотеку и мебель, той же участи подверглись бесценные картины знаменитейших мастеров живописи, разбили все зеркала, люстры и хрустальные вазы, выбили стекла и выломали оконные рамы, не забыли и сад, где сожгли беседки, разбили мраморные статуи, испакостили и изгадили всё, что было там ценного и красивого.

Единственное что пощадили — это была церковь. То ли из суеверного страха, то ли боясь вызвать общее возмущение крестьян, ее не ограбили и солдаты туда даже не входили. Каждый день священник совершал там службы и церьковь была полна молящихся.

Через две недели возвратились муж и брат, с нашими петроградскими вещами. Узнав о случившемся здесь, они поблагодарили Бога уж за то, что мы с бабушкой остались живы.

Вскоре после этого Женя поехал в Сибирь, разыскивать отца и братьев, а мы с Вячеславом снова вернулись в Самару.

---

8. ВОССТАНОВЛЕНИЕ ВЗОРВАННЫХ МОСТОВ

По приезде в город, мы еще на вокзале увидели приклеенное на стене объявление: "Требуются инженеры и техники для ремонта мостов". Это нас очень заинтересовало, так как Вячеславу нужно было искать службу. В тот же день мы наняли у одной старушки скромную комнатку, перевезли туда свои вещи, а затем без промедления отправились на вокзал, разговаривать с железнодорожным комиссаром по-поводу этого объявления.

Взглянув на диплом и прочие документы мужа, комиссар очень обрадовался и заявил, что сейчас же отправит его на починку моста, в тридцати верстах от Самары. К этому он добавил, что жену и иных членов семьи с собой брать нельзя, на что Вячеслав возразил, что без меня он не поедет. Тогда комиссар пояснил, что на месте работы рабочие и служащие живут пока в товарных вагонах, по походному, но скоро инженерам и техникам предоставят пульмановские вагоны и тогда к ним смогут приехать семьи.

— А пока надо ехать одному, — добавил он. — Даю вам время на размышление до утра, а если завтра в восемь часов не явитесь, пеняйте на себя за последствия.

Эти "последствия" легко можно было себе представить и потому я настояла, чтобы муж согласился ехать добровольно. Утром я уложила в чемодан немного белья, умывальные принадлежности и прочую необходимую мелочь, после чего мы отправились на вокзал. Увидев нас, комиссар саркастически улыбнулся.

— Я так и думал, что вы окажетесь благоразумными, — промолвил он и тут же распорядился, чтобы Вя-

чеслава с первым же поездом отправили на мост, в распоряжение главного инженера, товарища Быковского.

Почта в это время бездействовала, что нас лишало возможности держать связь друг с другом, а между тем с каждым в любой момент могло случиться какое угодно несчастие, — поэтому, расставшись с мужем я находилась в постоянной тревоге. Однако на четвертые сутки, ночью, он неожиданно явился домой и сказал, что на несколько часов отпросился у начальства, чтобы доставить мне кое-какие продукты, которые ему удалось выменять у крестьян на белье. Помню, что там были хлеб, сало, домашняя колбаса и даже кусок поросенка, — по тем временам верх роскоши! Уезжая назад, Вячеслав прихватил с собой побольше белья и одежи, а через неделю снова привёз мне целый мешок еды. По революционным законам подобные сделки были строжайше запрещены, так называемых "мешочников" в поездах ловили и арестовывали, а продукты у них отбирали, но муж мог свободно везти всё что хотел, так как на службе ему выдали солдатскую шинель и красноармейское удостоверение, — как военнообязанному, работающему по починке мостов, — а потому его никто не трогал и не обыскивал.

После этого я долго не видела Вячеслава, т. к. его железнодорожный состав перебросили на починку другого моста, куда-то гораздо дальше на восток. В его отсутствие я старалась пореже выходить из дому, чтобы не встретить кого-либо из знакомых и не подвергаться риску доноса. Ведь в городе многие знали, что мой муж бывший офицер и что семья наша, спасаясь от большевиков, уехала в колчаковскую Сибирь. Чтобы коротать нудно и тоскливо тянувшееся время, в эти дни я много читала и вышивала.

Месяц спустя приехал Вячеслав и сообщил, что теперь их починочная бригада располагает вагонами для технического персонала и он может взять меня с собой. Уложив самые необходимые вещи, а остальное оставив на хранение у квартирной хозяйки, на следующее утро мы на ручной тележке перевезли свой немудрёный багаж

на вокзал, а после, сидя на этом багаже, ожидали там поезда до самой ночи.

Тут картина была для того времени вполне обычная: здание вокзала напоминало собой гигантский муравейник; сотни дрожавших от холода голодных людей, — преимущественно женщин, детей и стариков, — сидели или лежали на скамьях, подоконниках и столах, а еще того больше прямо на полу, заполняя собой все внутренние помещения, проходы и перроны. Когда наконец подошел железнодорожный состав с товарными вагонами "теплушками", вся эта многочисленная масса, толкаясь и давя друг друга, бросилась штурмовать его, чтобы втиснуться внутрь. Мужу в этом отношении сильно помогла солдатская шинель, к ней публика относилась с опаской, а потому ему удалось пробиться в вагон и через головы других втащить туда поданные мною вещи. После этого, с помощью окружающих, протиснулась в вагон и я.

Описывать нашего путешествия не буду, — и без лишних слов каждый легко себе может представить, с какой степенью комфорта мы ехали в этих битком набитых, нетопленных и грязных товарных вагонах, где ночью можно было что-нибудь увидеть только в те редкие мгновения, когда кто-нибудь закуривая зажигал спичку.

Ехать нам предстояло до самого Оренбурга, возле которого чинили мост через реку Урал. Однако, не доезжая до него двух станций всех пассажиров выгрузили из поезда и оставили в нем только тех, кто ехал на починку моста, — это были мы с мужем и несколько десятков рабочих. Почему высадили всех остальных мы поняли очень скоро, когда проехав еще немного, явственно услышали артиллерийскую пальбу, — это шел бой с отступающей за Урал Белой армией. Нас подвезли к самому мосту. Тут стояло два служебных поезда, — один с различными починочными материалами и машинами, другой с вагонами для жизни технического персонала. Комиссар, главный инженер и его помощник имели отдельные пульмановские вагоны, которые внутри были специально переделаны под жилые помещения: в каждом имелся рабочий кабинет, столовая, спальня и кухня. Нам дали половину такого же вагона,

состоявшую из спальни и кухни; во второй его половине помещался другой инженер.

Каждому из высших служащих и инженеров был назначен деньщик, который спал на кухне и нёс все хозяйственные обязанности: приносил воду, а также дрова и уголь для отопления вагона, стоял в очередях за продуктами, относил в ближайшее село наше белье для стирки, убирал помещение и приносил с центральной кухни горячие обед и ужин. Для этой общей кухни те же деньщики по очереди заготовляли дрова, чистили овощи и делали другие подсобные работы.

Младшему техническому персоналу в пульмановских вагонах отводили нсего лишь одно купэ на семью или на двух холостяков, а рабочие помещались в теплушках с общими нарами.

**
*

Работа по починке моста велась очень интенсивно, в две смены, т. к. надо было её окончить до начала ледохода. Муж всегда отправлялся на мост рано утром и оставался там до темноты, лишь на короткие промежутки времени возвращаясь в вагон, чтобы позавтракать и пообедать. Но нередко за ним приходили и ночью.

Этот большой и чрезвычайно важный мост через реку Урал был совершенно разрушен и фактически его приходилось строить наново; эта задача в данных условиях была исключительно сложной, трудной и ответственной. Стояла небывало суровая зима, река промерзла до дна и что хуже всего — у присланных сюда инженеров не было никаких сведений о том, как распределяются течения в её русле, которое в этом месте было очень извилистым. А это необходимо было знать, чтобы учесть в каком направлении двинутся на мост льдины и можно ли ожидать больших заторов, когда настанет оттепель и река вскроется.

Надеясь хоть что-нибудь полезное узнать в Оренбурге, который находился недалеко от моста, главный инженер Быковский и его помощник отправились туда, но возвратились ни с чем, ибо вся городская интеллигенция покинула город и ушла с армией адмирала

Колчака, а простой народ давал самые противоречивые сведения, которым явно нельзя было доверять.

Комиссар между тем подгонял и требовал, чтобы к делу приступали немедленно, так как Москва поставила твердый срок для восстановления моста. Инженеры кое-как сами исследовали русло реки, — насколько позволяли это сделать покрывавшие её лед и снег — после чего сразу же началась лихорадочная работа. Она шла днем и ночью, так что круглые сутки с реки был слышен стук копров, которые через лёд вбивали сваи в дно реки. "Быки" строились из толстых бревен, их складывали треугольником, который одним из своих углов был направлен навстречу движению весенних льдов. Эти треугольные срубы, снизу надёжно прикрепленные к дну реки, поднимали до высоты моста, а затем заполняли внутри большими камнями. После этого каждый из них дополнительно укреплялся сзади особыми опорными столбами и наконец поверху огромными болтами к ним прикрепляли солидный деревянный настил.

Преодолевая нечеловеческие трудности, люди, подстегиваемые угрозами комиссара, работали дни и ночи невзирая на лютую стужу. К концу зимы мост был окончен. Теперь все с тревогой ожидали начала ледохода, хорошо зная, что в случае катастрофы многим грозит расстрел. С первыми признаками оттепели на мост стали назначать круглосуточный наряд наблюдателей.

Однажды ночью раздался страшный треск и грохот, — река тронулась и с оглушительным шумом начал ломаться лёд. По течению двинулись огромные льдины и все с ужасом увидели, что они не разбиваются об острые углы быков, а толкают их сбоку, громоздясь одна на другую и образуя заторы, которые своей нарастающей тяжестью грозят спрокинуть мость.

Началась поистине сумасшедшая работа, для всех её участников сопряженная со смертельным риском. Вооруженные шестами и баграми рабочие среди бушующей реки перепрыгивали со льдины на льдину, отталкивая их от быков и распихивая ледяные заторы. Свер-

ху, с моста, который зловеще трещал и шевелился под ногами, перекрикивая рев реки, инженеры отдавали распоряжения. Их обходил комиссар, подбадривая сообщением о том, что из Москвы получена телеграмма: "если рухнет мост, немедленно расстрелять всех строивших его инженеров".

Эта борьба со стихией продолжалась несколько дней и ночей, в течение которых люди не спали и не ели, напрягая все силы и ежеминутно рискуя жизнью, старались спасти мост. Временами казалось, что на это уже не остается никакой надежды. Дрожа за судьбу мужа, я тоже поминутно бегала туда и стоя на мосту с замиранием сердца наблюдала эту борьбу изнемогающих людей с грозными силами природы.

Наконец река начала успокаиваться, льдины пошли более плавно и стало легче отталкивать их от устоев моста. Поняв, что опасность миновала, люди вздохнули свободней и я видела как многие рабочие снимали шапки и истово крестились, чего старался не замечать комиссар.

Как только закончился ледоход и стало ясно, что мосту уже не грозит опасность, комиссар пригласил весь технический персонал на ужин, в одном из лучших ресторанов Оренбурга. При этом обходя вагоны, он свою пригласительную формулу неизменно начинал со слова "товарищи", а к нам с мужем обратился иначе: "господа". Но сказано это было дружелюбным тоном, без всякой язвительности.

Всем рабочим была выдана премия продуктами и деньгами, и им разрешено было отправиться в город, куда раньше никого не пускали. Надо сказать, что купцы и торговцы, бежавшие из Оренбурга с отходившей армией адмирала Колчака, не имели никакой возможности вывезти отсюда свои товары, а поспешно наступавшие части красной армии не имели времени чтобы основательно ограбить город. Поэтому в Оренбурге всего было вдоволь, чем все широко воспользовались и не жалея полученных денег накупили себе всевозможных вещей. Как инженеры, так и рабочие хорошо знали, что в других местах на эти деньги всё равно ничего не купишь, а тут в магазинах было всё что угодно: про-

дукты, всевозможные предметы хозяйственного обихода, обувь, белье, костюмы, меха и прочее, что уже давно исчезло из продажи в центральных областях России. Ужин, который нам устроили в ресторане, тоже был превосходен, — прямо по мирному времени.

День спустя, оба наши железнодорожные состава двинулись дальше на восток, к городу Актюбинску, где тоже надо было восстанавливать взорванный мост.

Здесь был прекрасный теплый климат и работа велась спокойно, без физического и нервного напряжения. Окрестные селения изобиловали фруктовыми садами и виноградниками, можно было целыми мешками и корзинами покупать изюм и сушеные фрукты, чем, конечно, тоже все воспользовались.

Починка этого моста была закончена примерно через два месяца, после чего наши поезда направились в Москву.

***

Прибыв на московский вокзал, мы прежде всего узнали, что в столице свирепствует эпидемия "испанки" (гриппа) уносящая множество жертв. Уже на следующий день заболели мы с мужем, а еще несколько дней спустя в нашем поездном составе на ногах почти никого не оставалось. Лекарств почти не было, — доктор давал нам какие-то мало помогающие пилюли, кажется хину, вероятно именно от этого у нас всё время были сильнейшие кровотечения из носа. Но самое ужасное было в том, что стояли мы на далеком запасном пути, а пользоваться должны были вокзальной уборной, до которой больные, с высокой температурой, должны были тащиться почти полверсты. Но так или иначе, дней через десять мы с мужем начали поправляться.

Тем временем распространился слух, что у всех обитателей нашего поезда имеются солидные запасы продуктов, которых уже невозможно было достать в голодающей Москве. Как следствие этого, наш состав начали осаждать всевозможные "чернорыночные" покупатели, которые предлагали в обмен на продукты всё, что

у них еще оставалось от прежних времен: золотые и серебряные вещи, меха, костюмы, белье, различную домашнюю утварь и т. п.

У нас, действительно, помимо изюма и сушеных фруктов, каждый привез с собою сколько мог муки, крупы, сала, а также весьма дефицитной в Москве соли. На Урале ее было сколько угодно и сам комиссар посоветовал нам взять ее с собой пуда по два на человека. Теперь почти все этими своими богатствами воспользовались и меновая торговля пошла во-всю, тем более, что к этому времени уже было объявлено, что наши починочные поезда будут отправлены в Пермь, на восстановление большого моста через реку Каму. Там в пищевых продуктах особого недостатка не было и никто не видел надобности беречь свои старые запасы.

По каким-то высшим соображениям было приказано, чтобы семьи служащих оставались пока в Москве. Оставив для меня некоторое количество продуктов, остальное мы обратили в золотую валюту и я отправилась в город, искать себе комнату. В ту пору найти её в Москве было уже нелегко, но мне посчастливилось: на черном рынке я познакомилась с одной пожилой и очень симпатичной дамой, — узнав в чем дело, она предложила выделить мне комнату в своей квартире. И была вне себя от радости, когда я ей сказала, что за наём могу заплатить не деньгами, а продуктами. Оказалось, что муж этой дамы был инженером, но теперь уже не работал и они жили тем, что постепенно меняли свои вещи на съестное, боясь думать о том, что их ожидает после того, как эти вещи иссякнут.

В тот же день мы перенесли к ним все наши пожитки и Вячеслав, проживши со мной несколько дней на этой квартире и еще не вполне оправившись после болезни, должен был вместе с другими уехать в Пермь.

Оттуда я получала от него письма довольно часто. Было лето, он писал, что чувствует себя хорошо, несмотря на то, что работать ему приходилось довольно напряженно. По его описаниям я довольно живо представляла себе эту работу и тамошнюю обстановку.

Могучая река Кама была в том месте очень широка,

а огромный мост, который они чинили, отличался особенной красотой и изяществом. Его длинные пролёты, состоявшие из железных, как бы резных конструкций, опирались на ряд высоких железобетонных быков, которые уцелели, но несколько пролетов было взорвано и их теперь предстояло возобновить. Эта работа затянулась надолго, так как нужно было производить самые точные и тщательные рассчеты, по которым заказывались на заводах недостающие части железных конструкций. По получении, их надо было скреплять, а затем наново возводить уничтоженные взрывом пролёты, предварительно удалив с моста исковерканные остатки прежних.

Тем временем я жила в Москве довольно спокойно. Мои квартирохозяева были прекрасные, душевные люди и в их обществе я не чувствовала себя одинокой. Кроме того, чтобы облегчить мужу необходимость жить "на два дома" и высылать мне деньги, я поступила работать в детский сад, что тоже отвлекало меня от тоски и мрачных мыслей.



Прошло несколько томительных месяцев пока муж не сообщил, что мне теперь можно приехать в Пермь и прислал бесплатный билет. Пассажирские поезда туда не ходили и мне пришлось несколько дней тащиться в воинском эшелоне. Он довёз меня до последней станции перед мостом, а закончила я своё путешествие на дрезине, которая подвезла меня к самому починочному поезду. Семьям служащих жить в нем теперь не разрешалось, а потому мы с мужем сейчас же отправились в город, находившийся оттуда в одной версте, и наняли довольно приличную меблированную комнату, в тихой и спокойной семье.

Ежедневно Вячеслав рано утром уходил на мост и возвращался домой поздно вечером. Пока стояла осень, его солдатская шинель и высокие сапоги служили достаточной защитой от холода. Но когда наступила зима, с морозами доходившими до сорока градусов, в таком обмундировании проводить целый день на высо-

ком мосту, при леденящем ветре, стало положительно невозможным. Я купила ему валенки и меховую шапку с наушниками, но шубу или даже простой дубленый тулуп не удалось достать ни за какие деньги. Когда стужа становилась совершенно невыносимой, муж спускался вниз, к паровому копру и возле него грелся, но его то и дело вызывали оттуда на мост, для дачи каких-либо указаний, — таким образом из тепла он сразу попадал на лютый холод. Вскоре его организм не выдержал подобных испытаний, он заболел воспалением легких и слёг.

В Перьми имелась больница, но она была переполнена больными и ранеными красноармейцами, так что Вячеславу пришлось лежать дома. Тут его навещал и лечил наш поездной врач, но он не мог уделять ему много внимания, так как и в городе и в поезде свирепствовали эпидемии тифа и дифтерита. Лекарств тоже почти не было, а потому не удивительно, что воспаление легких перешло у мужа в туберкулёз. В феврале это выяснилось с полной очевидностью и мы просили освободить Вячеслава от службы, но главный инженер Быковский в этом категорически отказал, добавив, что такое ходатайство можно возбудить только весной, когда мост будет полностью закончен. Я настаивала, доказывая, что для спасения жизни мужа его необходимо сейчас же увезти на юг, в теплый климат, но всё было тщетно и пришлось терпеть до конца.

Вскоре жена одного из наших инженеров должна была отправиться в Москву, на операцию застарелого и уже неоднократно оперированного рака. Ехать одна она не могла и я предложила себя в качестве провожатой, желая воспользоваться удобным случаем, чтобы сделать себе операцию грыжи, которую нажила в нашей кочевой жизни, связанной с необходимостью постоянно перетаскивать тяжелый багаж, который нередко приходилось подавать мужу в окно вагона, через головы толпящихся вокруг людей. Мне дали пропуск, — без него при советской власти никому нельзя было проехать даже на соседнюю станцию, — и несколько дней спустя мы были уже в Москве.

Тут все госпитали оказались переполненными. Принимали в них только самых тяжелых больных или тех, кому нужна была немедленная операция для спасения жизни. Исключения делали только для видных коммунистов, я же со своей грыжей, да еще будучи "социально чуждым элементом", во всех госпиталях встречала категорический отказ. Однако, один из госпитальных хирургов, когда я намекнула, что могла бы заплатить за операцию продуктами (которые предусмотрительно привезла с собой), согласился оперировать меня частным образом, у себя на дому и оставить там на несколько дней, пока я смогу встать с постели.

Операция прошла удачно, но вызвала сильное кровотечение и доктор сказал, что я должна лежать по крайней мере неделю. Его жена, — тоже врач, — за мной заботливо ухаживала, так что пожаловаться я ни на что не могла, но меня мучило беспокойство о больном муже, а потому, на третий день утром, когда доктор и его жена ушли в госпиталь, а прислуга отправилась за покупками, я встала с постели, с трудом оделась, крепко затянув оперированное место полотенцем, оставила хозяевам благодарственную записку и все привезенные с собой продукты, а сама, еле держась на ногах от слабости, пошла на вокзал.

В сторону Перьми пассажирские поезда не ходили, туда шли только воинские эшелоны, состоящие из теплушек переполненных солдатами. Я бегала от вагона к вагону, умоляя подвезти меня и объясняя, что только что вышла из госпиталя, имею пропуск и еду к больному мужу, — но всё было напрасно, меня не хотели брать. Ничем не мог помочь и начальник станции. Один за другим уходили воинские поезда, уже близилась ночь, а я всё еще была на вокзале.

Теряя последнюю надежду и обливаясь слезами я шла по перрону, когда вдруг увидела шедшего навстречу военного, лицо которого показалось мне знакомым. Он узнал меня сразу и удивленно воскликнул:

— Леля, какими судьбами ты здесь и что с тобой?

Теперь узнала его и я. Это был Сережа, наш старый

друг, бывший курсовой офицер Владимирского военного училища, познакомивший меня с Вячеславом и часто бывавший на наших вечеринках. Я с радостью бросилась к нему и объяснила свое отчаянное положение. И всё благополучно устроилось: Сережа ехал с очередным эшелоном за Урал и мог подвезти меня до самой Перьми. В теплушке их ехало четверо офицеров, с женами и деньщиками, он взял меня туда, познакомил с женой и с сослуживцами, которые приняли в моей судьбе горячее участие.

В вагоне была железная печка, мне устроили возле нее постель на соломе, дали солдатское одеяло и пару простынь, напоили горячим чаем и накормили не очень изысканным, но сытным ужином. И успокоившись после всего пережитого за этот день, я горячо благодарила Бога за такую удачу.

Вскоре наш поезд тронулся. Сережа подсел ко мне и мы пустились в бесконечные разговоры и воспоминания. Он хотел подробно знать обо всем, что случилось со мной после того как мы расстались, но о себе говорил мало и с неохотой, хотя я чувствовала, что он переживает какое-то серьезное горе. На следующее утро всё выяснилось: с его женой случился страшный эпилептический припадок. Она упала на пол и билась в конвульсиях, изо рта у нее шла пена, — зрелище было ужасное. Я бросилась к ней и всунула ей в рот свернутую тряпку, чтобы она не прикусила себе язык, а потом, будучи немного сведущей в медицине, оказала ей необходимую помощь. Сергей в это время стоял возле нас бледный и подавленный. Теперь он мне сказал, что в этом и заключается трагедия его жизни. Жена его с детства была неизлечимо больна эпилепсией, что и она, и ее родители тщательно скрывали от него до свадьбы.

Ехали мы четверо суток, причем наш поезд, не знаю почему, очень редко останавливался на станциях, а больше в чистом поле. Два раза в день деньщики приносили нам в котелках горячую пищу из кухонного вагона, — обычно это была какая-нибудь каша и овощной суп с небольшим количеством свинины. В то голодное время такая еда казалась очень вкусной и давали ее вдо-

воль. Все время топилась печка, поэтому в вагоне было тепло и целый день можно было пить чай, чем больше занимались дамы, а мужчины, чтобы скоротать время, без конца играли в карты и в шашки.

Я чувствовала сильнейшую слабость, так как теряла много крови. По своей нужде надо было на остановках, без всякой лестнички спускаться на землю, а затем таким же образом подниматься наверх. Хотя мне и помогали в этом спутники, всё же от напряжения рана у меня открывалась и потом трудно было остановить начавшееся кровотечение. Только к концу этого путешествия мне стало немного лучше.

Подойдя к Перьми поезд остановился у незаконченного моста на целые сутки, т. к. солдат нашего эшелона и всё привезенное воинское имущество по льду перевозили через Каму на санях, а на том берегу грузили в другой поезд, подошедший со стороны Сибири. Сережа и еще двое из ехавших с нами офицеров пошли меня провожать домой. Наше появление было для Вячеслава двойной радостью, так как он не думал, что я возвращусь так скоро, а встретиться здесь со своим старым другом Сергеем он никак не ожидал. Сразу же соорудили чай, а позже я угостила гостей традиционными здесь пельменями. В Перьми с первыми же холодами их заготовляют в каждом доме на всю зиму: лепят, выставляют на мороз, затем замороженными ссыпают в мешки и подвешивают на чердаке или в ином холодном помещении. Когда требуется, — остаётся только бросить нужное количество в кипяток и сварить.

Гости пробыли у нас целый день и ушли только ночью.

* * *

Весной закончили мост и инженер Быковский лично поехал в Москву, выяснять нашу дальнейшую судьбу. Возвратился он довольно скоро и с хорошими новостями. Высшему начальству он доложил, что наши техники и рабочие проработали всю зиму на уральских

морозах, не имея теплой одежды, в результате чего почти все простужены, а двое больны туберкулезом, и потому все нуждаются в переброске в более теплый климат. Этот доклад возымел свое действие и нас решили отправить на юг, восстанавливать железнодорожный мост через Днепр, возле Черкас.

Очень скоро наши составы двинулись туда и шли быстро, нигде не задерживаясь до самого Киева. Здесь мы простояли целый день, чем я воспользовалась, чтобы повести мужа к хорошему врачу, специалисту по легочным болезням. Доктор его внимательно освидетельствовал и расспросил обо всем имевшем отношение к его заболеванию, после чего подтвердил, что у Вячеслава действительно туберкулез. Он прописал необходимые лекарства и порекомендовал полный покой и хорошее питание. Но в советской России таким людям, как мы, всё это было совершенно недоступно.

В тот же день мы тронулись дальше, на Белую Церковь, а потом на Черкасы. Здесь наш путь шел полями и густым лесом, который ласково золотили живительные лучи солнца. Около моста поезд остановился и все, счастливые и радостные, высыпали на зеленую лужайку. Даже Вячеслав воспрянул духом и у него появилась надежда на быстрое выздоровление.

---

9. ОБЫСК И АРЕСТ

Жить в служебном поезде Вячеслав по состоянию здоровья не мог, к тому же он снова подал прошение чтобы его уволили по болезни, а потому я сразу же отправилась в город, искать квартиру.

В этом мне посчастливилось: я быстро нашла отдельный домик, состоявший из трех комнат, кухни и большой веранды. Жившая там хозяйка, — еще молодая женщина с двумя детьми, — охотно мне его сдала, сказав что завтра же уезжает далеко и надолго, а больше я её ни о чем не расспрашивала, хотя у меня и мелькнула мысль, что для столь поспешного отъезда у нее наверно есть серьезные причины.

В тот же день мы перевезли туда свои вещи и наскоро устроились на новосельи. Домик был очень уютен. Он стоял посреди прекрасного фруктового садика, а по фронту и с боков был обсажен белой акацией, которая как раз в это время цвела, наполняя воздух своим нежным благоуханием. Вячеслав был в восторге от всего этого, а в особенности от сада, в котором было много уже дозревающих фруктов и ягод.

Жизнь под советской властью научила нас предусмотрительности, а потому в тот же вечер я отнесла на хранение к местному меховщику свою каракулевую шубу и меховую накидку, а когда стемнело — пробралась в курятник, выкопала там ямку и зарыла все наши драгоценности, за исключением серебряного сервиза, подаренного мне к свадьбе Вячеславом и его золотых часов. Затем спрятала в саду, под кучей бревен, наши "царские" паспорта и другие старорежимные документы, после чего мы оба вздохнули свободней.

На следующий день хозяйка попросила меня с наступлением темноты помочь ей отнести на хранение к

каким-то родственникам два чемодана и сундук с ее вещами. Я согласилась. Просунув палку сквозь ручку тяжелого чемодана, мы прямиком, через канавы, бугры и огороды, отнесли его куда-то довольно далеко, потом такими же задворками доставили и второй чемодан к другим родственникам, которые жили еще дальше. Оставался еще тяжеленный сундук, а я уже почти выбилась из сил, однако пришлось помочь хозяйке до конца, так как она упрашивала меня со слезами на глазах и при этом рассказала свою историю. Оказывается кто-то донес, что в период деникинской власти ее муж выдал группу коммунистов и белые их расстреляли. Когда пришли большевики, он из города бежал, но его заочно приговорили к расстрелу и всюду разыскивали. Теперь, получив известие, что он скрывается где-то возле румынской границы, она решила пробираться с детьми к нему, чтобы потом всем вместе бежать в Румынию. Узнав всё это, отказать ей в помощи я не могла. Мы отнесли сундук куда следовало, после чего хозяйка ушла с детьми на железнодорожную станцию, — её начальник доводился ей близким родственником и был полностью в курсе дела. Он обещал незаметно посадить ее в товарный вагон и отправить к мужу.

Её дом после этого перешел в наше полное распоряжение. Я нашла доктора, который серьезно занялся лечением мужа и даже доставал почти все необходимые лекарства. Вячеслав целыми днями лежал в саду, в гамаке, читал книги или кормил кур и цыплят, которых я для него купила. Чтобы обеспечить ему хорошее питание, я каждый день ходила на базар и меняла там наши вещи на масло, сало, яйца и другие продукты. Сверх этого наша соседка, имевшая корову, ежедневно продавала мне для него бутылку парного молока. Таким образом, всё, слава Богу, наладилось, Мы спокойно прожили три недели и Вячеслав почувствовал себя значительно лучше.

Но однажды ночью, уже за полночь, раздался сильный стук в дверь и грубый голос закричал: "открывай немедля!“ Задрожав от ужаса, я отворила дверь и за нею увидела целую кучу вооруженных красноармейцев и ма-

тросов. Первым вошел комиссар, — длинный и тощий брюнет в кожанной куртке и сразу спросил: "а где хозяйка?" Я ответила, что это мне неизвестно и в доме нет никого, кроме меня и моего больного мужа.

После этого комиссар потребовал наши документы, прочитал, что Вячеслав служащий советского военно-инженерного ведомства и со злой усмешкой швырнул это удостоверение на стол. Затем обошел все комнаты, поставил по два часовых возле обеих выходных дверей, после чего с остальными людьми вошел в столовую, сел и начал меня допрашивать. К Вячеславу он почти не обращался, так как с первого взгляда понял, что тот тяжело болен и находится почти без сознания.

Он допытывался только о нашей квартирной хозяйке, а о том, что мы уже не застали в Черкасах ее мужа, очевидно знал и потому о нем не спрашивал. На все его вопросы я отвечала, что впервые увидела эту женщину когда пришла нанимать квартиру, а на следующий день она уехала, — куда, не знаю.

— Как вы можете не знать этого, если ночью относили с нею её вещи? — закричал комиссар. — Куда вы их относили?

— Понятия не имею, — твердо отвечала я. — Города я совершенно не знаю, была темная ночь, шли мы сокращенной дорогой. Всё что она сказала, когда просила моей помощи, это что вещи надо отнести к ее родственникам.

— Кто они такие, эти родственники?

— Не знаю. Она не называла ни имён, ни фамилий, а я не спрашивала, т. к. меня это совершенно не интересовало.

— Ах, так вы ничего не знаете! — саркастически заявил он. — Помогли бежать врагам народа, а потом у вас сразу отшибло память! Ну, так вот что; даю вам полчаса на размышление и если после этого вы не скажете где скрывается ваша хозяйка, мы арестуем вас с мужем, а все ваши вещи будут конфискованы.

С этими словами комиссар вышел из комнаты и запер нас на ключ. Оставшись одни, но не сомневаясь, что нас подслушивают, мы с Вячеславом громко говорили о том, что какие бы кары нас ни ждали, о хозяйке своей

мы ровно ничего не сможем сказать, так как ни о ней, ни о ее родственниках действительно ничего не знаем; а в паузах, переговариваясь шепотом, пришли к решению не выдавать того, что нам рассказала хозяйка, ибо это значило бы обречь всю ее семью на верную смерть. Наконец прошли эти томительные полчаса и комиссар отпер двери.

— Ну что, будете говорить? — спросил он входя в комнату. На это я ответила, что к тому что сказала раньше, ни я, ни муж ничего не можем добавить, т. к. ничего больше не знаем.

— Так вы еще упираетесь! — крикнул он. — Тем хуже для вас! Имейте ввиду, что мы этих людей всё равно поймаем и если они признаются, что вы о них что-нибудь знали, вам расстрела не миновать! А пока на себя пеняйте за свое упрямство, — добавил он и крикнул в соседнюю комнату солдатам, чтобы сейчас же пригнали две подводы.

Двое или трое бросились исполнять его приказание. Комиссар ходил по комнате, как разъяренный зверь, я сидела молча, в каком-то отупении и только молила Бога ,чтобы не вступил в какие-либо пререкания Вячеслав. Но он лежал закрыв глаза и не произнося ни слова.

Вскоре мы услышали с улицы стук подъехавших телег. Комиссар приказал начать обыск и сносить все наши вещи на середину комнаты. Красноармейцы начали лазеть и шарить повсюду, причем очень скоро один из них нашел лежавший на шкафу пакет, в котором был упакован мой серебряный чайный сервиз.

— Ого, гляди, товарищи, серебро! — с удивлением и радостью загалдели солдаты.

— Давай, давай! — крикнул комиссар. В это время один, в форме матроса, подошел к нему и сказал, что видел на руке у мужа золотые часы. — Забрать и их! — распорядился комиссар.

В результате у нас отобрали всё, за исключением того, что было на нас надето, Вячеславу оставили один костюм и каждому из нас по пальто. Остальное завязали в простыни и погрузили на подводы. Забрали также всё имущество хозяев, — мебель, матрацы, посуду,

занавески и пр. После этого все ушли вслед за отъехавшими телегами, только двум красноармейцам комиссар приказал оставаться в доме до двенадцати часов дня и никуда нас не выпускать. Уходя он сказал, обращаясь ко мне:

— Если бы ваш муж не был так болен, я бы и вас обоих арестовал. Может быть в Чека у вас развязались бы языки!

До самого полудня оставленные им солдаты не спускали с нас глаз, в уборную, которая находилась в саду, водили под конвоем и даже не позволили соседке передать для Вячеслава молоко. Но ровно в двенадцать они ушли и мы обрели свободу.

Накормив мужа тем, что удалось достать у соседки, я сейчас же пошла на мост и рассказала нашему комиссару всё, что произошло. Он был искренне возмущен самоуправством этих ночных визитеров, сейчас же приказал выдать нам из поездного склада продукты, а сам отправился со мной к главному городскому комиссару. Последний, выслушав нас, заявил, что он тут непричем и ничего сделать не может, так-как обыск у нас делали чекисты приехавшие из Киева, которые с первым же утренним пароходом уехали обратно.

Во время этого разговора я вдруг заметила золотые часы Вячеслава, лежавшие на столе и указала на них глазами нашему комиссару. Тот сразу понял в чем дело и нахмурившись спросил красного "градоначальника":

— Откуда у вас эти часы?

— Это так, подарок, — замявшись ответил тот.

— Эти часы я еще недавно видел на руке инженера Доубрава и насколько знаю, он их вам не дарил.

— Мне их подарил киевский комиссар.

— И ни вам ни ему не известно, что даже при реквизициях запрещено отбирать часы, если они у человека одни? Выходит, что это был просто грабеж, который, судя по этому "подарку", совершался с вашего ведома и согласия.

— Я ничего не знал, что и как там произошло, — заёрзав на стуле пробормотал "градоначальник". — А часы, пожалуйста, если так, я их готов возвратить...

С этими словами он, тяжело вздохнув, протянул мне часы и мы ушли. Поездной комиссар проводил меня домой и собственными глазами увидел у нас картину полного опустошения. Он зачислил нас на служебное довольствие и сейчас же написал о случившемся начальнику киевской чрезвычайки, требуя возвратить нам все незаконно отобранные вещи.

Недели через две он пришел к нам и показал только что полученную из Киева телеграмму. Она гласила: "гражданке О. П. Доубрава надлежит немедленно явиться в управление чрезвычайной комиссии города Киева, на предмет получения обратно своих вещей".

Комиссар уже приготовил мне пропуск и пароходный билет. Он настаивал, чтобы я ехала немедленно, да ничего иного и не оставалось, хотя на душе у меня было тревожно. Поручив мужа заботам жены начальника станции, с которой мы познакомились благодаря нашей квартирной хозяйке, я села на первый же пароход и приехав на следующее утро в Киев, отправилась прямо в чрезвычайку, адрес которой мне дали на пристани.

Принял меня какой-то комиссар, которому я показала полученную нами телеграмму. Он вежливо предложил мне сесть, а сам с этой телеграммой в руках куда-то вышел. Через несколько минут в кабинет вошли два чекиста, молча взяли меня под руки и потащили в коридор.

— Что это значит? — спросила я, совершенно растерянная.

— А вот сейчас узнаешь, — ответил один из них.

Они провели меня по довольно длинному коридору, потом вниз по лестнице, в темный подвал, откуда слышались глухие голоса. Тут они отперли одну из нескольких дверей, возле которой стоял китаец часовой с винтовкой, впихнули меня внутрь и без всяких объяснений ушли, снова замкнув за собою дверь.

При слабом свете, который проникал в помещение через маленькое зарешеченное окошко, я увидела что нахожусь в небольшой комнатушке, в ней не было ничего, кроме брошенной на пол соломы, на которой си-

дели и лежали шесть женщин. Их лица в темноте трудно было разглядеть, но приняли они меня участливо, предложили сесть и начали расспрашивать, пояснив что часовой китаец по-русски почти ничего не понимает и потому можно говорить свободно.

Всё случившееся со мною было так страшно и неожиданно, что меня била нервная дрожь и я даже не смогла связно рассказать свою историю, — сделала это позже, а пока слушала, что рассказывали другие.

Одна из сидевших тут женщин была женой белого офицера, его арестовали и увели, вероятно на расстрел, а через несколько дней и её бросили в этот подвал, где она сидит уже четыре дня. Другая была пятнадцатилетняя девочка. Она, вместе с работавшей у них в семье прислугой, пошла на Днепр полоскать белье, — там к ней начал грубо приставать какой-то солдат и она дала ему по физиономии. Он пришел в ярость, корзину с их бельем бросил в реку, а ее и прислугу притащил в чрезвычайку. Что он наговорил комиссару и в чем их обвинил, они не знали, но их всунули в этот подвал, где они сидят уже неделю, а родители не знают что с ними случилось и где они находятся. Были здесь еще две крестьянки. Они несли из своей деревни молоко и яйца для продажи на киевском базаре, но по дороге их арестовали и обвинили в том, что они несут эту еду скрывающимся в лесу украинским повстанцам. На допрос их не вызывали, хотя, по их словам, сидят они в этом подвале уже так долго, что потеряли счет дням. И наконец шестая из этих узниц была доставлена сюда только вчера. Она была так избита, что лежала без движения и ничего не могла о себе рассказать.

Утром нам принесли котелок горячего чаю без сахара и по небольшому кусочку твердого как подошва хлеба. На обед и на ужин давали по такой же порции хлеба и какую-то зловонную похлебку почти без всяких признаков гущи. Я ждала, что меня вызовут на допрос или по крайней мере предъявят какое-либо обвинение, но за целый день ни меня, ни других арестованных женщин никуда не вызывали и к нам в камеру никто из чекистов не заглядывал. Кроме нашей, в этом же подвале

было еще несколько камер, очевидно более вместительных, так как со всех сторон до нас долетали мужские голоса, — судя по ним, арестованных мужчин было здесь очень много.

Вечером сверху начал доноситься разнообразный шум. Над нашими головами шла какая-то суета, двигали мебель, что-то прибивали и хлопали дверьми. Наконец, когда уже было совсем темно, послышалась музыка духового оркестра, смех, крики и шарканье ног, — очевидно там танцевали и шло какое-то празднество.

Так продолжалось далеко за полночь, а финал был поистине кошмарным. В подвал, громко переговариваясь спустилось несколько человек. Они немного задержались возле нашей двери, но не вошли, а отперли соседнюю камеру и почти сейчас же оттуда послышались револьверные выстрелы и дикие крики убиваемых людей. Одновременно на дворе начали работать на холостом ходу моторы нескольких грузовых автомобилей, заглушая крики и стрельбу. Затем мы услышали как то же самое началось в другой камере. В смертельном ужасе, думая что сейчас перестреляют и нас, все мы, дрожа как в лихорадке и заливаясь слезами, бросились на колени и горячо молились. Жена офицера начала сходить с ума, она истерически кричала и с кровью вырывала себе клочья волос. Мы схватили её за руки и зажали ей рот, чтобы она своими криками не привлекла к нам внимание палачей.

Через полчаса в подвале всё затихло, только в воздухе стоял страшный запах крови и порохового дыма, да слышно было как из соседних камер с руганью вытаскивают тела расстрелянных.

Убедившись, что нас не убьют, — по крайней мере сегодня, — мы несколько опомнились после пережитого ужаса, только жену офицера никак не могли успокоить. Под утро, когда всё окончательно утихло, я рискнула попросить часового, чтобы он позвал фельдшера, так как в нашей камере тяжело заболела одна из заключенных. Через некоторое время пришел фельдшер и дал ей проглотить какую-то таблетку, после чего она

почти сразу заснула и спала без просыпу двое суток, так что я уже боялась, что её отравили.

Часовым возле наших дверей был на этот раз русский. Заметив, что он смотрит на нас сочувственно, я спросила его что это за празднество шло вчера наверху? Он ответил, что это устраивала прощальный ужин чрезвычайная комиссия, которая кончила наводить здесь порядок и теперь её перебрасывают в Харьков, а сюда назначено новое начальство, которое, — насколько я поняла, — будет действовать помягче. Теперь мне стало понятно, почему ночью перестреляли всех арестованных мужчин, но в то же время я почувствовала большое облегчение, так как было ясно, что если нас в эту ночь пощадили, значит убивать вообще не собираются и самое страшное для нас миновало.

Ежедневно в нашу камеру приходил красноармеец и брал двух женщин на кухню, чистить картофель. Когда пришла моя очередь, я заявила что не пойду, пока мне не скажут за что я арестована. Солдат посмотрел на меня и с удивлением сказал:

— Эк напугала! Не хочешь работать, жрать тебе не дадим, и только!

— Ну и не надо, — буркнула я и не пошла на кухню.

Весь день в здании стояла полная тишина, — создавалось впечатление, что наверху никого нет. Дождавшись смены, когда часовым возле нашей камеры снова оказался тот симпатичный солдат, я завязала с ним разговор из которого узнала, что на следующий день ожидается приезд нового комиссара, который теперь будет вершить наши судьбы. После этого я дала часовому немного денег (которые у меня забыли отобрать при аресте) и попросила его купить мне лист чистой бумаги, открытку и марку. Вечером он мне всё это принес. Открытку я написала мужу. Чтобы избавить его от волнений, правду от него надо было скрыть, — я коротко сообщила, что у меня все обстоит благополучно и я скоро вернусь домой.

Лист бумаги я использовала для обращения к новому комиссару. Написала ему, что сижу здесь уже че-

тыре дня не имею представления в чем меня обвиняют, а потому хочу знать причину моего ареста и что со мной собираются делать дальше? Добавила, что мой муж, военный инженер, работающий на постройке моста, в данное время тяжело больной, остался дома один, без всякого присмотра и ухода, а потому прошу распорядиться о том, чтобы его перевезли в госпиталь, если меня намерены тут долго держать.

Устром следующего дня, узнав, что комиссар уже приехал, я передала ему это письмо через охранявшего нашу камеру стражника.

Некоторое время спустя сверху пришел красноармеец, — тот самый, что брал женщин в кухонный наряд, — и сказал, что трое из нас должны идти убирать квартиру нового комиссара. Вызвались две крестьянки и я. Солдат ухмыльнулся и промолвил:

— Вот и пойми ваше буржуйское племя! Картошку чистить не хотела, а мыть комиссару полы да окна сама просишься. Ин ладно, пошли!

Войдя в аппартаменты комиссара, в первой комнате я увидела пожилого мужчину, сидевшего за письменным столом. На этом столе я сразу увидела свое письмо, лежавшее поверх каких-то других бумаг. Кроме этого мужчины, который и оказался новым комиссаром, в комнате находилось еще трое, — очевидно члены его семьи: молодой человек, девушка и дама среднего возраста. Последняя, узнав от нашего конвоира, что мы пришли на уборку, провела нас в соседнюю комнату и повелительным тоном сказала:

— Здесь надо хорошенько обмести стены и потолок, чтобы не оставалось ни пыли, ни паутины, а двери, окна и пол начисто вымыть!

— Не беспокойтесь, мадам, — сказала я, — всё будет вымыто и убрано самым лучшим образом.

Она как-то странно посмотрела на меня и вышла. Через минуту в комнату вошел солдат конвоир и повел меня обратно в подвал.

— В чем дело? — спросила я его по дороге.

— Приказано заместо тебя привести на уборку кого попроще, — ответил он.

Не прошло и десяти минут, как на лестнице послышались шаги, дверь в нашу камеру отворилась и вошел сам комиссар. Он направился прямо ко мне и довольно приветливо спросил:

— Это вы прислали мне письмо?

— Да, — ответила я.

— Вам придется подождать до завтра. В десять часов утра придет судья и рассмотрит ваше дело. Думаю, что он вас отпустит, — добавил он.

— Но не можете ли вы хотя бы сказать, за что я арестована?

— К сожалению, не могу. Уехавшая в Харьков комиссия увезла с собой всю документацию и я ничего не знаю. Но завтра мы во всем разберемся.

Он ушел, а я всю ночь не сомкнула глаз, думая и гадая о том, как разрешится мое дело. Конечно, я волновалась, но страха у меня больше не было.

Под утро очнулась жена офицера. Она сидела дрожа и поводя вокруг блуждающим взглядом, будто не понимая где она находится и что с ней случилось. Глядя на эту несчастную и беспомощную женщину, я проникалась к ней всё большей жалостью и наконец у меня созрело решение ей как-нибудь помочь или хотя бы попытаться это сделать.

В десять часов, когда пришел конвоир, чтобы вести меня к судье, я взяла её за руку и самым естественным голосом сказала:

— Ну, поднимайся, идём!

— Погоди, — возразил солдат, — о ней ничего не сказано. Велели привести только тебя.

— Ты, должно быть, не понял или тебе забыли о ней сказать, — ответила я. — Но комиссар был вчера здесь и приказал, чтобы пришли мы вместе. Если тут вышла ошибка или он передумал, ты ничем не рискуешь: отведешь её обратно и только!

— Ладно, пошли, — согласился он и повёл нас наверх.

Когда мы вошли в кабинет судьи или следователя, — не помню уже как он официально назывался, — по-

следний указал нам рукою на стулья, мы сели и он, спросил:

— Кто вы и за что арестованы? Расскажите мне всё подробно.

Внимательно выслушав мою историю и задав мне еще два-три вопроса, он сделал какую-то пометку в лежавшей перед ним бумаге и сказал:

— Можете возвращаться домой, вы свободны.

Несказанно обрадованная, я его поблагодарила и попросила выдать мне пропуск для проезда пароходом до города Черкасы, так как мой был уже просрочен. Взяв этот старый пропуск, он на обратной его стороне написал: "была задержана по ошибке, прошу выдать новый пропуск", затем подписался и поставил внизу печать.

— С этим вам на пристани выдадут новый пропуск, — сказал он возвращая мне эту бумажку.

Я еще раз поблагодарила его, а потом, указав на мою спутницу, сказала, что она в таком же положении как и я, и вдобавок еще нервно больная. Судья задал ей несколько вопросов и тоже отпустил на свободу. Радостные, мы вышли на улицу, расцеловались и пошли каждая своей дорогой. Прощаясь, она говорила, что никогда не забудет чем мне обязана и записала мой адрес.

Я направилась прямо на пристань и заняла место в длинном хвосте у окошка, где выдавались пропуски на проезд. Но когда подошла моя очередь, я с ужасом увидела, что их выдают два матроса из той шайки, которая ночью приходила к нам с обыском. Один из них меня тоже узнал и крикнул, обращаясь к другому:

— Гляди, Петро, эта черкасская барынька уже тут и кажется думает, что мы дадим ей пропуск!

Инстинктивно я шарахнулась от окошка в сторону и замешавшись в толпу, бросилась вон с пристани, поминутно оглядываясь — не гонятся ли за мной. Только добравшись до Крещатика я перевела дух и полностью осознала своё отчаянное положение. В Киеве я никого не знала, денег у меня почти не было, без пропуска вернуться домой невозможно, — куда же мне идти и что делать? С такими мыслями я без цели брела по улицам,

заливаясь слезами. Наконец ко мне приблизилась какая-то пожилая женщина и участливым голосом спросила:

— Чего это ты, милая, так убиваешься?

Почувствовав к ней доверие, я в общих чертах рассказала ей свою историю. Выслушав всё, она предложила мне отправиться к ней домой и побыть там, пока мы вместе чего-нибудь не придумаем. Мне ничего не оставалось, как принять с благодарностью это приглашение.

Вечером возвратился с работы муж моей новой знакомой, простой, но очень симпатичный рабочий и за вкусным ужином, которым они меня угостили, мы все втроем обсуждали мое положение. Хозяева советовали мне не спешить и оставаться у них, пока не найдется какой-нибудь выход. Но я не могла ждать у моря погоды, зная что мой тяжело больной муж лежит один, без надлежащего ухода и еще вдобавок волнуется, не зная куда я пропала и что со мной случилось. Поэтому, переспавши тут ночь, утром я простилась с гостеприимными хозяевами и снова отправилась на пристань, попытать счастья.

В семь часов утра я уже была там. На пристани еще было мало народу, но мне удалось узнать, что бюро пропусков открывается только в девять часов и что приблизительно в это же время отходит первый пароход на Черкасы.

Больше всего я боялась, что меня снова увидят и узнают вчерашние держиморды, а потому старалась держаться подальше и пряталась за углами, пока не подошел нужный мне пароход и пристань не наполнилась отъезжающими людьми. План действий был мною уже обдуман. Подождав в стороне пока все пассажиры поднялись на пароход и раздался последний звон колокола, я бегом, будто опоздавшая, бросилась наверх по сходням, за которые уже взялись два матроса, чтобы их убрать. Тут же стоял служащий, проверявший пропуска, он мне крикнул:

— Имеешь пропуск?

— Конечно, имею! — ответила я не останавливаясь и помахала в воздухе своим просроченным пропуском. Зная, что в пути будет вторая проверка, он этим удовлетворился, я ступила на борт, сходни сейчас же подняли и пароход отчалил от пристани. Я уже благодарила Бога, что всё прошло так удачно, но через четверть часа с замиранием сердца заметила двух мужчин, которые обходили публику и проверяли пропуска. Подошли и ко мне.

— Ваш пропуск!

Долго я шарила по карманам, в надежде что им это наскучит и они отвяжутся, но не тут-то было! Пришлось показать им старый пропуск. Они его долго читали и рассматривали, наконец один заявил, что этот пропуск уже не действителен. Я ответила, что нового не успела получить, так как пришла на пристань в последний момент, но на обороте моего просроченного пропуска есть официальная пометка, из которой совершенно ясно видно, что я имею право на его возобновление. Контролеры посовещались между собой и наконец один из них сказал:

— Ладно, можешь ехать, но гляди, чтобы это было в последний раз, не то худо будет!

Услышав эти слова, я чуть не расплакалась от радости.

Через несколько часов наш пароход сделал короткую остановку возле какой-то попутной пристани. Тут на борт поднялось несколько новых пассажиров в том числе два красноармейца с винтовками, конвоировавшие арестованного, — это был молодой человек с интеллигентными чертами лица, сильно избитый. Все трое сели на скамейку, на которой сидела я.

Все пассажиры отнеслись к их появлению равнодушно, некоторые даже поглядывали на арестанта с явной жалостью. Только одна молодая женщина, в мужском костюме и с красной лентой в волосах, сидевшая напротив нас, уставилась на него диким полным ненависти взглядом и прошипела:

— А, попался, проклятый контрик! И чего только

с тобой цацкаются? Разбить бы тебе башку прикладом, да за борт, только и того!

— Али ты его знаешь? — покосившись на неё спросил один из конвойных.

— Никогда не встречала, но по морде сразу вижу, что это за птица. И если ты, товарищ, еще тому не научился, давай я тебе покажу, что с такими гадами надо делать, — добавила она вставая и шагнув в их сторону.

— Стой, стерва, на месте! — крикнул солдат, вскидывая на неё винтовку. — За меня не боись, службу я знаю: коли подойдешь к арестованному, застрелю как сучку и в ответе не буду! Ежели тебе крови захотелось, допрежь того ты у меня своей умоешься! Наматывайся отселе к свиньям собачьим покуда цела!

Кровожадную женщину как ветром сдуло, а я невольно подумала: есть же на свете такие чудовища в женском образе и Господь их терпит!

Пассажиров на пароходе была масса и ночью все скамьи и палуба покрылись телами спящих. Мне лечь было негде и я сидя клевала носом. Увидев это, тот же пожилой солдат, сидевший рядом, подвинулся сам и потеснил других, освободив для меня место на лавке.

— Приляг, тетка, поди намаялась, а нам, конвойным, всё одно спать нельзя, — сказал он. — Да голову, коли хошь, клади мне на колено, будет тебе заместо подушки.

Поблагодарив этого доброго человека, я воспользовалась его предложением и каменным сном проспала до самого утра.

В Черкасы мы прибыли когда солнце уже стояло высоко на небе. Спустившись с парохода, я сразу увидела мужа, сидевшего в стороне, на камне. Он тоже меня заметил и с трудом поднялся навстречу. Он догадывался, что я была арестована и не в силах сдержать тревогу, уже два дня выходил к каждому пароходу приходящему из Киева.

Дома нас встретила наша приятельница, жена начальника станции, которая в моё отсутствие заботилась о больном Вячеславе и сегодня тоже приготовила

ему наваристый борщ. Но меня поразило то, что я увидела в нашей столовой: стоявший здесь большой стол весь был покрыт прекрасными, но совершенно мне незнакомыми вещами. Тут лежали три почти новых мужских костюма, каракулевая шуба, несколько пар ботинок, много столового и постельного белья, серебряные куверты, чайный фарфоровый сервиз и куча других вещей. В полном недоумении я уставилась на жену начальника станции и она мне всё объяснила.

Оказывается ее муж, воспользовавшись какой-то служебной командировкой, побывал в том городе, где скрывались наши квартирохозяева. Он им рассказал обо всем, что тут случилось и как нас до нитки ограбили за то, что на допросе мы не пожелали их выдать. И посоветовал им как можно скорее бежать через границу в Румынию, так как большевики их усиленно разыскивают и поймав, конечно, расстреляют. У тех уже всё было подготовлено к бегству, но теперь, узнав о том, как мы с мужем, выручая их, пострадали, они объяснили начальнику станции где находится один из сундуков с их вещами, и просили его передать все эти вещи нам. Излишне, я думаю, говорить, как я была этим благородным жестом растрогана. Их наследство для нас с Вячеславом, полностью ограбленным, послужило подлинным спасением.

На другой день я пошла на мост и рассказала нашему комиссару всё, что со мной случилось в Киеве, куда меня заманили обещанием возвратить отобранные вещи, а вместо этого арестовали. Было заметно, что он всем этим возмущен, хотя и избегал открыто порицать действия всесильной чрезвычайки.



Первое время после всех этих событий мы могли питаться хорошо. Муж немного окреп, хотя его сильно мучил кашель. Однако, чем дальше, тем труднее становилось добывать съестные продукты. Крестьяне боялись привозить что-нибудь на базар, так как красноармейцы у них всё отбирали. По сёлам и хуторам тоже шли постоянные обыски, с изъятием так называемых

"излишков", иными словами у них реквизировали все запасы, оставляя лишь минимум, который позволял только-только не умереть с голоду.

В силу этого, зима для нас выдалась очень тяжелая. Все полученные от квартирохозяев вещи постепенно ушли в обмен на продукты, под конец осталась только посуда и серебро, — как вещи менее ходкие, их почти невозможно было обменять на еду, которой к весне почти ни у кого не оставалось. К тому же мы всё время страдали от холода. Дров, конечно, не было и я собирала в лесу сухие веточки и щепки, чтобы хоть немного отапливать спальню и готовить пищу.

Наконец пришла весна, потеплело, но было голодно и Вячеслав чувствовал себя всё хуже.

В это время я неожиданно получила письмо из Харькова, от той самой офицерской жены, которой помогла освободиться из киевской чрезвычайки. Она писала, что получила обратно все отобранные у неё при обыске вещи и советовала мне немедленно приехать в Харьков, уверяя, что и нам возвратят всё что у нас забрали в Черкасах, в чем она мне поможет и будет ждать моего приезда.

После горького киевского опыта, я не очень верила в успех этого дела, но с другой стороны положение у нас было безвыходное ибо всё чем мы располагали, было проедено, а здоровье Вячеслава требовало усиленного питания. К тому же я подумала, что эта женщина, обязанная мне своим спасением, не станет желать мне зла, а следовательно к её письму можно отнестись с полным доверием. И я решила ехать. Наш поездной комиссар мое решение одобрил, он дал мне пропуск и бесплатный билет на проезд поездом до Харькова.

По приезде туда, я встретилась с женщиной, которая мне писала и мы с ней вместе отправились в учреждение, в котором ей возвратили вещи. Там она сказала, что мне следует обратиться к комиссару Иванову, сообщила номер его кабинета и объяснила как туда пройти, а сама осталась ожидать в прихожей.

Пройдя по длинному корридору, я нашла указан-

ный мне номер двери. Возле нее стоял часовой, который пропустил меня внутрь. Я очутилась в большой полупустой комнате, где сбоку, за небольшим столиком, сидела какая-то девица, видимо секретарша, а против двери, за письменным столом, — сухопарый и седой мужчина, это и был комиссар Иванов. Он поднялся мне навстречу и спросил кто я и зачем приехала? Я назвала себя и рассказала свою историю. По некоторым вопросам, которые комиссар задал мне дополнительно, я почувствовала, что он обо мне всё знает. А под конец он вкрадчивым голосом спросил:

— Это правда, что вы родственница товарища Ленина?

Меня как будто кипятком ошпарили. Едва обретя дар речи от изумления, я спросила откуда у него такие нелепые сведения? Он ответил, что ему так донесли.

— Это какая-то дикая и глупая выдумка, — промолвила я. — С товарищем Лениным у меня не только нет никакого родства или свойства, но я его никогда в жизни даже не видела!

После этого Иванов протянул мне исписанный сверху до низу лист бумаги и потребовал, чтобы я под ним подписалась. Я заявила, что не зная что там написано, этого документа не подпишу.

— Советую подписать, — промолвил комиссар, — ибо в противном случае... — Он не кончил фразы и нажал кнопку звонка на письменном столе. Сейчас же раскрылась боковая дверь, которой я раньше не заметила, и за нею показались два красноармейца с револьверами в руках. У меня подкосились ноги, я поняла, что снова попала в ловушку. Делать было нечего, — взяла перо и внизу поданного мне листа подписала: П. П. Доубрава.

— Ну вот, так-то лучше, — сказал комиссар и позвав одного из солдат приказал проводить меня в кабинет номер три.

Привел он меня в небольшую комнату, где стояли письменный стол и два стула. Через несколько минут туда вошел средних лет мужчина с довольно симпатичным лицом, сказал, что он следователь, предложил мне сесть, а моего конвоира отправил обратнао.

— Вы Ольга Петровна Доубрава? — спросил он, когда мы остались одни.

— Да, — ответила я.

— Расскажите, что с вами произошло и зачем вы сюда приехали.

Я, ничего не утаивая, поведала ему обо всех своих злоключениях. Он держал себя безукоризненно корректно и было видно, что мне сочувствует, его допрос сразу же принял характер доброжелательной беседы. Узнав из разговора, что он окончил петербургский университет, я сказала ему, что и я и мой муж также получили высшее образование в Питере, и умоляла его помочь мне выпутаться из этой ужасной истории. От него я узнала, что моя знакомая (это жена офицера) по глупости оказала мне медвежью услугу: она им сказала, что если не вернут мне все отобранные при обыске вещи, то их ждут большие неприятности, так как я родственница самого Ленина! Конечно, она думала, что никто этого проверять не станет, но вышло иначе: в чрезвычайке сделали вид, что ей поверили и попросили сообщить, чтобы я приехала в Харьков получить вещи, а за ней самой установили слежку. Таким образом, ничем не рискуя заманили меня сюда. Отдать приказ о моем аресте они побоялись до предварительного разговора со мной: а вдруг я в самом деле родственница Ленина! Не его же об этом запрашивать!

Поняв всю эту махинацию, я совсем было пришла в отчаяние, но следователь посоветовал мне не падать духом. Взглянув на подписанный мною у комиссара документ, который теперь лежал у него на столе, он спросил:

— Ведь вас зовут Ольгой Петровной? А почему вы тут поставили подпись П. П. Доуброва?

— Мне пришло в голову, что этим я смогу на суде доказать, что меня заставили подписать документ против моей воли. П. П. означает "под принуждением".

Следователь улыбнулся и одобрил мой поступок, он сказал, что так ему будет легче меня выгородить, когда дело поступит на рассмотрение революционного трибунала. Затем он заявил, что я пока свободна, указал лестницу, по которой я должна выйти на улицу и

посоветовал, не встречаясь больше с вызвавшей меня в Харьков знакомой, идти прямо на вокзал и уезжать отсюда с первым же поездом. Разумеется, я так и поступила.

Пропуска на обратный проезд у меня не было, его надо было получить в особом бюро, возле вокзала. Оно оказалось закрытым, но возле него я увидела такую массу народа, что мне стало ясно, сегодня до меня очередь не дойдет, если даже оно откроется. Тогда я решила действовать иначе и направилась прямо на вокзал. У входа стоял какой-то железнодорожник и потребовал у меня пропуск. На это я ответила, что бюро закрыто, а мне нужно получить пропуск немедленно, т. к. я сестра милосердия и имею предписание сегодня же выехать в полевой госпиталь, на польский фронт (советы тогда воевали с Польшей). Служащий посоветовал мне обратиться к начальнику станции и пропустил меня внутрь.

Долго я бродила по всем помещениям вокзала, разыскивая начальника станции, но напасть на его след не могла. Наконец кто-то из служащих мне сказал, что он сейчас на митинге, в зале второго этажа, и что там же находится всё прочее железнодорожное начальство, включая и уполномоченного по выдаче пропусков. Я побежала наверх. Двери зала были закрыты и возле них никого не было. Я постучалась и не дожидаясь разрешения вошла внутрь. За длинным столом тут сидело десятка полтора мужчин, все они с удивлением повернули ко мне головы и один спросил:

— Что вам тут нужно, гражданка?

Извинившись за свое вторжение, я ответила, что будучи сестрой милосердия должна сегодня же выехать на фронт, — мне нужен пропуск, а бюро закрыто. Очевидно им было не до меня, а потому они не стали затягивать дело всякими вопросами и придирками, что обычно имело место в советской практике. Один что-то сказал вполголоса своим соседям по столу, те кивнули головами, после чего он взял листок бумаги, написал

пропуск и приложив печать, подал его мне. Я еще раз извинилась за беспокойство, поблагодарила и поскорее выскочила из зала, страшно обрадованная: полученный пропуск мне вполне годился, так как железнодорожный путь на фронт лежал через Черкасы.

Теперь всё было в порядке и меня выпустили на перрон. Здесь почти не было народа, что меня очень удивило, но скоро я выяснила в чем дело: ни один пассажирский поезд на Черкасы сегодня не отходил и неизвестно пойдет ли завтра, — в ту сторону шли только воинские эшелоны и товарные поезда.

Не зная что теперь предпринять, я без цели бродила по перрону, пока не увидела поблизости паровоз, который в этот момент прицепляли к товарному составу. Подождав пока сцепщик ушел, я подошла ближе, сказала машинисту, что должна ехать к умирающему мужу, а пассажирских поездов нет, и стала умолять его подвезти меня на паровозе. Вначале он не хотел о том и слышать, но потом разжалобился и сказал, что может меня довезти только до ближайшей узловой станции, где кончается его смена. Я и тому была рада.

— Влезай живо, — сказал машинист, — и садись вон там, в уголке за дровами. В случае чего сойдешь за мою сестру.

Через полчаса поезд тронулся и под вечер остановился на большой станции. Тут наш паровоз отцепили и к составу подали другой. Мой машинист пошептался со своим коллегой, после чего этот последний сделал мне рукой знак, чтобы я перешла в его паровоз и мы поехали дальше. Так шло и впредь, — машинисты передавали меня друг другу, как живую эстафету. Все эти товарные поезда были короткого следованья и до Черкас мне пришлось сделать пять таких пересадок.

Когда я явилась домой без всяких вещей, муж был очень удивлен. Не желая его тревожить, я и словом не обмолвилась о своих злоключениях, а просто сказала, что моя знакомая обнадежила меня совершенно зря и

в харьковской чрезвычайке мне заявили, что о наших вещах там ничего не знают.

Только через пять недель из Харькова пришло на моё имя письмо в большом казенном конверте. Дрожащими от волнения руками я его вскрыла и с облегчением прочла: "Гражданка Доубрава, Ольга Петровна, по делу номер такой-то военно-революционным трибуналом признана невиновной и не подлежащей какому-либо наказанию либо ответственности". Вячеслав, конечно, это письмо увидел и прочитав воскликнул:

— Господи, что это еще за новое "дело"? Значит ты от меня что-то скрывала! Расскажи хоть теперь всё подробно.

И мне ничего не оставалось, как исполнить его желание.

---

10. БЕГСТВО В ПОЛЬШУ

Шел апрель 1921 года. Это значит, что уже более трех лет мы прожили в обстановке постоянного страха, голода, бесправия и полного произвола, когда каждый день вас могли ни за что, ни про что арестовать, ограбить и расстрелять. Всё это можно было бы понять и перетерпеть как явление временное, свойственное переходной эпохе, но никакого улучшения или смягчения заметно не было. Наоборот, с каждым днем общее положение только ухудшалось и все уродливые явления жизни принимали устойчивую форму, — режим явно прогрессировал в сторону необузданного террора и насилия. К тому же болезнь Вячеслава обострялась, если его что-нибудь и могло спасти, то лишь нормальная, спокойная жизнь, заботливый уход и хорошее питание, а здесь об этом не приходилось и мечтать.

Раздумывая обо всем этом, я в конце концов решила во что бы то ни стало бежать заграницу и остановила свой выбор на Польше, так как там жили родители мужа, а кроме того польскую границу было легче всего преодолеть.

Муж был согласен на всё. Но если легко было принять такое решение, то организовать и осуществить побег было неизмеримо труднее. И дело еще осложнялось тем, что Вячеслав был тяжело болен и еле двигался, а предстояло ночью тайком переходить границу, — кто знает каких усилий это потребует и выдержит ли он такой переход?

Раздумывая об этом, я в конце концов решила посоветоваться с одним нашим техником, который очень любил моего мужа и никогда бы нас не выдал. Рассказала ему всё. Он подумал и ответил:

— Есть одно обстоятельство, которое может вам очень помочь, если вы сумеете им воспользоваться. Но предварительно дайте мне слово, что вы никогда и никому не скажете, что я дал вам этот совет.

Я поклялась и после этого он сообщил мне следующее: наш поездной комиссар в прошлом был царским офицером, что он тщательно скрывал и служил у красных под чужой фамилией. Меня это чрезвычайно удивило и вместе с тем поставило в трудное положение: комиссар относился к нам очень хорошо, мы ему многим были обязаны и в силу этого теперь надо было действовать так, чтобы не обидеть и не подвести его, и чтобы всё это не было похоже на шантаж. Как же мне быть? С Вячеславом я об этом не могла посоветоваться ибо знала, что он никогда не позволит мне так воспользоваться чужой тайной, а я должна была это сделать ради спасения его жизни.

В тот же вечер, в общих чертах составив план предстоящего разговора, а больше надеясь на наитие, я пошла к комиссару в вагон. Он в это время разговаривал с двумя рабочими. Я подождала пока они ушли, а потом попросила комиссара запереть дверь и никого пока не принимать, так как я хочу говорить с ним по секрету о весьма важном деле. Лицо его при этом отразило некоторое удивление, но он молча кивнул и запер двери на ключ.

Удостоверившись что нас никто не может подслушать, я в общих чертах обрисовала ему свое положение: муж тяжело болен, болезнь его прогрессирует, — спасти его могли бы только нормальные условия жизни и усиленное питание, а тут об этом нельзя и мечтать, ибо большую часть вещей у нас отобрали, остальное проедено и денег не хватает даже на лекарства, — такая жизнь впроголодь и в вечных волнениях для мужа равносильна смертному приговору. И я вижу только один способ спасти его: увезти в Польшу, к его родителям. Они состоятельные люди и там ему будут обеспечены те условия жизни и лечения, в которых он нуждается.

Комиссар слушал меня не перебивая, но под конец моей речи лицо его начало хмуриться. Когда я закончила, он сухо спросил:

— Чего же вы от меня хотите?

— Легально выехать в Польшу нам никогда не разрешат. А потому, зная как добросердечно вы к нам относитесь, я пришла просить вашей помощи в этом деле.

— Я вам очень сочувствую и понимаю ваше положение. Но я не всемогущ и выхлопотать вам право на выезд никак не смогу.

— Я это знаю, но имею ввиду другое...

— Иными словами, вы просите, чтобы я, комиссар, совершил государственное преступление и помог вам с мужем бежать заграницу? Да думаете ли вы что говорите и чем это может для вас окончиться?!

— Зная вас как порядочного человека, не думаю чтобы этот разговор, с глазу на глаз, мог повлечь за собой какие-либо трагические для меня последствия. К тому же я знаю и другое: вы кадровый офицер, как и мой муж, и я уверена, что если вы можете что-либо сделать для его спасения, вы это сделаете, а если не можете, то во всяком случае не отправите нас на расстрел.

— Кто вам сказал, что я кадровый офицер? — бледнея спросил комиссар.

— Никто. Но я об этом давно догадалась по вашей выправке, воспитанности и манере держаться. Я много лет вращалась в военной среде и на такие вещи глаз у меня хорошо намётан, — уверена, что я не ошиблась. Но вы не беспокойтесь, этого никто не знает, и чем бы не окончился наш сегодняшний разговор, я никогда не пророню об этом ни слова. Тем более, что и наша тайна в ваших руках: вы теперь знаете, что мой муж офицер.

Комиссар не ответил мне ничего, склонил голову на руки, опёртые локтями на стол и глубоко задумался. Потом поднял голову и сказал:

— Приходите ко мне завтра, часа в четыре.

Когда я пришла в назначенное время, комиссар был один.Он протянул мне какой-то документ, под которым стояло две печати и неразборчивая подпись. Я сразу прочла его. Это было сделанное по всей форме командировочное удостоверение, согласно которому инженер В. Доубрава должен был немедленно отправиться на станцию Славута, контролировать производящуюся там

вырубку леса и заготовку железнодорожных шпал. У меня от радости перехватило дыхание: эта станция находилась возле польской границы и всего в пятидесяти верстах от города Дубно, где жили родители Вячеслава!

— Удовлетворены? — спросил комиссар.

— Господи! Да я просто не знаю как благодарить вас!

— Командировка, как видите, долгосрочная и вам следует взять с собой все ваши вещи, — сказал комиссар. — Я дам вам отдельную теплушку и двух рабочих, которые завтра утром погрузят в нее ваш багаж и будут сопровождать до Белой Церкви, а там пересадят в пассажирский поезд. Желаю вам счастливого пути и полной удачи.

— Спасибо, спасибо и еще раз спасибо! Да хранит вас Бог!

Мы обменялись крепким рукопожатием и расстались друзьями.

Возвратившись домой я всё рассказала мужу. Он был несказанно обрадован и мы спешно начали складывать свои пожитки. В тот же день я взяла у меховщика свою шубу и накидку, а когда совсем стемнело извлекла из тайника в курятнике наши драгоценности и вытащила из-под кучи бревен "старорежимные" документы. Обложка моего паспорта наполовину сгнила, слегка пострадал и мой аттестат, с царскими портретами, но эти реликвии прошлого я бережно храню и до сих пор.

Утром подошла телега, нас перевезли на станцию и погрузили в теплушку. В ней стояла железная печурка и для нас было положено два матраса.

Нас, конечно, сразу увидел начальник станции, с семьей которого мы были в приятельских отношениях, — он сказал, что до отхода поезда осталось больше часа и пригласил нас к себе. Ни он, ни его жена ни о чем не расспрашивали и мы только сказали, что едем в дальнюю командировку. Нас накормили, напоили чаем и еще дали в дорогу всякой еды. Прощаясь с нами, хозяйка даже всплакнула.

До Белой Церкви мы доехали вполне благополучно

и с полным "теплушечным" комфортом. Но дальше было значительно хуже. Поезд, которого нам пришлось довольно долго ожидать, пришел не просто переполненным, а люди сидели даже на крышах вагонов, на буферах и целыми гроздьями висели на поручнях выходных площадок. Но сопровождавшие нас рабочие (они были в солдатских шинелях, которые тогда всем внушали почтение) были опытны в таких делах. Подойдя к окну переполненного вагона, один из них рявкнул:

— А ну, живо, освободить место для больного военспеца! — Когда публика внутри потеснилась, он влез в окно, посбрасывал с верхней полки лежавшие там мешки и узлы, расстелил матрас, поданный ему снаружи вторым рабочим, а затем, таким же образом, через окно, они втащили туда Вячеслава. Тем же путем за ним последовала я, рабочие втиснули в вагон и кое как приткнули наши вещи, и мы тронулись дальше.

Наконец наш поезд подошел к узловой станции Шепетовка, которая находилась в каких-нибудь десяти или двенадцати верстах от Славуты. Но дальше поезда не ходили и вся публика начала выгружаться из вагонов. Мы решили подождать, пока давка в проходах кончится и глядя в окно увидели начальника станции в красной форменной фуражке, стоявшего недалеко от нас.

— Удивительно знакомое лицо, — промолвил Вячеслав, пристально вглядываясь в него. — Постой, да это кажется наш петроградский деньщик... Онуфрий! — крикнул он, высовываясь из окна.

Начальник станции поднял голову и взглянув на Вячеслава, с сияющей физиономией бросился к нашему окну.

— Неужели вы, ваше бл... — запнулся он. — Вот же радость какая вас повидать! Погодите минутку, я зараз ворочусь, — добавил он и побежал к вокзалу.

Через несколько минут он вернулся с двумя рабочими, они выгрузили наши вещи и отнесли в дежурную комнату, куда проследовали и мы. Онуфрий нас расспрашивал о том, как и где мы прожили последние годы, рассказывал и о себе, наконец спросил куда мы

едем? Муж ответил, что он командирован на станцию Славута.

— Поездов туда нет, — сказал Онуфрий, — но коли снадобится, я вас доставлю на дрезине. Однако сегодня имеется оказия получше: мне приказано отправить в Славуту двух инженеров, они едут с семьями и у них отдельная теплушка, а паровоз у меня уже готов. Думаю, коли вы с ними поговорите, они не откажутся вас подвезти.

Онуфрий меня познакомил с этими инженерами и они охотно согласились нас взять. Через час мы тронулись дальше. Прощаясь с нами, Онуфрий подмигнул мужу и понизив голос сказал:

— Вы должно-быть, "туда", на ту сторону? Коли так, может еще встретимся, — скоро и я там буду, допрежь того хочу только зубы себе повставлять на советский счет...

Как я раньше упоминала, старшая сестра Вячеслава была замужем за железнодорожником и когда мы перед свадьбой приезжали в Дубно, ее муж был в Славуте начальником станции. Позже нам сообщили, что он умер, после этого переписка Вячеслава с родителями оборвалась и о дальнейшей судьбе этой сестры он ничего не знал. Естественно, когда мы прибыли в Славуту, сразу спросили у местного начальника станции — не знает ли он где находится вдова его предшественника?

К нашей радости оказалось, что она, вместе со своей дочерью, живет здесь и притом в доме нынешнего начальника станции. Мы сразу же отправились к ней. Я её раньше не знала, а сколь счастлив был Вячеслав, встретившись с сестрой после долгих лет разлуки и всех пережитых мытарств, — я думаю каждому понятно и без лишних слов.

Мы прожили у сестры два дня, за это время всесторонне обсудили дальнейшее и она нам помогла нанять две подводы, которые должны были доставить нас в какое-то село, стоящее на самой границе, в двадцати пяти верстах от Славуты. Жители этого села постоянно ездили в Славуту за различными покупками, а промыш-

ляли главным образом тем, что тайком переправляли в Польшу беглецов из Советской России, хорошо на этом зарабатывая.

Часа в три ночи к нашему дому подъехали две фуры, нагруженные гонтами[1]). Крестьяне-возницы разгрузили эти фуры наполовину, уложили внутрь наши вещи и снова накрыли гонтами. Вячеслав и я, оба одетые селянами, заняли свои места и мы пустились в рискованный путь.

Когда совсем рассвело, я слезла с фуры и дальше должна была идти пешком, далеко впереди: у нас было условлено, что если я увижу пограничника или какого-либо солдата с винтовкой, брошу на дорогу белый платок. Эта прогулка была для меня не утомительной и даже приятной. Кругом зеленели поля, ласково пригревало майское солнышко, а тяжело нагруженные подводы тащились медленно, так что я могла идти не спеша.

Никого по пути мы не встретили и сделав только одну остановку, чтобы накормить и напоить лошадей, к вечеру благополучно прибыли в пограничное село, на окраине которого жил наш проводник. Там нас уже поджидали его домочадцы, они быстро разгрузили фуры и внесли наши вещи в дом.

Ночь прошла в дальнейших приготовлениях, так что я не смыкала глаз, а Вячеслава заставила немного поспать, чтобы набраться сил для предстоящего перехода границы.

Наши хозяева были опытны в этом деле, так как уже неоднократно переводили людей через границу, взымая за это с каждого по пятьсот тысяч советских рублей, или пять рублей золотом. От них мы узнали следующее: между границами Польши и Советского Союза лежала так называемая нейтральная полоса, шириною в три километра. Но многие пограничные крестьяне имели землю и с одной и с другой стороны, поэто-

---

[1]) Гонты — деревянные дощечки, которыми на Волыни кроют крыши, вместо черепицы.

му им разрешалось свободно переходить через нейтральную полосу, но безопаснее было идти пешком и без всяких вещей в руках, так-как в этой полосе на всех дорогах стояли советские заставы, а кое-где были спрятаны дозорные, которые следили, чтобы кроме крестьян никто не проходил, и задерживали всех подозрительных.

Сообразно с этим был выработан детальный план переброски нас через границу и на следующий день мы начали приводить его в исполнение.

Часов в десять утра, когда солнце уже стояло высоко на небе, хозяйка взяла моего мужа под руку и медленно повела через нейтральную полосу, — в случае чего она должна была сказать, что ведет больного брата к доктору, который жил в ближайшем польском селе. По дороге их заметил советский пограничник, но они спокойно пошли мимо него и он их не остановил. Благополучно перейдя границу, они вскоре встретили польский патруль, который после короткого разговора отвёл мужа в полицию, где он рассказал всё без утайки, и предъявил свои документы.

Убедившись из них, что Вячеслав коренной житель этих мест и окончил в Дубно гимназию, начальник полиции спросил, нет ли у него родственника в этом селе? Муж ответил, что когда-то, насколько он помнит, здесь или где-то поблизости имел хутор брат его отца, которого он с детства не видел и даже не знает — жив ли он еще. Услышав это, начальник полиции сейчас же послал куда-то одного из своих подчиненных, и полчаса спустя тот привёл в полицию пожилого человека, который оказался родным дядей Вячеслава. Он сейчас же забрал племянника к себе домой, обильно, не по советски, накормил его и уложил в постель. Начальник полиции со своей стороны распорядился, чтобы ночью, в том месте где будут переходить границу крестьяне с нашими вещами, стоял наготове польский патруль, который в случае надобности мог оказать им какое-либо содействие.

Ночью началась переноска нашего имущества, которая продолжалась почти до рассвета. Она проводилась довольно оригинальным способом: несколько чле-

нов хозяйской семьи надевали на себя, под свои обычные одежды, все наши носильные вещи, до моей шубы включительно, иными мягкими вещами обматывались, а за пазуху и по карманам рассовывали драгоценности и всякую мелочь, так что когда пускались в путь, в руках у них ничего не было. Придя на польскую сторону, там они разгружались, Вячеслав давал им для меня записку, с перечислением вещей, которые получил, после чего они возвращались и я нагружала их снова. За ночь им пришлось совершить три таких рейда, причем каждый раз они шли другой дорогой. Советские пограничники видимо мирно спали, так как вся эта операция прошла вполне благополучно и к рассвету все наши вещи очутились в Польше. Пришлось оставить только два пустые чемодана, сундук и фарфоровый чайный сервиз, — всё это я подарила хозяевам, которые, получив, кроме того, десять золотых рублей, были очень довольны.

На советской стороне теперь оставалась только я. Хозяева советовали мне переходить границу часов в деять утра, когда по дорогам ходит много крестьян и пограничники не обращают особого внимания на каждого отдельного пешехода.

Излишнее, я думаю, говорить что я в эти часы переживала и как волновалась: ведь если меня схватят, мы с Вячеславом будем разлучены навсегда, это казалось особенно трагическим именно сейчас, когда мы стояли на пороге новой, свободной жизни.

Однако, к тому времени, когда надо было выступать, я взяла себя в руки и спокойно пустилась в путь, беспечно помахивая сорванной в саду зеленой веточкой и громко распевая. Со стороны должно было казаться, что я нахожусь в самом радужном настроении и что в этих местах я свой человек.

Уже совсем недалеко от границы из кустов вдруг высунулась голова советского солдата пограничника. Я обмерла, но продолжала идти вперед и петь.

— Эй, молодка! — крикнул солдат. — Куда путь держишь и чего орешь?

— Я учительница из этого села и иду домой, — ве-

село ответила я. — А песню пою потому, что больно уж хорош денёк.

— А где ты живешь-то в селе?

— Да при школе же и живу.

— Ну, ну, топай! Невдолге приду к тебе в гости. Приймешь?

— Приходи, буду ждать, — смеясь ответила я и прибавила шагу.

Перейдя границу и увидев поблизости несколько польских пограничников, я подбежала к ним, едва преодолевая желание поочередно обнять и расцеловать каждого. После страшного нервного напряжения наступила внезапная реакция, я почувствовала, что у меня подкашиваются ноги и мною овладевает слабость близкая к потере сознания.

Пограничники подхватили меня под руки и отвели прямо к мужу...

Боже, какая радость была сознавать, что из царства насилия и террора мы живыми выбрались в свободный мир!

Конец первой части.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

В ЧУЖИХ СТРАНАХ

11. В КАРПАТСКИХ ГОРАХ

Первые дни в Польше мы отдыхали у дяди, наслаждаясь чувством давно забытого покоя и полной безопасности. Вечером, ложась в постели, на первых порах трудно было даже поверить, что можно спать спокойно, не ожидая того, что ночью к нам ввалятся с обыском и с предъявлением каких-нибудь абсурдных обвинений.

Дня через три, когда мы немного оправились от пережитых волнений, дядя отвез нас на лошадях в город Острог, до которого было верст двадцать. Там стоял штаб польских пограничных войск, где у всех беженцев из Советской России проверяли документы, опрашивали кто куда хочет ехать и выдавали документ на свободный проезд.

Возле штаба мы увидели массу беженцев, преимущественно крестьян, целыми семьями расположившихся прямо на земле, в ожидании очереди на проверку. Лавируя между ними, я старалась пробраться в бюро пропусков, но эти люди преграждали мне дорогу, крича, что они ждут здесь уже по несколько дней. Тщетно я их умоляла пропустить меня, объясняя, что везу тяжело больного мужа и ждать не могу. К счастью в это время из окна выглянул польский офицер и услышав эти пререкания, приказал меня немедленно пропустить.

Он провел меня в канцелярию, где находилось несколько молодых офицеров. Я предъявила документы и вкратце рассказала им как и почему мы бежали из Совдепии. Узнав от меня, что муж ожидает снаружи на возу, двое из этих офицеров сейчас же отправились туда и привели его в канцелярию. Тут его начали расспрашивать и сразу же выяснилось, что у Вячеслава и этих

офицеров есть множество общих знакомых, а некоторые даже учились, как и он, в дубенской гимназии. Дальнейший разговор принял чисто дружеский характер, нас угостили чаем и легкой закуской, а потом дали пропуск и бесплатные билеты на проезд поездом до Дубно. Дядя Вячеслава был человеком состоятельным, — он снабдил нас на первое время польскими деньгами и на следующий день отвез на ближайшую железнодорожную станцию. Здесь, горячо поблагодарив его за все о нас заботы, мы с ним простились, сели на поезд и через два часа были уже в Дубно.

Оставив мужа с вещами на станции, я прямиком отправилась в чешскую колонию Страклов, где жили его родители, — до нее было оттуда не более версты. Отец и младший брат Вячеслава сейчас же запрягли лошадей и через полчаса наши долгие мытарства закончились: и мы, и наши вещи находились под домашним кровом.

Встреча Вячеслава с родителями была радостной, и в то же время драматической: после пятилетней разлуки, они были, конечно, счастливы увидеть сына, но состояние его здоровья и изможденный вид произвели на них ужасное впечатление. Мать плакала и корила меня в том, что я не привезла его раньше, — как будто бы я могла это сделать! Понимая, что она и сама это прекрасно сознаёт и что её устами говорит материнское горе, я на нее не обижалась, но её слова произвели тяжелое впечатление на Вячеслава, которого он, впрочем, тоже ничем не выдал. Его сейчас же уложили в постель, т. к. после утомительной дороги он нуждался в полном отдыхе.

На следующее утро привезли из города врача. Он долго выслушивал и выстукивал Вячеслава, всесторонне исследовал его легкие, прописал необходимые лекарства, а затем, возвратившись в столовую, — где мы все с замиранием сердца ожидали его диагноза, — сказал, что у больного туберкулез в последней стадии, организм его совершенно истощен и на излечение надежды нет. По мнению доктора, Вячеслав мог еще прожить полтора — два месяца, не больше, если не случится чуда.

Услышав это, все мы были поражены как громом. Мать убежала в сад и там дала волю своим слезам. Мужчины хмуро молчали. Но я решила, несмотря ни на что, до конца бороться за жизнь мужа и спросила доктора — есть ли в Польше хорошие сенатории и где? Он ответил, что одной из лучших считается частная санатория Длусских, возле местечка Закопане, которое находится в Карпатских горах, почти на границе Чехословакии, но добавил, что это зимний курорт и цены там очень высокие. Последнее меня не остановило, а скорее даже обрадовало: из слов доктора я поняла, что это именно то, что нужно Вячеславу и что там ему будет обеспечен прекрасный уход.

Проводив врача, я сказала родителям мужа, что решила сделать все возможное для его спасения и хочу не теряя времени везти его в эту санаторию. Но тут возникло неожиданное осложнение: мать Вячеслава об этом не хотела и слышать.

— Раз доктор прямо сказал, что Вячеслав всё равно скоро умрет, пускай умирает дома, — заявила она. — Никуда везти его я не позволю! Уже и так доездился по чужим краям, хоть последние дни пусть побудет с нами.

— Доктор может и ошибаться, — возразила я, — такие случаи не редки. Я уверена, что Вячеслава еще можно спасти, но для этого ему необходимо санаторное лечение и горный воздух.

— Я против этого, — твердила мать. — А если вы все-таки вздумаете его увезти, не получите на дорогу денег!

— Мне для этого ваших денег и не нужно, — холодно сказала я и прошла в комнату мужа.

Он, оказывается, слышал оттуда весь этот разговор и был страшно взволнован, и в то же время возмущен протестом матери.

— Рано она меня хоронит, — сказал он со слезами на глазах. — Увози меня отсюда как можно скорей в эту санаторию или куда угодно! Я хочу жить и верю, что еще могу выздороветь, но, конечно, не здесь!

Я его успокоила и сказала, что сейчас же пойду в

город, где продам кое-какие золотые вещицы, — только чтобы нам хватило денег доехать до Львова, где, несомненно, можно будет дорого продать каракулевую шубу, после чего мы отправимся прямо в санаторию. Вячеслав был этим очень обрадован и заметно приободрился.

Чтобы избежать новых препирательств со свекровью, после обеда я незаметно вышла из дому и пешком отправилась в город, до которого было около пяти верст. Там я быстро продала в еврейских магазинах несколько золотых безделушек и возвратившись домой объявила, что завтра мы уезжаем. Мать снова начала бушевать, но Вячеслав решительно заявил, что хочет ехать, и силой его удерживать, конечно, не стали.

Наши вещи еще не были распакованы, а потому никаких особых приготовлений к отъезду не потребовалось. Чтобы не конфузить родителей перед соседями, я просила свекра отвезти нас на станцию рано утром. Он был очень опечален отъездом сына, но не протестовал, понимая, что это единственный шанс на его спасение. А мать, в бессильной ярости, просто ушла в это время из дома и с нами даже не попрощалась.

* * *

Доехав благополучно до Львова, мы там остановились в отеле и на следующее утро я отправилась искать покупателя на шубу. Обошла целый ряд меховых магазинов, но увы, — за нее предлагали пустяки, т. к. был май месяц и, на лето глядя, шубами никто не интересовался. Дело осложнялось и тем, что я в то время совершенно не знала польского языка.

Наконец нашелся один русский еврей, которому я смогла объяснить все обстоятельно и он выразил желание посмотреть шубу. Мы с ним пришли в отель, шуба ему понравилась и он согласился купить её, но предложил едва ли не половину нормальной цены. Однако, выбора у меня не было и сделка состоялась. Заплатил он мне польскими злотыми, в которых я тоже слабо разбиралась, но все же, по моим расчетам, полученной суммы нам должно было хватить на полгода жизни.

Во Львове нас больше ничто не удерживало, — на следующий день мы тронулись дальше и утром приехали в городок Закопане, который находился в живописной долине того же имени, на высоте более трех тысяч футов, в Татрах, — так называется этот красивейший и самый высокий участок Карпатских гор. В хорошие времена здесь круглый год бывает множество туристов, т. к. летом это место считается идеальным для людей со слабыми легкими, а зимою тут процветает лыжный спорт.

Оставив вещи на станции, мы взяли извозчика и поехали искать комнату. Это оказалось далеко не легким делом: никто не хотел принимать тяжело больного. На Вячеслава, действительно, страшно было смотреть, от него остались только кожа да кости и он еле держался на ногах. Три часа мы повсюду ездили безрезультатно, пока, наконец, извозчик не узнал из разговора, что мой муж чех. После этого, он отвез нас к какой-то чешке вдове, которая сразу растаяла, когда Вячеслав заговорил с ней на родном языке. Она нас приняла, больного сейчас же уложили в постель, и пока хозяйка готовила нам завтрак, я привезла со станции вещи и мы водворились на новосельи.

Три дня муж отдыхал, наслаждаясь покоем, тишиной и целительным горным воздухом, а на четвертый, одевшись получше, мы с ним поехали в санаторию Длусских, которая находилась еще выше в горах, в семи километрах от городка.

Директором санатории был доктор Соколовский, — пожилой и очень симпатичный человек, отлично говоривший по-русски и, как сразу выяснилось из разговора, — окончивший медицинский факультет в Казани. Он принял нас очень любезно, внимательно освидетельствовал Вячеслава и тяжело вздохнув, промолвил:

— К сожалению, больных туберкулезом в такой стадии наша санатория не принимает.

Я начала умолять его сделать для нас исключение и рассказала всю нашу историю. Вячеслав к этому добавил:

— Доктор, неужели же после всего пережитого в

советском аду, здесь, в свободной Польше мне откажут в санаторном лечении и придется помирать на улице?

Соколовский всем этим был явно растроган. Он минутку подумал и обращаясь ко мне, сказал:

— Я тут не хозяин и сам должен подчиняться существующему регламенту, однако на свой страх и риск вашего мужа приму, но на таких условиях: вы должны поселиться поблизости от санатории и целые дни проводить вместе с ним, — для успешного лечения очень важно, чтобы он не чувствовал одиночества и находился в хорошем настроении. Вам будет дано переносное кресло-койка, чтобы вы могли сидеть или лежать рядом с ним на веранде или в саду, читайте ему что-нибудь вслух и будете лично кормить его с ложки, а для себя можете приносить еду или на короткое время уйти пообедать дома. Чай или кофе, когда захотите, вам будут давать из санаторской кухни. Только вечером, когда больной уснет, вы будете уходить домой, а приходить надо рано утром, по возможности до того, как он проснется. И еще одно непременное условие, — добавил он: — вы не будете осаждать меня вопросами о состоянии его здоровья, пока я сам об этом не скажу.

Я, конечно, полностью согласилась на эти условия и горячо благодарила доктора. Вячеслава сразу же поместили в прекрасной солнечной комнате на втором этаже, откуда открывался великолепный вид на покрытые лесом горы, а я побежала искать поблизости комнату для себя. В этом мне повезло: удалось нанять ее в первом же из нескольких домиков, разбросанных по склону горы, чуть ниже санатории. Сейчас же съездила в Закопане за нашими вещами и когда возвратилась к мужу, он уже спокойно лежал на веранде, с таким радостным выражением лица, какого я у него давно не видала. Рядом с ним лежал на койке юноша лет девятнадцати, — сын директора варшавской оперы, — и они оживленно беседовали.

В дополнение к санаторной еде, я, с разрешения врача, ежедневно приносила Вячеславу сливки, свежие яйца и другие питательные продукты, это очень способствовало восстановлению его сил. Он ел охотно и я с

радостью наблюдала, как мой горячо любимый муж крепнет и поправляется. При встречах с доктором я, как было условлено, не задавала ему никаких вопросов, но недели через две он сам пригласил меня в свой кабинет и сообщил, что за это время Вячеслав прибавил почти десять фунтов веса и это теперь есть надежда на его выздоровление.

При записи мужа в санаторию, я хотела уплатить сразу за несколько месяцев вперед, но оказалось, что платить полагается только за текущую неделю, причем цена неукоснительно повышалась. Как следствие этого, вопреки всем моим расчетам, денег у меня хватило всего на три месяца. Но за это время Вячеслав прибавил около сорока фунтов веса и настолько поправился, что мы с ним ежедневно могли гулять в санаторском саду, а позже и по окрестностям.

Как раз к этому времени доктор Соколовский сообщил, что у него возникли серьезные разногласия с хозяевами санатории, вследствие чего он свою службу покидает и будет заниматься частной практикой тут же, в Закопане. Зная о наших денежных затруднениях, он нам посоветовал тоже уйти из санатории и поселиться в каком-нибудь лесном домике возле города, а за лекарствами и для впрыскиваний приходить к нему, добавив, что будет продолжать лечение мужа совершенно бесплатно. От всего сердца поблагодарив этого благородного человека, мы последовали его совету.

Однако, нам нужны были деньги на жизнь и я сразу же пошла в город, продавать свое золотое ожерелье, с довольно крупным бриллиантом. Местный ювелир мне сказал, что сам он купить этого ожерелья не может, но предложил оставить его на комиссию и дал мне небольшой аванс.

После этого, каждый раз когда мы приезжали к доктору, я заходила в этот магазин, чтобы узнать продано ли мое ожерелье? Ювелир неизменно отвечал, что покупателя пока не нашлось, но что он нисколько не сомневается в возможности продать рано или поздно это ожерелье, и в подтверждение своих слов снова выдавал мне под расписку немного денег. Так тянулось довольно долго и кончилось дело тем, что однажды

ювелир сам явился к нам на квартиру и заявил, что найти покупателя потерял всякую надежду, но, чтобы нас выручить из затруднительного положения, он сам готов купить это ожерелье, если мы согласимся на ту сумму, которую он в состоянии предложить.

Назначенная им цена была настолько мала, что я с негодованием отказалась. Тогда он, прекрасно зная, что у нас совсем нет денег, потребовал, чтобы мы немедленно возвратили ему всё, что получили под расписки, авансом. Положение было безвыходное и пришлось согласиться на продажу. Ювелир доплатил нам небольшую сумму и уехал.

После этого я постепенно и уже более осмотрительно продавала оставшиеся у нас золотые вещи и кое-как мы прожили зиму, а летом переселились в город, так как здоровье Вячеслава полностью восстановилось и он чувствовал себя прекрасно.

---

12. СМЕРТЬ ВЯЧЕСЛАВА

Надо было как-то существовать, а почти все наши ценные вещи были уже проданы. Оставались только золотые часы Вячеслава и моя вторая каракулевая шуба, полученная в наследство от нашей квартирной хозяйки в Черкасах, но эти вещи надо было беречь на крайний случай. К счастью, доктор Соколовский, зная о нашем затруднительном положении, предложил мне работать у него: надо было ходить на дом к его пациентам, ставить им банки и компрессы, делать массажи и подкожные впрыскивания и т. п. Всем этим премудростям он давно научил меня на Вячеславе и потому я охотно приняла его предложение.

Таким образом, я начала работать и летом моего заработка хватало нам на скромную жизнь. Но с наступлением холодов доктор Соколовский на зиму уехал практиковать в Варшаву и мы с мужем снова оказались в критическом положении: денег не было, а жизнь с каждым днем становилась дороже.

Не оставалось ничего иного, как продать мою "резервную" шубу. Но уже наученная горьким опытом прошлого, — когда у меня взяли за бесценок первую шубу и ожерелье, — на этот раз я решила отправиться для этой цели в Чехословакию. Мне было известно, что там много русских беженцев и в частности жен чешских легионеров — бывших военнопленных, которые во время революции возвратились к себе на родину через Сибирь. Приехали они, как известно, далеко не с пустыми руками и даже открыли в Праге собственный, легионерский банк, так что их жены не стеснялись в средствах и могли купить мою шубу за настоящую цену, или же помочь в ее продаже.

Без особого труда у чешского консула в Кракове я получила бесплатную чешскую визу, сроком на три месяца, и через несколько дней была уже в Праге.

Тут мне посчастливилось: услышав на вокзале, что две молодые дамы разговаривают между собой по-русски, я подошла к ним и мы познакомились. Они оказались очень симпатичными сибирячками, женами чешских легионеров, — как раз то что мне нужно! Выслушав мою историю, эти дамы предложили мне остановиться у них, — обе жили не в самой Праге, а в предместном городе Смихове, где легионеры на свои сибирские "заработки" выстроили себе отличные дома и жили по барски.

Несколько раз мои новые знакомые ездили в Прагу, стараясь продать мою шубу, но увы, неудачно. Зимний сезон еще не начался, многие богатые люди не возвратились с курортов и дач, и для того, чтобы получить хорошую цену, надо было подождать еще полтора-два месяца. На такой долгий срок я не могла покинуть Вячеслава одного, а потому решила оставить шубу моим новым приятельницам и возвращаться домой. Как только она будет продана, они обещали прислать мне телеграмму, а пока дали мне тысячу крон взаймы, чтобы мы с мужем могли прожить до того времени.

К счастью на этот раз случилось не так, как было с моим ожерельем: через два с половиной месяца пришла телеграмма, что шуба продана. Я сейчас же выехала в Прагу и там получила еще пять тысяч крон, — это было по крайней мере вдвое больше того, что я могла бы получить за свою шубу в Польше.

По тем временам это была крупная сумма, которая позволила нам прожить вторую зиму спокойно и ни в чем не нуждаясь. Летом я, по совету доктора Соколовского, перевезла мужа в курортное местечко Щавницы, находившееся внизу, в долине, а к зиме мы снова возвратились в Закопане. Тут я устроила Вячеслава в пансион, который содержала одна русская дама, ее муж был инженером путейцем, как и Вячеслав, — вероятно потому она почувствовала к нему симпатию и с большой

скидкой приняла на полный пансион, причем и я получила право бесплатно жить с ним в той же комнате, но питаться должна была на свой счет. Чтобы на всю зиму обеспечить Вячеславу спокойную и сытую жизнь я заплатила хозяйке за шесть месяцев вперед, чем она была очень довольна. Но я после этого снова осталась без денег.

Надо было не теряя времени придумать — как существовать дальше и чем можно заработать деньги. За два минувшие года я уже присмотрелась к здешней обстановке и знала, что в Закопане круглый год можно хорошо зарабатывать на лечащихся и на туристах, но для этого все-таки нужен был какой-то начальный капитал, а у меня его не было. Пораскинув умом и обдумав все возможности, я предложила одной знакомой еврейке, у которой были кое-какие деньги, открыть вместе небольшой пансион. Она согласилась и сразу внесла половину необходимой для начала суммы, а другую половину дала я, заложив золотые часы Вячеслава.

Мы наняла шестикомнатный меблированный дом, быстро приспособили его под пансион, купили необходимый инвентарь и закипела работа. Моя компаньонка Тиля, которая была приблизительно одних лет со мной, взяла на себя всю административную часть, вела счета и денежную отчетность, а я подвизалась по хозяйственной части: делала закупки и готовила на кухне еду, для чего мне была нанята помощница.

Дело пошло прекрасно, так как этой зимой был исключительно удачный зимний сезон: в Закопане состоялось какое-то международное состязание лыжников, благодаря чему сюда съехалось множество спортсменов иностранцев и платили они долларами. У нас в пансионе вскоре набралось пятнадцать человек и в результате за зиму мы заработали в шесть раз больше того, что израсходовали, да при этом еще кормились бесплатно. Я была на седьмом небе от радости и, конечно, сразу же выкупила часы Вячеслава.

Решив продолжать это дело, на лето я уже самостоятельно наняла четырехкомнатный дом, но мебели в нем почти не было и потому я организовала дело по

лагерному принципу, в расчете на небогатую и нетребовательную молодежь.

Идея оказалась удачной. В одной большой комнате у меня поместилось семь девушек, из них трое спали на кроватях, а остальные прямо на полу, на сделанных мною сениках. Шкафов не было и их платья висели на вбитых в стену гвоздях. В другой такой же комнате расположились, тоже на сениках и с той же степенью удобств, восемь молодых мужчин. Третья комната была превращена в общую столовую, в четвертой жили мы с мужем, а на кухне спала кухарка. Всё было до крайности примитивно, но чисто, кормила я хорошо и до отвала, брала очень дешево и все были довольны. За сезон я выручила чистоганом около двухсот долларов, — по тем временам это была для Польши значительная сумма и чтобы деньги не разошлись зря, я сейчас же за сто долларов купила в городе участок земли, под постройку. О собственном доме я в ту пору не могла и мечтать, но знала, что такие городские участки быстро растут в цене и что на этой покупке я никогда не прогадаю.

На зимний сезон мне не удалось нанять помещения под пансион, так как все дешевые дома были уже сданы, а те которые остались свободными были мне не по средствам. Мы наняли только меблированную комнату для себя и зимой я снова работала у доктора Соколовского, который на наше счастье остался практиковать в Закопане.

На следующее лето я еще не имела никаких определенных планов, ибо без денег их трудно было строить и я пока наняла только небольшой домик за городом, для нас самих. Но тут нежданно негаданно мне просто как с неба свалилась в руки крупная сумма: нашелся какой-то богатый чудак иностранец, который во что бы то ни стало пожелал купить в городе мой участок. Вначале я ему сказала, что пока не собираюсь его продавать, но он сразу предложил мне 750 долларов. Я была ошеломлена, — ведь всего год назад я заплатила за эту землю сто долларов! Не веря своим ушам, я ответила покупателю, что он вероятно ошибся местом и спутал

мой участок с каким-то другим. Однако он уверял, что никакой ошибки тут нет и что ему нужен для каких-то целей именно мой участок. На всякий случай мы с ним вместе отправились туда и я убедилась, что он, действительно, не ошибся и хочет купить именно мою землю.

Он очень спешил оформить эту сделку, очевидно боясь, что я передумаю или запрошу больше, а потому мы сразу же пошли к нотариусу, который позже мне признался, что тоже был очень удивлен столь высокой ценой. Тут же был составлен соответствующий акт купли-продажи, мы расписались и покупатель выложил мне наличными 750 долларов!

Вне себя от радости, я сейчас же наняла на два года хорошо оборудованный дом-пансион в двенадцать комнат. Начался сезон и работа у меня пошла отлично, пансион почти все время был полон.

К концу лета доктор Соколовский нам сообщил, что получил письмо от родителей Вячеслава. Они спрашивали о здоровьи сына и о том, как мы сейчас живем. Доктор ответил им подробным письмом и добавил, что Вячеслав выздоровел только благодаря моим заботам.

Вскоре после этого неожиданно приехал отец Вячеслава. Он очень каялся и просил прощения за то, что они так бессердечно с нами поступили. И очевидно, чтобы загладить свою вину, вручил нам тысячу долларов на покупку где-нибудь здесь же, в этой исцелившей Вячеслава местности, хорошего участка земли, на котором мы сможем позже выстроить собственную виллу.

Глядя теперь на прекрасно выглядевшего Вячеслава и помня каким я его увезла из Дубно, отец не верил глазам. Каждый день они ходили вместе гулять и старик, совершенно успокоенный, уехал от нас только через месяц, заручившись обещанием, что некоторое время спустя Вячеслав приедет погостить к ним в Дубно.

Мы посоветовались с доктором Соколовским, — он проив этой поездки не возражал, а потому по окончании зимнего сезона я проводила мужа до Кракова, там посадила в поезд-экспресс на Дубно, а сама возвратилась в Закопане.

Так как между зимним и летним сезоном был трех-

месячный перерыв, в течение которого пансион пустовал, я, чтобы не сидеть сложа руки и что-нибудь заработать, решила на это время открыть курсы по выделке турецких ковров. Я их умела ткать хорошо и это теперь пригодилось. Выписала с фабрики разноцветную шерсть, сама составила узоры и после этого в окнах нескольких магазинов на главной улице выставила объявление об открытии моих курсов. На них записалось тринадцать человек, преимущественно женщин. Я на этом недурно подработала и ученики остались очень довольны, когда под конец обучения овладели этим искусством настолько хорошо, что каждый, как бы в качестве экзаменационной работы, смог выткать себе по красивому коврику.

Муж мне писал часто и на свое здоровье не жаловался, так что я была на этот счет более или менее спокойна, но вдруг пришло письмо от его матери, которая сообщала, что у Вячеслава пошла горлом кровь. Страшно перепуганная, я сейчас же поехала туда и привезла его в Закопане. Но, слава Богу, всё обошлось благополучно и кровотечения больше не повторялись.



Теперешний мой пансион был поставлен очень хорошо и ничем не напоминал первого, где люди спали на полу, а платья свои вешали на вбитые в стену гвозди. Теперь всё было хотя и не очень роскошно, но уютно обставлено, еда и обслуживанье тоже не оставляли желать лучшего, а потому и клиентура у меня была совсем иная. Среди моих постояльцев попадались интересные люди, вплоть до представителей титулованной аристократии.

Так на последний зимний сезон приехала ко мне княгиня Багратион, с восьмилетним сыном и с дочкой, которая была немного старше, а сам князь в это время служил полковником в польской армии. Немного позже приехала их приятельница, княжна Чарторыйская, и тоже поселилась у меня. Обе они были очень симпатичные и общительные, мы быстро с ними сошлись, часто совершали совместные поездки на санях в лес и в горы, ходили в ресторан и Вячеслав, который теперь

чувствовал себя совсем здоровым, даже танцевал с ними.

Княгиня Багратион мне рассказывала, как им удалось бежать с советского Кавказа в Турцию, но в Константинополе прилично устроиться они не могли, — приходилось заниматься неприятной и трудной работой в ресторанах, а потому они были несказанно рады, когда представилась возможность переехать оттуда в Польшу.

В этом сезоне всё у нас шло хорошо и особенно меня радовало здоровье мужа. Но после Рождества у него внезапно случился сердечный припадок. Сейчас же вызванный мною доктор Соколовский сказал, что Вячеслав больше не может ни дня оставаться в горах и должен жить внизу. На следующее утро я повезла его в Дубно, к родителям.

В дороге он чувствовал себя хорошо, во Львове даже попросил принести ему из вокзального ресторана обед, и съел его с аппетитом. По приезде домой, мы его уложили в постель, он был в хорошем настроении и только немного досадовал, что не сможет больше жить в горах. Я его успокоила обещанием, что как только он поправится, мы поедем в теплую и солнечную Италию, так как теперь наши средства это позволяют. Он слушал меня и радовался как ребенок.

Так прошло три дня, а на четвертый утром он позвал меня и попросил сесть возле его постели. Взял меня за руку и некоторое время молча, с нежностью поглаживал ее пальцами. Потом сказал:

— Лелюся, хочу дать тебе один совет: если я умру, не оставайся долго вдовой. В такое тяжелое время женщине трудно жить одной. При первой возможности выходи снова замуж и дай тебе Бог встретить человека, который бы любил и уважал тебя так, как я. Ты была моим ангелом-хранителем и у тебя поистине золотое сердце...

Он запнулся, поднес мою руку к губам, страшно захрипел и начал задыхаться. Я дико вскрикнула и потеряла сознание.

Когда очнулась, в комнате толпились все домочадцы и соседи, — Вячеслав был мертв.

13. НОВОЕ ЗАМУЖЕСТВО

Следующие дни прошли для меня как в тяжлом кошмаре. После похорон мужа я, совершенно раздавленная горем, возвратилась в Закопане. Тут встретила меня княгиня Багратион и взглянув на мое лицо, ни о чем не спросила, — всё было ясно без слов, — она только обняла меня и заплакала.

Мною овладело полное безразличие ко всему окружающему, — не хотелось ни делать что-либо, ни думать, ни жить. Я целые дни лежала у себя в комнате, повернувшись лицом к стене и ничто меня не интересовало. К счастью, пансионом занялись наши милые княгини и довели его до конца сезона. После этого все разъехались, да и мой контракт на аренду помещения окончился.

Прошел еще месяц, я немного оправилась от обрушившегося на меня горя и поняла, что надо продолжать борьбу за существование и прежде всего — пробудить в себе интерес к жизни.

Случай помог мне в этом: у нас в городе открыли ипподром и начали устраивать скачки и конные состязания. Новинка имела успех, многие хотели в этом участвовать, а потому один отставной кавалерийский офицер — поляк, у которого было несколько собственных лошадей, организовал у себя манеж и стал обучать желающих верховой езде. Я записалась к нему одной из первых и вскоре настолько овладела этим искусством, что ежедневно стала совершать в одиночестве длительные верховые поездки в лес и в горы, что в значительной степени способствовало заживлению моей сердечной раны и возвращению к обычной жизни.

За последние два года я заработала на пансионе очень хорошо, кроме того отец Вячеслава дал нам ты-

сячу долларов, так что денег у меня было довольно много. Я снова купила в городе участок земли и начала строить на нем девятикомнатный дом для пансиона, так как работать в наемных помещениях было невыгодно, не говоря уж о том, что не всегда можно было найти подходящий дом.

Так как на текущий сезон я помещения не наняла и была совершенно свободна, один из наших с Вячеславом друзей, некто пан Юзеф Высоцкий, попросил меня помогать в его пансионе, который он вел со своей старушкой матерью. Я согласилась. Их пансион был поставлен на широкую ногу, он находился на главной улице города, недалеко от вокзала, в шикарной резиденции какого-то сенатора. Тут в огромном саду стояло два здания, одно из них нанимал Высоцкий, а другое, в котором было комнат двенадцать, — одна моя знакомая полька с мужем, они тоже держали пансион. Эта полька старалась завязать со мной более близкую дружбу и не раз приглашала меня к себе, но я после смерти мужа избегала светской жизни и от этих приглашений под всяческими предлогами уклонялась. Однако, на Рождество она устроила у себя большой ужин и пригласила, помимо меня, всех наших общих знакомых. На этот раз отказаться было невозможно и я пошла к ней.

После обильного ужина, который прошел оживленно и весело, мужчины перешли в гостинную, кое-кто засел за карты, а нескольких дам, и меня в том числе, хозяйка повела в свою комнату, уютная обстановка которой располагала к задушевным разговорам. Незаметно все ударились в воспоминания, хозяйка тоже рассказала нам кое-что из своего прошлого, затем принесла альбом семейных фотографий и мы усевшись поудобней, принялись его по-очереди рассматривать. Я сидела немного в стороне от других, на низеньком пуфе и когда альбом передавали мне, одна фотография из него вывалилась на пол. Подняв, я увидела что на ней изображен интересный мужчина лет тридцати, с удивительно приятным выражением лица.

— Кто это? — спросила я у хозяйки.

— Это Жорж Тиссаревский, — ответила она, взглянув на карточку. — Старый друг нашей семьи, мы с ним еще детьми были знакомы. Не правда ли, красивый мужчина?

— Да... Но главное, лицо на редкость симпатичное. Он должно быть, очень обаятельный человек.

— Ах, Жорж очарователен, он сразу располагает к себе людей! И знаете что? — оживилась вдруг она. — Он, бедняжка, сейчас служит на сахарном заводе в каком-то захолустьи, на Волыни, там совершенно нет общества и он страшно скучает. Так вот, если он вам так понравился, позвольте мне послать ему ваш адрес и так сказать, письменно вас познакомить. Я уверена, что если вы разрешите, он вам напишет и у вас завяжется переписка, которая будет интересна, а может быть и целительна для обоих. Ведь вы теперь тоже одиноки и кто знает... Так можно послать ему ваш адрес и черкнуть о вас несколько слов?

— Что же, посылайте, — ответила я. — Но по крайней мере скажите и мне что-нибудь о нем, чтобы я знала с кем мне предстоит иметь дело.

— Он из очень хорошей семьи, кадровый офицер, в русской армии был капитаном, потом служил у гетмана Скоропатского, на Украине, уже в чине полковника. Холостой, лет ему, кажется, двадцать девять или тридцать. Характер у него прекрасный, это подлинный рыцарь, до мозга костей... Вот вам всё главное, а остальное сами узнаете из его писем.

Вскоре пришло от Тиссаревского первое письмо, оно было написано интересно и остроумно. Я ответила и у нас завязалась оживленная переписка. Конечно, вскоре мы обменялись и фотографиями. Он очень хотел со мной познакомиться лично, но сам не мог в это время получить отпуска на такую дальнюю поездку и уговаривал встретиться где-нибудь на Волыни.

Весной случай представился: из Чехии приехал домой младший брат Вячеслава, студент горной академии, там предполагалось устроить по этому случаю семейный праздник, и меня пригласили тоже. Я поехала. Тиссаревский работал совсем недалеко от Дубно и я ему

оттуда дала знать, что буду в ближайшее воскресенье на городском концерте, где мы могли бы встретиться.

Когда он вошел в концертный зал, я его узнала сразу, — это был представительный мужчина очень высокого роста, с военной выправкой. Не обмануло меня и первое впечатление, произведенное его фотографией, — он оказался очень симпатичным, то него веяло редким душевным теплом. Однако поговорить интимно нам на этот раз не удалось, со мною на концерте был Яромир, — брат Вячеслава, — и мы вели лишь общий, ничего не значащий разговор. После концерта Тиссаревский сразу уехал, я тоже через несколько дней возвратилась в Закопане. Но переписка между нами продолжалась. Теперь, после встречи, она приняла более задушевный характер, — в ней развивался и созрел наш роман, который кончился тем, что следующей весной мы, списавшись предварительно с протопресвитером Теодоровичем, который жил в Варшаве, приехали к нему и в тот же день он нас обвенчал.

***

По существу, брак этот был совершенно необычен: фактически мы друг друга совсем не знали и первым поцелуем обменялись только после венчания. И я думаю, что бы там в письмах не писалось, привела нас к венцу не столько любовь, как чувство одиночества, которое мы оба испытывали. Сознавая это и не зная как сложится наша семейная жизнь, я считала, что самым важным в наших взаимоотношениях должна быть честность и просила Жоржа только об одном: если он в дальнейшем увидит что во мне или в своем чувстве ошибся, — пусть скажет об этом откровенно и я без всяких драм и упреков возвращу ему свободу.

После венчания мы сразу же поехали в Закопане. Для всех моих знакомых и даже для ближайших друзей этот брак явился полной неожиданностью, так что когда я им представляла Жоржа как моего мужа, многие по-началу не хотели этому верить и думали, что я их разыгрываю. Кое-кому пришлось даже показать на-

ше брачное свидетельство, чтобы уверить их в действительности совершившегося.

Был уже 1927-й год, с этого времени потекла наша семейная жизнь, в которой мы только и начали познавать друг друга. И время, со всё возрастающей очевидностью, стало безжалостно выявлять полное несходство наших характеров, взглядов на жизнь и наклонностей.

Жорж не был плохим или неуживчивым человеком, он был даже добр и благороден. Но у всякого мужчины, дожившего холостяком до тридцатилетнего возраста, образуются прочно укоренившиеся привычки, от которых ему трудно избавиться если даже они губительно отражаются на семейной жизни. А у Жоржа это еще усугублялось тем, что он был прирожденным, типичным военным, со свойственным таким людям мировоззрением. Покинув, в силу обстоятельств, военную службу, он чувствовал себя как бы выбитым из колеи и к цивильной жизни никак не мог приспособиться. Работа в пансионе и необходимость вести дела с клиентами, т. е. чувствовать себя чем-то вроде коммерсанта, его угнетала и портила ему настроение. Кроме того, он оказался невероятно ревнивым и постоянно изводил меня своей безосновательной ревностью.

Сближало нас только то, что он был большим любителем спорта. По окончании летнего сезона, мы с ним часто забирались высоко в Карпаты, бродя по берегам горных озер и ночуя в лесных хижинах или в сторожках. Зимою я тоже при любой возможности старалась освободиться от работы, чтобы вместе с ним побегать на лыжах по заснеженным холмам и долинам. В такие моменты мы бывали почти счастливы и все разногласия забывались, но в повседневной, будничной жизни наше взаимонепонимание все время росло и всё меньше оставалось надежды на то, что мы как-то сживемся. Так прошло несколько лет и наконец мы пришли к заключению, что нам лучше жить порознь.

Имея приличные знакомства и связи, я устроила его на службу в Краков, — заведующим складом запасных частей для городских автобусов, — а сама осталась в Закопане. Зимой, на рождественские каникулы, он приезжал ко мне, а весною и осенью, в перерывах меж-



Супруги Тиссаревские в Карпатах

ду сезонами, я ездила к нему в Краков. Так потянулись годы. Не о такой жизни я мечтала и неоднократно предлагала ему развод, но он об этом не хотел и слышать.

***

Образовавшуюся пустоту я старалась заполнить усиленной работой: вдобавок к пансиону, начала строить и продавать дома. Дело было выгодное, оно приносило хорошие заработки, но ничего не давало для души и сердца. Мною все сильней овладевала тоска по близким людям и я через знакомых начала наводить в СССР справки о своих родных, стараясь разыскать кого-нибудь из них. И в этом мне посчастливилось: я получила письмо от своего брата Александра, из Самары. Он писал, что уже больше месяца лежит в госпитале, после тяжелой операции и что дни его, повидимому, сочтены. Хотел бы перед смертью меня увидеть и умолял приехать, если это для меня возможно.

Это письмо меня потрясло. Деньги у меня были, — я как-раз перед этим выгодно продала большой дом и потому без колебаний решила ехать. Муж против этой поездки не возражал, но только настаивал, чтобы его фамилия не фигурировала в моем заграничном паспорте, так как у большевиков с ним были особые счеты и он опасался, что если я поеду в СССР как его жена, меня могут обратно не выпустить. Всё это я откровенно объяснила в краковском полицейском управлении, показала также письмо, полученное от брата, и мне без всяких затруднений выдали паспорт как вдове, на мою фамилию по первому мужу. С этим паспортом в Варшаве я получила туристическую визу для поездки в Советский Союз, сроком на три месяца.

Вопреки моим опасениям, всё это устроилось довольно легко и просто. Благополучно разрешился и денежный вопрос. Я везла с собой порядочную сумму денег, так как по мере возможности хотела помочь своей родне. Для этой цели я купила в Варшаве 500 долларов, кроме того у меня было при себе 350 золотых рублей и несколько тысяч польских злотых. На границе, при осмотре нашего багажа, советские таможенники спра-

шивали — кто везет с собою валюту и сколько? Многие туристы, видя что советчики верят на слово, свою валюту скрыли или указали меньшие суммы, что советовали сделать и мне. К счастью я этих советов не послушала и не утаила ничего. Мне, не пересчитав моих денег, выдали квитанцию, пояснив, что весь неистраченный в СССР остаток этих денег я имею право беспрепятственно вывезти обратно, но не позже чем через два месяца. И действительно, при выезде у всех туристов строжайшим образом проверяли наличность, и у тех, кто свою валюту при въезде скрыл, она была конфискована.

С пограничной станции я послала брату телеграмму, уведомляя его, что приеду в Самару через две недели. Такая задержка вызывалась тем, что по условию все мы были обязаны первые десять дней провести в Москве, на иждевении "Интуриста", осматривая достопримечательности столицы и ее ближайших окрестностей. За наше содержание в течение этих десяти дней, при выдаче визы заранее взымалось по 650 польских злотых с каждого.

---

14. СНОВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ

По прибытии в красную столицу, нас поместили в отель "Москва". Мне досталась маленькая комнатка с отдельной уборной. Наверху находился ресторан и туда можно было подниматься на лифте. Внизу, при входе, было особое отделение, где туристы могли покупать всевозможные сувениры, — духи, резные ковшики, коробочки, ложки и тому подобные деревянные вещицы, туркменские тюбетейки, изделия самоедов и даже... иконы.

На выбор нам предложили список экскурсий, с указанием времени, которое каждая из них занимает и цены, — за эти экскурсии надо было платить отдельно и притом в долларах. Я записалась на несколько, казавшихся мне наиболее интересными, но прежде всего всех нас повезли, — так сказать в обязательном порядке, — смотреть подпольную типографию, в которой Ленин, еще до революции, печатал свои листовки. Находилась она в подвале какого-то дома, куда мы опустились через люк проделанный в полу верхней комнаты. Кроме примитивного печатного станка, тут ничего не было, но зато гид не поскупился на пространные объяснения, полные диферамбов по адресу Ильича. Затем нас долго возили по улицам столицы, показывая новостройку, — дома-коробки и памятники, подавляющее большинство которых было воздвигнуто в честь всевозможных героев и вождей революции. От всего этого веяло рекламным самовосхвалением и дешевой бесвкусицей.

Возвратившись из этой поездки в отель, я сразу заметила, что в моей камнате был произведен обыск, притом совершенно бесцеремонный: на обоих моих чемоданах замки были сломаны, внутри всё перевернуто и

флакон духов, который я только что купила и не успела даже распечатать, оказался пустым, но все остальные вещи были целы.

Возмущаясь в душе, наружно я делала вид, что ничего не заметила, опасаясь, что в противном случае мне не разрешат поехать к брату. Однако поняв, что за каждым из нас неусыпно следят, я стала вести себя очень осторожно. Письма, которые писала в Польшу, нарочно оставляла на столе незапечатанными и в них умышленно восторгалась всем виденным в Москве.

На следующий день нас возили в Кремль, показывали Оружейную палату, сокровища и регалии русских царей, цар-колокол и цар-пушку, водили и в Успенский собор, где стояли царские гробницы и т. п. Вечером мы смотрели балет, а в оперу я отказалась ехать, так как за билет надо было платить пятьдесят долларов.

В промежутках между этими развлечениями можно было свободно выходить в город. Я бродила по улицам Москвы, всюду видела плохо одетых людей с угрюмыми, печальными лицами или самодовольно надутых партийцев, — казалось, что люди тут разучились радоваться и улыбаться.

Перед отъездом в Самару, я накупила в Торгсине, конечно за доллары, всяких закусок, а у уличного и, разумеется, нелегального менялы, — который, оглядевшись хорошенько по сторонам, предложил мне свои услуги, — разменяла часть долларов на советские рубли, причем он мне заплатил по сто рублей за доллар, тогда как Интурист считал нам доллар за десять рублей, если мне не изменяет память. Конечно, всякие валютные операции между частными лицами были строжайше запрещены, и в случае поимки виновным, кроме конфискации денег, грозили арест и ссылка.

В этой своей поездке мне хотелось как можно лучше ознакомиться с бытом и настроениями простых русских людей, а потому я решила ехать в Самару третьим классом, а не первым, где я очутилась бы в среде советской знати. Кассир, выдававший билет, очень этому удивился и заметил, что в третьем классе мне будет неудобно ехать, но я ответила, что зарабатываю в Польше

очень мало и потому не могу себе позволить ничего лишнего. Билет стоил 135 рублей, но у меня потребовали, чтобы я заплатила не рублями, а долларами.

Когда я поднималась в вагон с двумя тяжелыми чемоданами, которые были набиты вещами и продуктами, купленными в Москве для брата и других членов семьи, какой-то молодой человек, тоже садившийся в этот поезд, любезно предложил мне помочь. Он внес мои вещи в купе, пристроил их на багажную полку и сам сел тут же, напротив меня. Я сразу обратила внимание на то, что поезд был переполнен, люди повсюду стояли в проходах, но наше купе было относительно свободно — в нем все сидели и по какой-то непонятной причине больше никто сюда не совался.

У нас с моим визави вскоре завязался разговор. Он был очень общителен и о себе поведал, что служит в каком-то научном учреждении, а сейчас получил командировку в Сибирь. Расспрашивал и меня о моей жизни в Польше, — на это я осторожно ответила, что несколько лет тому назад овдовела и теперь работаю уборщицей в ресторане. Наконец он вытащил из своего чемоданчика пакет с бисквитами и принялся меня угощать, добавив, что это изделие его жены. Но точно такие же бисквиты я накануне купила в Торгсине для брата, и потому сразу поняла, что ко мне специально приставили этого шпика.

Всю дорогу он меня развлекал разговорами и заметно старался, чтобы я поменьше разговаривала с другими пассажирами, а если я все же обращалась к кому-нибудь из них с вопросом, — он довольно бесцеремонно вмешивался и отвечал за спрошенного. Когда я достала свою снедь и закусывая сама, угощала соседей, они все благодарили и отказывались, видимо хорошо понимая что за птица меня сопровождает. Но когда шпик по каким-нибудь надобностям выходил из купе, положение сразу менялось, — люди охотно принимали мое угощение и отвечали на вопросы.

Позже, пробираясь по запруженному людьми коридору в уборную, я обратила внимание на молодую пару, которая сидела в проходе на своих вещах, заку-

сывая хлебом и огурцами. Я остановилась рядом, как бы для того, чтобы поглядеть в окно, затем завязала с ними разговор и спросила куда они едут? Оказалось, что это муж и жена, только что окончившие агрономический факультет, — они получили назначение в один из далеких сибирских совхозов, производить там какие-то экспериментальные посадки. Если бы в прошлом я сама не отведала "счастливой советской жизни", то глядя на эту плохо одетую пару, сидящую на полу в вагоне третьего класа, — мне трудно было бы поверить, что это действительно инженеры, едущие в научную командировку. От них я, между прочим, узнала, что этот поезд шел через Самару в Сибирь и почти все его пассажиры направлялись туда, на всевозможные работы.

— Ну, а вы не опечалены тем, что получили назначение в такие отдаленные места? — спросила я.

— Почти всех молодых специалистов отправляют сейчас на далекие окраины, — был ответ. — Ну, а нам еще очень повезло: будем работать вместе. А чаще бывает так, что мужа посылают в одно место, а жену в другое, иногда за тысячи верст друг от друга. Так и живут годами врозь...

— Но ведь есть же и совхозы и заводы поближе к Москве?

— Ну, это не для таких, как мы.

Езды до Самары было двое суток и за это время шпик вконец извёл меня своими разговорами и вопросами. Они развивались приблизительно в таком направлении:

— А почему вы, собственно, уехали из Советского Союза в Польшу? Разве здесь вам было плохо?

— Плохо мне не было, но я была замужем за поляком, который после революции уехал к себе на родину и, конечно, взял меня с собой.

— И живя там, вы не тоскуете по родине и по своим людям?

— Конечно, тоскую. Потому и приехала сюда.

— Но вы приехали лишь на короткое время и потом снова возвратитесь туда, в чужую, капиталистическую страну. А между тем, поелику вы овдовели, вас с

Польшей ничто не связывает, и как русская по рождению, вы могли бы легко выехать в Советский Союз на постоянное жительство.

— Это не так просто. Вы забываете, что меня сделали польской гражданкой и у меня иностранный паспорт.

— Чепуха! Если вы пожелаете, всё это можно устроить. И что вас в Польше может удерживать? Ведь вы сами говорите, что работаете там на тяжелой работе и зарабатываете ерунду. Польские паны, конечно, смотрят на вас свысока, — крестьян, рабочих и скромных тружеников они, как известно, за людей не считают, для них это "быдло", тогда как у нас каждому открыты все дороги и безработных тут нет, как в капиталистических странах. В Советском Союзе забота о человеке на первом плане! Вы над этим подумайте.

— Да я и думаю. Может быть так и сделаю, как вы советуете.

— Вот и отлично! Вы в Самаре пробудете два месяца, к тому времени и я как-раз буду возвращаться из командировки. Дайте мне на всякий случай ваш самарский адресок, — на обратном пути я к вам зайду, и если вы еще будете в Самаре, может быть вместе поедем в Москву. Вдвоем веселее будет, ну, а если надумаете тут остаться, я вам помогу это устроить, в Москве у меня есть связи.

***

В Самару мы приехали ночью. При выезде из Москвы я послала брату еще одну телеграмму и теперь, на пустом и плохо освещенном перроне увидела две человеческих фигуры, — женщину и мужчину с забинтованной головой. Они направились прямо ко мне и в мужчине я сразу узнала своего брата Шуру, с которым была его жена. От радости я едва не лишилась чувств,

тем более что никак не предполагала, что брат, после такой тяжелой операции, сможет так скоро выйти из госпиталя и встретить меня на вокзале. У них уже был нанят извозчик, который отвез нас и мои чемоданы к ним на квартиру, находившуюся далеко от вокзала, почти на берегу Волги.

Жилище их было по-советски примитивно, — отвыкнув в Польше от таких условий жизни, я просто ужасалась, глядя на это убожество. У них было двое детей, девочка десяти лет и мальчик семи. Все четверо ютились в одной комнате, на втором этаже, в ней стояла одна большая кровать и две маленьких, кроме этого тут помещался небольшой комод, стол и два стула, а весьма немногочисленные и ветхие их туалеты висели на гвоздях, вбитых в стены. С одной стороны была дверь, ведущая в общую для трех семей столовую, а в конце коридора находилась крохотная кухня, — тоже одна на три семьи. В двух остальных комнатах второго этажа помещались еще две семьи, да три семьи жили в таких же условиях на первом этаже. Все эти шесть семей пользовались двумя сбитыми из досок будками — уборными, стоявшими в глубине двора. В них не было даже сидений, а просто круглые дыры, вырезанные в полу, над выгребными ямами. Излишнее, я думаю, пояснять, каково было ходить туда женщинам и детям, особенно зимой, при ледяном ветре и тридцатиградусных морозах.

В ту же ночь брат рассказал мне историю своей болезни. После трепанации черепа он пролежал в госпитале несколько месяцев, — рана за ухом не заживала и все время гноилась, так как от хронического недоедания организм совершенно утратил способность к самовосстановлению. Как следствие этого, начала сохнуть рука и пальцы уже почти не действовали, — брат впал в апатию, совершенно потерял аппетит и положение его считали безнадежным. Коллегам по техническому училищу, в котором Шура был директором, доктор прямо сказал, чтобы готовились его хоронить, т. к. ему осталось несколько дней жизни.

Как раз в это время пришла моя первая телеграмма и брату сообщили, что я уже переехала границу Советского Союза и буду в Самаре через две недели. Это известие подействовало на него как благотворный шок. Он начал есть, стал умолять доктора чтобы его ежедневно выносили на солнце и усиленно лечили, так как он снова хочет жить и уверен, что выздоровеет. И действительно, через несколько дней рана перестала гноиться, затем он начал вставать с постели и понемногу ходить. Две недели спустя, когда пришла моя вторая телеграмма, доктор, снисходя к его просьбам, уже счел возможным отпустить его, в сопровождении жены на вокзал, чтобы меня встретить, но с условием, что утром он должен возвратиться в госпиталь.

Весь остаток ночи мы, за разговорами, не смыкали глаз, а часам к девяти я отвезла Александра в госпиталь. Тут, когда познакомившись с врачем, я горячо благодарила его за спасение брата, он, радостно пожимая мне руку, ответил:

— Это вы его спасли! В чудеса я никогда не верил, но этот случай, первый в моей пятидесятилетней практике, иначе как чудом не назовешь!

В заключение доктор показал мне как надо делать перевязку головы и согласился отпустить брата домой, с тем что два раза в неделю мы с ним должны будем приезжать на осмотр в госпиталь.

Мой отец тоже жил в Самаре, но отдельно, и приходил к нам каждый день. Он очень постарел, похудел и изменился до неузнаваемости, а главное был совершенно раздавлен морально. В политику он никогда не вмешивался и против советской власти ни словом, ни делом не выступал, а как художник интересовался только своим искусством. Но тем не менее его, неизвестно за что, периодически арестовывали и сажали в тюрьму, освобождая только тогда, когда нужно было для каких-нибудь учреждений или школ написать портреты Ленина, Сталина или иных советских вождей и "отцов наро-

да". В последний раз его выпустили из тюрьмы за несколько дней до моего приезда и вероятно именно в связи с моим посещением Самары.

Из нашей некогда многочисленной семьи был еще в живых мой самый младший брат Валентин, которому сейчас было лет тридцать. Еще в юношеском возрасте его отправили в военное училище и после он служил офицером в Красной армии. Но существовавшие в ней порядки и всё, что он видел кругом, его настолько угнетало, что он начал быстро спиваться и в конце концов его из армии уволили. После этого он поступил заведующим конским поголовьем в какой-то колхоз, недалеко от Самары. Там женился, но неудачно: жена оказалась больной туберкулезом.

Желая его повидать, через несколько дней мы с отцом и братом Александром отправились к нему в колхоз. Ехать нужно было пароходом, но в это время тут стояла страшная засуха, Волга сильно обмелела, по ней ходили только маленькие пароходики, да и те часто садились на мель. Это случилось и с нами, и пришлось много часов ожидать, пока подошел буксир и после долгих усилий стащил наш пароход с мели. После этого он благополучно дошел до нужной нам пристани, мы сошли на берег и тут узнали, что колхоз Валентина находится за шестьдесят верст отсюда. Чтобы добраться до него, нужно было ожидать пока оттуда придет какой-нибудь грузовик за товарами и сможет нас подвезти. Когда это будет — никто не знал. Ждать пришлось целый день. Наконец пришел грузовик, на него погрузили несколько больших бочек с горючим для тракторов и никаких пассажиров шофер брать не хотел, а между тем возможности добраться до колхоза, кроме нас, ожидало еще человек десять. Все их пререкания с шофером оказались безрезультатными. Тогда я отвела его в сторонку, предложила ему за всех заплатить и он моментально стал очень сговорчивым. Мы и все остальные влезли на платформу с бочками и всю дорогу ехали стоя.

Оглядывая местность, по которой мы проезжали, я

была поражена ее унылым, удручающим видом. Стояло полное лето, в прежние времена здесь в эту пору всё было заботливо возделано и насколько глаз хватал колосились необозримые поля золотистой пшеницы и иных хлебных злаков, а теперь вокруг было пусто и лишь кое-где виднелись полосы жиденького овса, да низкорослого, скудного жита. Изредка встречались захиревшие, полузасохшие фруктовые сады, возле которых стояли полуразвалившиеся, заброшенные хаты. Я было спросила у кого-то из наших спутников — что же тут случилось и почему всюду такое запустение, но брат незаметно крепко стиснул мою руку, давая понять, чтобы я молчала. Только тогда я сообразила, что это результаты недавно проведенной здесь насильственной коллективизации и раскулачиванья единоличных хозяйств.

---

15. "СЧАСТЛИВАЯ ЖИЗНЬ"

Было уже почти темно, когда мы приехали в колхоз. Брата дома не застали, была только его жена Вера, которая при виде нас совершенно растерялась и явно была смущена тем, что не может нас подобающим образом принять. Жили они в отдельной хижине, состоявшей из одной комнаты с большой русской печкой, вся обстановка была по-крестьянски примитивна и убога.

Подождав с полчаса, мы с Верой отправились искать Валентина по деревне и нашли его в трактире, совершенно пьяного. Увидев и узнав меня, он от радости и от неожиданности расплакался и начал бормотать нечто нечленораздельное. Мы привели его домой, тут я вылила ему на голову ведро холодной воды и он несколько пришел в себя. Всё это произвело на меня ужасное впечатление.

Не лучше себя чувствовала, повидимому и Вера. Надо было что-то приготовить на ужин, но в доме у них ничего съестного не оказалось. Мы с ней отправились по хатам искать каких-либо продуктов и с трудом обменяли рубаху и головной платок на дюжину яиц, немного творогу и несколько картофелин. Конечно, на нас пятерых этого было так мало, что все легли спать голодными, расположившись прямо на полу, на принесенной снаружи соломе, которую сверху прикрыли каким-то рядном. Едва погасили огонь, на нас набросились клопы и я всю ночь не сомкнула глаз. Вокруг стояла какая-то давящая тишина, не было слышно на улице ни голосов, ни пения, — раньше столь обычного в русских деревнях, — ни даже собачьего лая, очевидно при таком положении собак кормить было нечем.

Дождавшись утра, мы с Валентином отправились в

колхозную мясную, где по карточкам выдавали мясо, в каком-то мизерном количестве. Заведующему я объяснила, что приехала из заграницы, карточки у меня нет, но я хотела бы купить мяса, так как никаких иных продуктов мне достать не удалось.

Он осведомился — сколько и какого мяса я хотела бы купить, и когда я ответила, что хочу купить целую баранью ногу, выпучил на меня глаза и сейчас же куда-то вышел, — позже выяснилось, что он ходил к комиссару спрашивать, — как ему поступить в столь непредвиденном случае? Ожидали мы его довольно долго, но возвратившись он мне всё-таки баранью ногу продал. Я заплатила назначенную им цену и сверх того оставила ему на чай десять рублей, которые он с некоторым смущением принял, предварительно хорошенько оглядевшись по сторонам.

Пока Вера жарила дома баранину, я взяла некоторые вещи для обмена и мы с Валентином пошли по деревне искать хлеба и картофеля. Тщетно обходили мы хату за хатой, — всюду царила ужасная нужда и каких-либо излишков ни у кого не было. Наконец, по совету одной дошлой старухи, мы отправились к молодому колхознику, который, насколько мы поняли, имел какие-то нелегальные доходы и являлся в селе единственным лицом, у которого можно было чем-то разжиться. Действительно, в обмен на предложенные мною вещи, он дал нам большой каравай черного хлеба, несколько фунтов картофеля и немного моркови.

Валентин уверял, что с добытыми нами продуктами можно устроить невиданно роскошный ужин и пошел приглашать на него своих ближайших друзей. Это были доктор, ветеринар и машинист, со своими женами. Когда совсем стемнело, тайком, с большими предосторожностями эти гости пробрались к нам в хату. Выглядели они жалко и были совершенно запуганы. Окно мы предварительно завесили ватным одеялом, керосиновую лампу поставили на пол, чтобы снаружи, через щели, не было видно света, возле стола поставили две скамейки и приступили к трапезе, стараясь говорить потише и не шуметь. Посуды не хватало, так что на двоих была одна тарелка, четверым достались вилки, а остальные ору-

довали ложками или просто руками. Я порезала большими кусками баранину и хлеб, поставила на стол миску с вареными овощами и все принялись уплетать это с жадной поспешностью предельно изголодавшихся людей. Время от времени Валентин выходил из хаты посмотреть — не подслушивает ли кто-нибудь у двери или под окном.

Мы с отцом и братом Александром должны были выезжать обратно в эту же ночь, чтобы поспеть на пароход рано утром идущий на Самару, — для этого у нас уже был нанят грузовик. Как только ушли гости, мы начали собираться, но тут Валентин вдруг заявил, что он с женой решил бежать из колхоза и тоже поедет с нами. Для нас это было совершенно неожидано.

— Ну, а что будет если тебя поймают? — спросила я.

— Если поймают здесь, скажу, что поехал провожать вас на пристань, а дальше будь что будет! Меня это не пугает, по мне лучше тюрьма, чем такая жизнь!

Они наскоро собрали кое-что из своих вещей, остальное бросили и мы тронулись в путь. К счастью, до пристани доехали вполне благополучно, никто за нами не гнался, а тут мы сразу сели на параход, который почти сейчас же отвалил от пристани.



В Самаре мы с братьями часто ходили гулять. Город выглядел ужасно и был запущен до предела. Все улицы в выбоинах, тротуары почти непроходимы, дома с царских времен не ремонтированы и не крашены. Раньше этим занимались хозяева, теперь их не было, а государство благосостоянию города не уделяло ни малейшего внимания. Четыре городских садика, по углам большого собора, служившие когда-то украшением Самары, теперь стояли полузасохшими и грязными, с поломанной оградой. Город стоял высоко над Волгой, его улицы сбегали вниз, раньше отсюда открывался великолепный вид на реку, с поросшими лесом берегами, — теперь не было леса и даже Волги сверху почти не было видно, так она обмелела. Единственное что каким-то

чудом уцелело, это знаменитый Струковский сад на берегу Волги, он за эти годы еще разросся и некоторая запущенность его не портила. Посреди сада был большой ресторан с открытыми верандами, теперь он работал только в праздники, по вечерам. Возле него была красивая беседка-раковина, в которой иногда играл оркестр. Но днем, особенно в будни, этот сад обычно пустовал и было так приятно побродить в тиши по уютным аллеям или посидеть где-нибудь в густой тени на скамеечке, предаваясь воспоминаниям о далеком прошлом, когда наша учащаяся молодежь назначала здесь свидания, устраивала веселые пикники и прогулки, а я, будучи еще гимназисткой, так любила принимать во всем этом самое деятельное участие.

И теперь именно тут, в пустынной аллее, где нас никто не мог подслушать, Валентин рассказал мне историю своей жизни, с того времени как мы с ним расстались. Ему было всего десять лет, когда он вместе с нашим отцом и с братом Борисом бежал вслед за армией адмирала Колчака в Сибирь. Борис, которому было тогда шестнадцать лет, поступил в армию, вскоре был на фронте тяжело ранен и умер на руках у отца. Далее, когда большевики разгромили армию Колчака, в возникшем хаосе Валентин оторвался от отца и сколько ни искал, не смог его найти. В конце концов решил один пробираться назад, в Самару, полагая что там найдет мать и остальных членов семьи. Денег у него, конечно не было и из Сибири он тронулся пешком, на запад.

Голодного, оборванного мальчика по пути пожалела одна крестьянская семья и приютила его. Он прожил там год, но потом решил все таки продолжать свой путь в Самару. Летом шел через бесконечные леса и поля, ночуя иногда в крестьянских избах или на сеновалах, а чаще просто на лоне природы. Крестьяне по дороге его подкармливали и давали в запас кусок хлеба, а когда не было иной возможности утолить голод, он крал в курятниках яйца и выпивал их сырыми.

На зиму он оседал в какой-нибудь деревушке, где народ был подобрее, его жалели, пускали ночевать то в ту, то в другую избу и подкармливали горячей похлебкой, или иным деревенским харчем, которым сами

питались, а сердобольные крестьянки чинили его изорванную одежонку. С этой последней дело у него обстояло хуже всего: он был так мал и худ, что солдатские вещи, которые ему иной раз предлагали встречные красноармейцы, ему не годились, а крестьяне в деревнях сами ходили в лохмотьях и каждая тряпка у них ценилась на вес золота, так как в счастливой стране советов почти не было мануфактуры и до глухих сибирских деревень она не доходила.

С наступлением тепла Валентин пускался в дальнейший путь, шел лесами, питался летом чем Бог пошлет, а осенью ягодами и орехами, часто встречал разных зверей, — первое время их очень боялся и влезал от них на деревья, иногда и спал на них, но потом привык, и звери его не трогали. Таким образом прошел он много тысяч верст и через пять лет добрался до Самары.

Тут он никого из членов семьи не нашел, — все выехали кто куда. Его забрали как беспризорного и определили в какую-то школу, где начали учить грамоте, которую он совсем забыл, а потом и другим общеобразовательным предметам. Валентин оказался очень способным, быстро одолел всю эту премудрость и его перевели в военное училище, откуда он два года спустя вышел офицером, как тогда говорили, младшим командиром. Остальное я уже знала и теперь, взвешивая всё, что пришлось этому несчастному человеку испытать в своей недолгой жизни, я уже понимала почему он стал алкоголиком, и этому не удивлялась.

**
*

История брата Александра была менее трагичной. Еще при Керенском он окончил в Петрограде Владимирское Военное Училище портупей-юнкером, и как отличный стрелок был назначен инструктором пулеметной школы в городе Кишеневе. Там его застала октябрьская революция. Как офицеру, ему пришлось скрываться, к тому же надо было чем-то жить, а потому он поступил рабочим в большую обувную мастерскую. Хозяин еврей его очень полюбил и научил шить изящную дамскую обувь. Александр стал прилично зараба-

тывать, следы своего офицерского прошлого он начисто замёл и большевики его не трогали, считая простым рабочим.

Когда Бессарабия отошла к Румынии, он остался работать в той же мастерской. Там у него все шло хорошо, если не считать того, что в него без памяти влюбилась хозяйская дочка. Александр, однако, ничего кроме простой симпатии к ней не питал и жениться не собирался, но не допускал с нею и каких-либо предосудительных отношений, не желая платить неблагодарностью семье добрых людей, которые его приютили и фактически спасли ему жизнь.

Так продолжалось несколько лет. Александр был духовно совершенно одинок и наконец затосковал по родине и по семье. Он решил пробраться в Самару и вызнав всё что требовалось, однажды ночью тайно ушел из дому, чтобы нелегально перейти советскую границу. Однако дочь хозяина это заметила и накинув пальто побежала за ним. Тщетно он ее уговаривал вернуться домой, она ничего не хотела слышать и заявила, что его не покинет и готова идти с ним на любую опасность, даже на смерть. Делать было нечего, брат сдался. Они благополучно перешли границу, а потом с различными оказиями добрались до Самары.

Однако тут Александра ожидал тяжелый удар: никого из членов нашей семьи в городе не оказалось, где их искать он не имел представления и потому решил остаться в Самаре. Без особого труда поступил на службу, женился на своей спутнице, родилось у них двое детей. Потом в Самаре появился отец, а позже и брат Валентин, к тому времени уже уволенный с военной службы.

***

О других членах нашей семьи рассказал мне отец. С матерью он давно разошелся и теперь она, как врач, служила в каком-то госпитале в Одессе, где вскоре вышла замуж вторично. Услышав это, я не удивилась и не осудила мать: у отца был очень тяжелый

характер, всю жизнь они жили плохо и мама всегда открыто говорила, что терпит это только ради детей, а лишь они станут на ноги, она уйдет.

Из моих старших братьев, Николай умер в Ростове на Дону, от тифа, эпидемия которого в первые годы революции свирепствовала по всей России, унося миллионы жертв. Следующий брат, Евгений, был выдающимся специалистом и потому большевики его не тронули, — такие люди были им нужны. Его назначили в институт научных изысканий по физике и химии, в Москве. Там он проработал три года и, видимо, на почве переутомления у него случилось кровоизлияние в мозг, от которого он умер на руках у отца, как раз в это время приехавшего навестить сына, Похоронили его как "жертву революционного долга", с музыкой и почестями, тело потом сожгли в крематории, а урну с прахом отдали отцу. Последний хранил ее у себя и завещал положить в свой гроб, когда умрет.

Мой "великосветский" кузен Гриша Краснов, делавший до революции такую блестящую карьеру, закончил жизнь трагически: поезд, с которым он уезжал в Сибирь, — вслед за армией адмирала Колчака, — попал в руки большевиков. Гришу арестовали, привезли в Самару и тут, после инсценировки "народного суда", повесили. Членов его семьи революционные вихри разметали кого куда, и отец о них ничего не знал.

***

Отцу и двум оставшимся в живых братьям я оставила по сто золотых рублей каждому и накупила им в Торгсине одежды, обуви и других вещей. Жену Валентина Веру, больную чахоткой, уговорила поехать на хутор, к ее родителям, чтобы там подлечиться и потом возвратиться к мужу. Так как она говорила, что ее родители очень бедны и приезд дочери может стать для них тяжелой обузой, я дала ей денег на покупку коровы, в которой они очень нуждались, но о ее приобретении не могли и мечтать.

Покончив со всем этим и пробыв в Самаре месяц, я решила поехать на Кавказ, заранее списавшись с ма-

терью о встрече в Батуме, куда она сравнительно легко могла приехать.

Для получения пропуска на Кавказ, я должна была возвратиться в Москву, куда мы выехали вместе с Верой, так как ее родители жили в Московской области, в каком-то колхозе. Провожали нас все родные и знакомые, отец и братья плакали, ибо чувствовали, что видят меня в последний раз. Впрочем, Валентин сказал:

— Я то, может быть, скоро тебя увижу, ибо твердо решил бежать заграницу. Ну, а если поймают, будь что будет, терять мне нечего, — такая жизнь хуже смерти!

Перед отъездом я взяла у отца на память несколько его акварельных этюдов, написанных на Кавказе, и одну картину брата Александра, он тоже был талантливым художником и эта его картина получила на выставке первую премию.

По приезде в Москву, я купила Вере железнодорожный билет до места, куда она ехала и дала ей еще немного денег на расходы. Затем получила пропуск на Кавказ и задержалась в Москве еще на пару дней, чтобы навестить кузена Александра (родного брата повешенного большевиками Гриши Краснова), так как узнала от отца, что он служит здесь профессором в электротехническом институте. Однако, дома я его не застала, он был в отъезде. Жившая вместе с ним его младшая сестра Сима рассказала мне о происшедшей в этой семье трагедии: Александр был женат на дочери какого-то священника, жили они счастливо и имели двоих детей. Вскоре после революции приехал к ним племянник Николай, — сын покойного Гриши, — они его приютили и кончилось дело тем, что жена Александра в него влюбилась и с ним бежала, покинув мужа и детей.

Ожидать возвращения своего кузена я не могла, но так как в моем распоряжении оставался еще один свободный день, — воспользовалась предложением Интуриста, — принять участие в экскурсии на крупную и "образцовую" табачную фабрику, там же, в Москве.

Нас была большая группа заграничных туристов и прибыли мы на эту фабрику незадолго до обеда. Очевидно желая показать свой "товар лицом", нас привели

в столовую и предложили обедать вместе с рабочими, для чего нам надо было, как и всем другим, взять тарелки и стать в общую очередь к окошкам, через которые подавали еду. Она была недурна и довольно обильна, но один из рабочих, стоявший возле меня, прошептал:

— Хоть бы почаще приезжали к нам туристы, чтобы мы всегда могли так обедать как сегодня! — Я не успела ничего ему ответить, так как к нам сразу же направился один из гидов, заметивший что рабочий мне что-то сказал.

Еще в те времена, когда я была гимназисткой, на Кавказе служил мой дядя Адриан. Отец часто ездил к нему на отдых и привозил оттуда написанные им этюды величественных горных видов и портреты кавказских горцев в живописных костюмах. Показывая их нам, он с увлечением рассказывал о красоте и своеобразии Кавказа, — с тех пор этот край всегда меня привлекал, но побывать там мне до революции не удалось, — вот почему я воспользовалась возможностью хоть теперь осуществить эту застарелую мечту.

---

16. ВОЕННО-ГРУЗИНСКАЯ ДОРОГА И ТИФЛИС

Доехав поездом до города Орджоникидзе, — как теперь называется Владикавказ, — я нашла тут туристическое предприятие, разумеется государственное, которое организовывало для желающих экскурсии по всему Кавказу. Как раз в это время подбиралась группа экскурсантов, отправлявшаяся двумя автобусами по Военно-грузинской дороге в Тифлис. Там еще было одно свободное место, которым я с радостью воспользовалась.

Выехали мы в полдень и пересекши по мосту бушующую реку Терек, верст пять проехали по сравнительно ровной местности, а потом сразу внедрились в высокие и неописуемо красивые в своем диком величии горы.

Эта изумительная дорога, соединяюшая Владикавказ с Тифлисом, имеет в длину более двухсот верст и почти все время извивается по живописным долинам и ущельям горных рек Терека и Арагвы, а под конец идет по берегу Куры. На всем протяжении этого пути перед восхищенным взором путника громоздятся величавые вершины гор, над которыми возвышается отовсюду видная снежная шапка Казбека, имеющего более пяти верст высоты.

Особенно красив и богат впечатлениями был переезд между станциями Ларс и Казбек, вскоре после выезда из Владикавказа. Здесь дорога идет по самому берегу Терека, через знаменитое Дарьяльское ущелье, среди дикого нагромождения отвесных, уходящих в небо скал. Уже недалеко от выхода из этого ущелья, на левом берегу Терека, венчая вершину голого утеса, виднеются развалины замка грузинской царицы Тамары, с

которым связано множество поэтических легенд. Дальше дорога выходит из теснин, но все же вьется по карнизам крутых гор и у пассажиров захватывает дух, при виде зияющих сбоку пропастей и нависших над дорогой скал.

Потом некоторое время дорога идет по открытой долине Терека, глаз тут охватывает более широкие пространства, и пейзажи не столь дики, но все же с обеих сторон видны крутые склоны гор и голые скалы, на которых тут и там лепятся осетинские аулы. Возле них кое-где видны, на выровненных уступах гор, небольшие возделанные поля, чем-то засеянные.

Тут, в одном месте, спустившись по змеящейся дороге к самому Тереку, мы увидели несколько старых горцев в черкесках, — они о чем-то мирно беседовали, сидя на камнях, а чуть выше, как ласточкины гнезда, лепились на скалах их глиняные сакли. Наш шофер остановил машину, все мы вылезли размять ноги, а горцы угостили нас минеральной водой, очень похожей на знаменитый "боржом", из тут же находившегося источника.

Отсюда дорога, крутыми петлями и зигзагами, стала снова подниматься вверх, по так называемому Байдарскому ущелью, к Крестовому перевалу, находящемуся на высоте почти трех верст над уровнем моря. За перевалом, уже по другую сторону Кавказского хребта, она начинает круто спускаться в долину реки Арагвы. Первый этап этого спуска, так называемая Чертова долина, у нервного и слишком впечатлительного человека может навсегда отбить охоту к подобным путешествиям: с одной стороны дыбятся высочайшие отвесные скалы, а с другой обрывается головокружительная пропасть, по дну которой, на глубине двух тысяч футов, бешено мчится Арагва.

Когда уже совсем стемнело, а мы еще ехали по этим извилистым горным карнизам, шофер, весь обратившись во внимание, остервенело накручивал "баранку" на крутых поворотах, а фары машины освещали у самых колес бездонные пропасти, — многих пассажиров охватил подлинный страх. Было жутко и мне, но вместе с тем эти сильные и незабываемые ощущения заставляли мое

сердце трепетать от восторга и радости. Наконец-то я увидела настоящий Кавказ, который навсегда пленил меня своим таинственным и гордым величием.

Уже стояла ночь когда мы спустились вниз, к какому-то новому ущелью. Тут наша дорога оказалась размытой сбегающим с гор ручьем и загроможденной упавшими камнями. Автобусы остановились, все мы вышли наружу, после чего шоферы, внимательно исследовав путь, с большими трудностями перевели их порожняком через завал, на сухое место. Затем стали пешком переходит туда и мы, пробираясь по скользким камням через лужи. Это было нелегко, так как вокруг царила могильная темнота, и только слабый свет заднего автобуса указывал нам направление. Многие промочили ноги, кое кто из пассажиров ворчал и возмущался, но большинство совершило переправу со смехом и шутками, и мы поехали дальше.

Вскоре после этого мы подъехали к станции Пасанаури и остановились возле освещенной тусклыми фонариками террасы какого-то ресторана. Он был ночью закрыт, но хозяин или заведующий еще не спал, он сказал, что никакой еды у него нет, но позволил нам до утра расположиться на террасе. Тут, усевшись на скамейках, мы закусили бутербродами, фруктами и иной снедью, которую при себе имели, а затем принялись ожидать рассвета. Из ущелья веяло холодом и сыростью, все изрядно продрогли, но утром заведующий сжалился над нами и дал горячего чаю. Согревшись им и повеселев, мы уселись в автобусы и поехали дальше.

От Пасанаури пошел уже более пологий спуск, горы раздались в стороны и стали покрываться лесом, начали встречаться возделанные поля и виноградники. Впрочем, по пути нам пришлось перевалить еще через какой-то хребет, где нас снова обступили горы с изумрудно-зелеными лужайками, на котрые мы, пользуясь случайными остановками, выбегали искать эдельвейсы на память.

Затем, снова спустившись в долину, мы поехали дальше уже широкой дорогой, по зеленому берегу Арагвы, до ее слияния с Курой, уже недалеко от Тифлиса,

возле городка Мцхета, бывшего в древности столицей Грузии. В некотором отдалении от дороги тянулись отвесные склоны гор, в которых на различной высоте виднелось множество пещер, говорят, что там еще не так давно жили люди, спасаясь от вражеских набегов, которыми изобиловала история этой страны.

Где-то здесь же, когда у нас что-то случилось с мотором и автобус на некоторое время остановился, я вышла наружу и совсем близко увидела небольшую старинную церковь. Ее двери были открыты и я вошла внутрь. Тут, по бокам, на особых возвышениях стояло много мраморных гробниц с надписями, — это была родовая усыпальница князей Багратионов. Я коротко помолилась за упокой их душ и невольно вспомнила милую княгиню Багратион, которая жила у меня в пансионе, в Закопане.

Наконец наше незабываемое путешествие окончилось и мы въехали в столицу Грузии Тифлис, стоящий на реке Куре, такой же стремительной и бурной, как Терек.

***

Тут я остановилась в большом отеле, на главной улице города. Мне отвели обширную и довольно комфортабельную комнату на втором этаже, а соседнюю, с широким балконом, занял какой-то турист англичанин, который путешествовал с женой и с изрядным количеством чемоданов. В нижнем этаже находился ресторан.

Стоял сентябрь, на Кавказе это очень жаркий месяц и ночью было довольно душно, но окно открыть я побоялась. И, как показало дальнейшее, не зря: утром меня разбудил галдеж и шум в коридоре и в соседней комнате. Оказалось, что англичане спали с открытыми окнами и ночью воры, забравшиеся через балкон, утащили все их чемоданы. Конечно, об этом сейчас же заявили в милицию и еще в какие-то органы, но пока я была в Тифлисе, воров так и не нашли.

В отельном ресторане кормили отлично и сервировка столов была безукоризненна. Прислуживали лакеи в

черкесках. После завтрака я пошла бродить по городу. Он был оживлен и производил совсем иное впечатление, чем средне-русские города. Прежде всего меня удивило обилие магазинов, они были открыты, бойко торговали, купить в них можно было все что угодно и при этом никто не требовал долларов или иной валюты.

Больше всего тут продавались персидские и турецкие ковры, горские черкески, бурки и папахи, пояски с серебряным набором, кавказское холодное оружие, — кинжалы и шашки отделанные серебром и масса других красивых и характерных для Кавказа вещей. В витринах и застекленных прилавках в изобилии были выставлены серебряные и золотые, с драгоценными камнями брошки, браслеты, ожерелья, перстни, кольца и т. п. Среди них было много явно старинных вещиц, — может быть они прежде принадлежали разорившимся или бежавшим заграницу грузинским богачам и аристократам? Увидеть подобные вещи в открытой продаже в Москве или в каком-нибудь русском городе было бы немыслимо, а тут их продавали и покупали нисколько не таясь и не оглядываясь по сторонам.

Поразили меня и тифлисские базары, — таких изобильных и красочных я нигде еще не видела, даже до революции. Тут громоздились целые горы арбузов, дынь, баклажанов, помидоров и иных овощей и зелени; корзины и ящики яблок, груш, персиков, абрикосов, гранатов и винограда всевозможных сортов покрывали целые площади как бы гигантским ковром, — среди всего этого изобилия едва можно было протиснуться. Бурдюки и бутылки с прекрасными кахетинскими винами, всевозможные кавказские сладости, домашняя птица, баранина и другие сорта мяса продавались в любом количестве кому угодно и без всяких карточек!

Люди тоже не выглядели запуганными, тут часто можно было услышать веселый смех и увидеть на лицах улыбки. Глядя на всё это, просто не верилось, что Грузия является частью Советского Союза, — это был совсем другой мир. Или может быть Сталин особо благоволил к землякам и свою родину не прижимал так, как другие области бывшей Российской Империи?

В одном из магазинов с кавказскими драгоценностями, я увидела двух высоких и худощавых женщин, внешний облик которых меня изрядно удивил: они были в черных, длинных почти до пола платьях и с чадрами на головах, так что лиц нельзя было рассмотреть, — видны были только большие, темные глаза.

Мне захотелось с ними поговорить, для чего я воспользовалась первым пришедшим на ум предлогом: подошла к одной из них и извинившись сказала, что приехала из заграницы, никого здесь не знаю и хотела бы найти кого-либо, кто может показать мне город и его ближайшие окрестности.

Мы познакомились. При рукопожатиях я обратила внимание на их тонкие, изящные руки. Они оказались кабардинками, — я уже знала, что это самая воинственная и красивая народность Кавказа, проникнутая духом и традициями подлинного рыцарства. Кабардинцы покорились России раньше всех других мусульманских племен Кавказа и уже имели значительную примесь русской крови, перероднившись с терскими казаками.

Мои новые знакомые, — которые принесли в этот магазин некоторые свои вещи на продажу, — хорошо говорили по-русски и оказались очень симпатичными, они сейчас же повели меня к себе домой. Их жилище было очень уютно и богато обставлено в чисто восточном духе: на стенах и на полах прекрасные персидские ковры, на полках серебряные кувшины и чары изумительно тонкой работы, всюду широкие, манящие к отдыху и неге диваны-тахты с подушками и низкие, ковровые пуфы для сидения. Сравнивая эту квартиру с тем, как люди жили теперь в русских городах, я просто диву давалась, — видно здесь никого не грабили, не уплотняли и не раскулачивали.

Когда хозяйки сняли свои чадры, я смогла рассмотреть их лучше. Это были красивые женщины, — одна средних лет, а другая совсем молоденькая, мать и дочь. Когда они угощали меня чаем и сладостями, в комнату вошел молодой, стройный и очень красивый кавказец в черкеске.

— Мой сын Алеко, — представила его хозяйка.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что она вдова, дочь ее замужем, но муж уехал в Турцию. Алеко еще не женат и сейчас все они живут в Тифлисе вместе, а прежде жили в Батуме. Узнав, что через несколько дней я еду туда, они сейчас же дали мне адрес живущей там своей родственницы.

Затем Алеко предложил показать мне город и его главные достопримечательности, я разумеется, с радостью приняла это предложение. Он оказался хорошим гидом и попутно рассказал мне много интересного из области истории Грузии и города Тифлиса.

В наших школах, к сожалению, этому уделяли мало внимания и мы, русские, привыкли как-то недооценивать грузин, а между тем Грузия является страной древней и высокой культуры, и первые грузинские государства — Колхида и Иберия — оформились еще за несколько веков до Рождества Христова. Уже в 4 веке грузины приняли христианство, под влиянием проповедей святой Нины, просветительницы Грузии, и после этого попали под культурное влияние Византии. Тогда же зародилась грузинская литература, вскоре давшая много блестящих произведений, и Грузия стала одной из самых просвещенных и передовых стран своего времени.

Но ее история протекала очень бурно: грузинам пришлось бороться против множества завоевателей, — они побывали под властью парфян, римлян, византийцев, хозар, арабов, монголов, тюрков, персов и турок, и обрели спокойствие только в начале прошлого века, добровольно присоединившись к России. А до этого, на протяжении тысячи лет, там царствовала династия Багратионов.

Тифлис стал грузинской столицей в 11 веке, но существовал он еще до РХ и в 4 веке нашей эры был уже значительным городом. Сейчас в нем около миллиона жителей и он раскинулся километров на тридцать по обоим берегам Куры. Город окружен горами и очень живописен и своеобразен. В нем имеется множество интересных памятников седой старины и некоторые из них мы с Алеко осмотрели, например развалины древней

крепости Нарикала, Метехский замок, на обрызистом берегу Куры, построенный в 13 столетии, и знаменитый Сионский собор 5-го века, позже реставрированный. К сожалению, он был закрыт и мы видели его только снаружи. Из более современных зданий Алеко мне показал очень красивый дворец царских наместников Кавказа, стоящий на главной улице, — теперь в нем помещалось какое-то советское учреждение.

Вечером Алеко проводил меня в отель и обещал зайти на следующий день после обеда, чтобы продолжать осмотр города. Всё утро я писала письма родным и знакомым, делясь своими, на этот раз вполне искренними восторгами от всего, что видела на Кавказе.

Завтракая в отельном ресторане, разговорились со служащими. Я им сказала, что мне хорошо знакомо ресторанное дело, так как я в Польше долгое время держала пансион. Они сейчас же принялись горячо уговаривать меня остаться в Тифлисе и работать вместе с ними. Все они были приветливые, веселые и общительные, — глядя на них можно было подумать, что они ничего не слыхали о чрезвычайке и других прелестях боль шевизма, который придавил железным сапогом всю Россию.

В назначенный час пришел за мною Алеко, и мы с ним отправились в город. На этот раз поднялись фуникулером на возвышающуюся над Тифлисом крутую Давыдовскую гору. На одном из ее скалистых уступов, на высоте двух тысяч футов над городом, стоял монастырь того же имени, построенный тут в шестом столетии. С этой горы во все стороны открываются виды такой потрясающей красоты, что, казалось, сидела бы здесь вечно, любуясь ими!

И действительно, мы там просидели, свесив ноги с отвесной скалы, почти до вечера. Алеко был интересным собеседником и время летело незаметно. Рассказывая мне про Кавказ, он обжигал меня своими черными, пламенными глазами, — было видно, что я ему нравлюсь, он и не старался этого скрыть, но держал себя безукоризненно корректно и был рыцарски предупреди-

телен. В таком же духе он продолжал за мной ухаживать и в следующие дни.

Помнится, мы с ним посетили еще тифлисский городской сад Муштаид и очень интересный исторический музей, а однажды вечером он повел меня в типичный грузинский ресторан, где играл оркестр и выступали певцы. Наибольший и притом вполне заслуженный успех имела у публики одна певица, которая скромно вышла на эстраду в закрытом черном платье, на вид ей было лет тридцать, тонкое, одухотворенное лицо ее было красиво и печально.

Она низким, грудным голосом пела какую-то грустную кавказскую мелодию, — Алеко мне переводил слова, — это была песня о девушке, покинутой любимым и о ее переживаниях. Когда певица кончила, разразился ураган аплодисментов, ее настойчиво вызывали на бис, но больше она не вышла. Выступала она под псевдонимом, но все знали, что это грузинская княжна, принадлежавшая к древнейшему и славному роду. Во время революции она потеряла семью и всё что ей принадлежало, и теперь зарабатывала на жизнь этими выступлениями. Но здесь никто ее за это не арестовывал, буржуазным происхождением не корил, а скорее наоборот, — все относились к ней сочувственно.

В доме моих новых друзей я бывала почти каждый день, а однажды они пригласили меня вечером на шашлык. Я была очень удивлена способом, которым его тут готовили: Алеко убрал в гостинной с полу ковер и посреди комнаты поставил что-то вроде подноса, — круглый медный лист, диаметром больше аршина, с приподнятыми краями и на низеньких ножках. На него высыпали кучу раскаленных углей, а сверху пристроили железные прутья "шампуры", с нанизанными на них кусочками баранины, вперемежку с помидорами и луком. Алеко время от времени поворачивал шампуры, чтобы мясо румянилось равномерно. Тут же в горячей золе пеклись синие баклажаны.

Когда всё было готово, вынесли поднос с жаром, снова постелили на пол ковер и все расселись, — кто

на тахту, а кто прямо на ковер, раздали тарелки и Алеко распределил всем еду. Было замечательно вкусно, уютно и оригинально.

Несколько раз я ходила в турецкую баню, которая мне очень понравилась. Здание (отдельное для мужчин и для женщин) выдержано в строго восточном стиле, — вход через арку выложенную плитками мозаики преимущественно голубых тонов. Коридор, — стены и пол, — тоже мозаика. В бане отдельные номера, каждый разделен аркой на две половины: в первой раздевальня с двумя кафельными лежанками вдоль стен, во втором отделении ванна, с особым сидением сбоку, тут же окно с цветным витражем. Всё удивительно чисто, красиво и стильно.

---

17. ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КАВКАЗЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ

В Тифлисе я могла пробыть всего десять дней и они пролетели быстро, — гораздо быстрее, чем мне бы хотелось... Мы с Алеко ежедневно бродили по городу, гуляли в городском саду, иногда совершали короткие поездки по окрестностям, вечерами сидели где-нибудь на обрывистом берегу Куры. Алеко становился все более грустным и уговаривал меня остаться в Тифлисе подольше, он был явно влюблен, да и я с каждым днем чувствовала к нему всё большее влечение, но собою располагать не могла, так как по рукам и по ногам была связана сроками своей поездки: в определенный день надо было уезжать в Батум, чтобы там встретиться с матерью, которой я, по приезде в Тифлис, сразу послала телеграфом деньги на дорогу и адрес батумской родственницы моих друзей, у которой она должна была остановиться.

В семье Алеко все ко мне привыкли и искренне меня полюбили, также как и я их. Считая что я вдова и ничем не связана (приехав по вдовьему паспорту, из осторожности я в этом никого не разубеждала), они до последнего дня надеялись, что я еще передумаю и останусь в Тифлисе или отложу свой отъезд на неопределенное время, не учитывая того, что советские порядки исключали такую возможность. Как ни грустно, а надо было уезжать. Они проводили меня на вокзал и мы с болью в сердцах расстались.

Прибыв в Батум, я остановилась в отеле, недалеко от вокзала и сейчас же пошла узнать — приехала ли мама. Когда нашла нужный мне дом и позвонила, двери мне отворила она и мы, расплакавшись обе от радости кинулись друг к другу в объятия, ведь мы с нею не виделись шестнадцать лет.

Ее хозяйка, пожилая, очень милая кабардинка и, как все ее соплеменники, правоверная мусульманка, — почувствовала к моей матери особенное расположение, когда узнала, что ее отец тоже был магометанином. Я сейчас же перебралась из отеля к ним и в следующие дни мы с мамой не расставались ни на минуту. Обычно с утра нанимали коляску и отправлялись в долгие поездки.

Батум на редкость красивый город и щедрая природа не поскупилась для него на свои дары: море, горы и пышная тропическая растительность создают ему изумительно живописную оправу. Мы с наслаждением ездили по набережной, обсаженной стройными и высокими пальмами, подолгу сидели на великолепном песчаном пляже, гуляли по парку с красивыми фонтанами, не раз посетили и замечательный ботанический сад, в котором собраны растения чуть ли не всех климатических областей земного шара.

Во время этих прогулок мама мне рассказала историю последнего периода своей жизни. После революции, когда отец с братьями уехал в Сибирь, она осталась с бабушкой, которая тогда жила в Самаре. Потом бабушка затосковала по своей Богдановке и уехала туда, а маме, которая была по образованию врачем, вскоре представилась возможность поступить на службу в одесскую больницу. Однажды, едучи пароходом в Сочи, она познакомилась с капитаном этого парохода, у них завязалась дружба, он часто посещал ее, приезжая в Одессу и дело кончилось тем, что они полюбили друг друга и сбвенчались. Я ее, конечно, за это не осудила, ибо знала, что за отца она вышла без любви, — только повинуясь воле своих родителей, — а тяжелый характер мужа довершил остальное. И ради нас, детей, несчастливо прожив долгие годы, мать была в праве хотя бы к концу жизни взять от судьбы свою долю счастья. С мужем они жили хорошо и я искренне радовалась, видя ее жизнерадостной и бодрой.

***

Прошло несколько дней. Мы были дома, когда снаружи раздался звонок, — я открыла дверь и на пороге увидела Алеко. От неожиданности вскрикнула, в переднюю вышла обеспокоенная мама и я их познакомила. Появилась и хозяйка, она была родственницей Алеко и страшно обрадовалась его приезду.

Оказывается, он приехал за мной. Послезавтра у них по какому-то случаю устраивается большое семейное празднество, и его мать и сестра хотят, чтобы я во что бы то ни стало провела этот день с ними. Разумеется, не в меньшей мере хотел этого и сам Алеко. Я поблагодарила за приглашение и сказала, что не могу его принять, но тут вмешалась в дело мама и принялась меня уговаривать, чтобы я ехала, так как она и сама должна как можно скорее возвратиться домой, ибо оставила мужа совсем больным и очень о нем беспокоится. Мы с ней условились, что из Тифлиса я поеду прямо к ней, в Одессу и проведу там последние дни, которые останутся до истечения срока моей визы. О дне приезда я обещала известить ее телеграммой.

После этого мы отправились в магазины и на базар, я накупила маме всяких вещей и продуктов, снабдила ее деньгами, посадила в тот же день на пароход, а мы с Алеко первым же поездом выехали в Тифлис.

Рано утром приехали в Боржом, находящийся приблизительно на полдороге до Тифлиса. Алеко узнал, что следующий поезд на Тифлис идет вечером, время нам позволяло и мы решили провести день в этом чудесном месте.

Боржом — небольшой, но сказочно красивый курортный городок, расположенный в горной долине, на берегу реки Куры, и окруженный великолепными хвойными лесами. Вокруг него всевозможные минеральные источники, их целебная сила, здоровый воздух и исключительная красота местности в сезонное время привлекают сюда множество народа.

Трудно описать всю незабываемую прелесть часов, которые мы здесь провели. Это был искрящийся ослепительной радостью праздник жизни, молодости, любви и забвенья, среди благоухающих цветов, на лоне ла-

сковой и прекрасной природы. Хотелось, чтобы время остановилось и сказка продолжалась вечно... Но увы, наступил вечер, надо было возвращаться к обыденной действительности и ехать дальше.

В Тифлисе мать и сестра Алеко встретили меня сердечно и радостно, тем более что они не были уверены в том, что я смогу и захочу приехать.

— Я бы и возвратился ни с чем, — пояснил им Алеко, — если бы не помогла Лолина мама.

Надо пояснить, что все они называли меня моим уменьшительным именем, но произносили его по-своему: Лола, вместо Лёля.

На следующий день у них было празднество и к ужину пригласили много гостей. Я упросила мать Алеко, чтобы она мне позволила тоже купить кое-что для этого праздника и когда она, наконец, согласилась, мы с Алеко отправились на базар, купили дюжину цыплят, которые тут считались особым деликатессом, и столько всяких иных продуктов, что едва смогли их унести.

Ужин готовили сообща, пришли и еще две помощницы. Он вышел очень обильным и включал несколько грузинских национальных блюд, одно вкуснее другого. Не было недостатка и в превосходном кахетинском вине "напереули", — вообще праздник удался на славу и веселье затянулось до самого рассвета. Пели хором "мрàвол джàмие", "Алла верды" и другие кавказские застольные песни, а под конец все начали упрашивать Алеко спеть что-нибудь соло, но он смущался и отнекивался. Для меня было новостью, что он поёт и я присоединилась к общим просьбам. Тогда он, глядя на меня, запел какую-то грустную и мелодичную кавказскую песню. У него оказался чудесный "бархатный" голос, который завораживал и проникал в самую душу. Слов я не понимала, но сестра Алеко мне шепотом пояснила:

— Он поёт про несчастную любовь и видимо с песней совпадают его собственные переживания. Я никогда еще не слышала, чтобы он пел с таким чувством!

Когда гости разошлись, мне приготовили постель в спальне матери Алеко и мы с нею еще долго разговаривали перед сном. Это была удивительно милая и де-

ликатная женщина. Она говорила мне, как они все меня полюбили и снова уговаривала остаться здесь, с ними.

— Ведь вы вдова и детей у вас нет, — убеждала она, — так что же вас там, в чужой стране удерживает? А здесь, я уверена, вы могли бы устроить свою личную жизнь счастливо, и нам была бы такая радость!

Я, как могла, старалась ее уверить, что условия моей поездки обязывают меня теперь возвратиться в Польшу, но добавила, что в будущем не исключаю возможности переселения в Тифлис, т. к. мое сердце остаётся с ними.

Как раз в это время в Тифлис прибыл очень известный цыганский артистический ансамбль. Выступал он в городском парке, на открытой сцене. Мы, все вместе, отправились на очередной концерт и получили редкое удовольствие. Столько красоты, грации и огня было в их характерных танцах и в их движениях, столько чувства в хватающих за душу песнях, столько выразительности в звуках скрипки и в серебряном звоне бубнов, что вся публика была буквально очарована. Эта цыганская труппа превосходила даже тех "старых" цыган, которых я слышала еще до революции в ночных кабарэ Петербурга.

Пробыв в Тифлисе еще несколько дней, я с болью в сердце навсегда простилась с моими друзьями, на всю жизнь сохранив светлые воспоминания и о них, и о проведенных с ними беззаботных и счастливых днях. Приехав в Батум, узнала, что в тот же день отходит на Одессу большой пассажирский пароход "Украина" и успела взять на него билет, хотя и не без труда: пароход был переполнен и мне дали на нем место только потому, что я заграничная туристка и срок моей визы истекал через четыре дня.

Едва я устроилась в четырехместной каюте, где мне отвели верхнюю койку, и пароход вышел в море, как где-то рядом раздались звуки аккордеона. Надо сказать, что этот инструмент я называла гармошкой и терпеть его не могла, т. к. после революции пьяная солдатня везде и всюду "наяривала" на нем частушки, "яблочко" и тому подобные произведения, от которых буквально

вяли уши. Но тут я услышала прекрасную классическую музыку и к тому же в превосходном исполнении.

Я и многие другие пассажиры направились на звуки этой музыки и через открытую дверь каюты увидели полную, красивую женщину, которая сидя на койке играла на большом, инкрустированном перламутром аккордеоне. Оказалось, что она профессор консерватории, которую и сама окончила по классу аккордеона, и сейчас возвращается в Москву после концертного турнэ по городам Кавказа.

Когда стемнело, послышалась музыка из зала и публика потянулась туда. Там хороший джазовый оркестр играл для танцев. Пока музыканты исполняли вальс, фокстрот и некоторые другие старые танцы, танцующих было довольно много, но когда оркестр заиграл танго, не вышла ни одна пара.

Я стояла в сторонке, наблюдая происходящее. На мне было длинное голубое платье, по последней европейской моде, которое прекрасно облегало мою тонкую и гибкую тогда фигуру, — это выделяло меня среди остальной публики и вероятно потому ко мне подошел высокий и стройный брюнет, в морской форме, и пригласил меня танцевать. После некоторого колебания, я согласилась и о том не пожалела: мой партнер, оказавшийся испанцем по рождению, был превосходным танцором. Он по всем правилам аргентинской классики легко и ловко водил меня по залу, с такой страстью и темпераментом исполняя фигуры этого волнующего танца, что я тоже почувствовала себя совсем невесомой, легко и податливо повинуясь всем его движениям, которые я интуитивно предугадывала. Очевидно мы были красивой парой и танцевали действительно хорошо, потому что когда кончили, зал долго гремел аплодисментами. После танца мой партнер проводил меня на место и сразу исчез, за всю дорогу больше я его не видела. Подозреваю, что его нарочно ”подставил“ мне капитан парохода, желая развлечь публику этим эфектным номером.

Вообще тут, на этом пароходе, я хорошо заметила, что у большевиков тоже существует свое высшее общество, то-есть привилегированый класс, члены ко-

торого имеют возможность жить в свое удовольствие, посещать дорогие рестораны, ездить с удобствами когда и куда хотят, не стесняться в расходах и одеваться, хотя и без особого вкуса, в дорогие заграничные костюмы и платья.

***

В Одессу мы прибыли рано утром, на пристани меня встретили мама с мужем. Они жили далеко от порта, на какой-то невзрачной улице и вся их квартира состояла из одной комнаты, а кухня была общая для всех жильцов, в конце коридора, — положение обычное для всех городов советской России. Никаких признаков свободной торговли тоже не было и без продуктовых карточек ничего нельзя было купить, — как все это было не похоже на то, что я видела в Грузии!

Весь день мама ездила со мною по городу, показывая мне наиболее красивые и достопримечательные места прекрасной Одессы. Мне очень хотелось увидеть здешний знаменитый оперный театр, но пойти на представление у меня не было времени. Все же вечером, когда театр уже был полон публики, я явилась туда, сказала билетеру, что я иностранная туристка и через три часа уезжаю, но хотела бы только на несколько минут войти внутрь, чтобы увидеть театральный зал. Он меня пропустил, я вошла и открыла дверь первой попавшейся ложи. Там сидел одинокий мужчина, который при моем появлении встал, — я извинившись объяснила ему в чем дело, он улыбнулся и предложил мне стул. Огни уже были потушены, играл оркестр, но занавес еще не был поднят и его освещали прожектором, очевидно для того, чтобы публика им могла полюбоваться, ибо он представлял собой подлинное произведение искусства. Я окинула глазами зал, — он был меньше зала Мариинской оперы в Петербурге, но по красоте ему нисколько не уступал. Занавес поднялся, я поблагодарила "хозяина" ложи и вышла.

Дольше оставаться в Одессе я не могла, т. к. срок

моей визы истекал и у меня оставалось времени в обрез, чтобы доехать до границы.

Поезд отходил ночью, мама с мужем проводили меня на вокзал. Прощаясь, бодрились и взаимно старались не обнаружить друг перед другом той тяжести, которая лежала на сердце, ибо и я и мама понимали, что видимся в последний раз... Разлучаться мне тут пришлось со многими близкими и дорогими людьми, и каждая такая разлука была тяжелой и печальной, но все же я была счастлива и всеми этими встречами и тем, что тут пережила.

На пограничной станции формальности заняли не много времени и прошли вполне благополучно, т. к. у меня не осталось почти никаких вещей, а денег в обрез, только чтобы хватило доехать домой. Все остальное было роздано в Советском Союзе и я была счастлива, что могла чем-то помочь родным и другим бедным и нуждающимся людям.

---

18. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА

По возвращении из Советского Союза, я некоторое время пробыла с мужем в Кракове, а потом поехала к себе в Закопане. Тут моя жизнь быстро вошла в привычную колею и я нашла себе применение: так как в городе всем было известно, что у меня богатая практика в пансионном деле, меня пригласили на должность администратора самого крупного тут отеля "Стамара", насчитывавшего сто комнат. Там я прослужила два года.

После этого, одно лето прожила с мужем в Кракове и тут, чтобы не сидеть без дела и что-то заработать, поступила служащей на большую мыльную фабрику, принадлежавшую некому Смеховскому. По должности я была заведующей рекламным отделом и вместе с тем агентом по сбору заказов. У меня в подчинении было шесть барышень, только что окончивших гимназию, с ними я объезжала города и сёла, для рекламы раздавая куски мыла по домам и собирая заказы в магазинах. Дело шло так успешно, что фабрика едва успевала выполнять заказы. Смеховский был моей работой чрезвычайно доволен и хорошо мне платил, а позже, в трудные времена, оказал мне большую услугу, о которой речь будет дальше.

Однако, в Кракове я долго оставаться не собиралась, тем более что в Закопане, — которое для меня стало почти родным, — мне снова представилась работа в знакомой и привычной области. Мой старый знакомый Юзек Высоцкий, — который был очень дружен с покойным Вячеславом, а ко мне относился с неизменным уважением и сочувствием, — построил в Закопане собственный дом, в тридцать шесть комнат и открыл в нем фешенебельный пансион. Меня он пригласил заведывать в этом пансионе хозяйственной частью.

Это заведение представляло собой роскошную виллу, в нижнем этаже которой помещался большой зал — гостинная, богато и уютно обставленная, пол застлан персидскими коврами, мягкая, удобная мебель, на потолке хрустальные люстры, тут же стоял отличный рояль. Рядом была обширная столовая, где под пышными листьями пальм и других тропических растений, стоявших в кадках и вазонах, были расставлены круглые столики и стулья. По вечерам, после ужина, эту мебель убирали и публика там танцевала. Сам хозяин пан Юзек обладал не очень сильным, но приятным баритоном и нередко развлекал своих гостей пением романсов. Дела у него шли хорошо и я прослужила там около трех лет, до начала 1939 года, когда немцы оккупировали Чехословакию, стали претендовать на Данциг и в Польше все заговорили о приближении войны.

На всякий случай, — чтобы иметь свое прибежище, а также спасти деньги от возможного обесценения, — я купила в Закопане небольшой дом, нижний этаж пока сдала, а верхний оставила для себя. И как раз в это время получила извещение, что муж заболел и сейчас же выехала к нему, в Краков.

У Жоржа был аппендицит, он лежал в больнице, где ему только что сделали операцию, которая прошла вполне удачно и доктор сказал, что через три дня он может ехать домой. Но уже на следующий день на всех перекрестках газетчики кричали, что немцы напали на Польшу и началась война.

На Жоржа это подействовало совершенно неожиданным для меня образом: в нем внезапно проснулась воинственная украинская кровь, он рвался на фронт, сразу же вскочил с постели и у него полопались швы. Из-за этого ему пришлось пролежать еще неделю.

Вся Польша между тем обратилась в нечто напоминающее растревоженный улей. Никто толком не знал, что творится на фронте и в других местах, ходили самые разноречивые слухи, всюду царил хаос и жизнь шла на пределах нервного напряжения. Деньги катастрофически теряли свою ценность, все кто их имел бросились покупать золото и драгоценности, на толкучках

и базарах люди меняли вещи на съестные продукты, стараясь набрать их как можно больше, а потом старательно прятали эти запасы и все ценные вещи.

Выйдя из больницы, Жорж только и думал о том, как попасть на войну, но в такой неразберихе трудно было ориентироваться, к тому же события развивались с головокружительной быстротой. Немцы наступали с небывалой стремительностью, после двух-трех воздушных бомбардировок вошли они и в Краков.

Жизнь сразу приняла какие-то неправдоподобные, кошмарные формы. Всё было закрыто, люди затаились и боялись выходить на улицу. Начались обыски, облавы и расстрелы; за вокзалом, на столбах вдоль железной дороги, долго висел ряд повешенных, очевидно их там оставили нарочно, для устрашения других. В предместьи огородили колючей проволокой несколько кварталов и сгоняли туда евреев, их крики и плачь раздирали душу... Проходили дни и недели, но жизнь не улучшалась, а наоборот, становилась страшней и безнадежней.

Когда гитлеровская армия прошла дальше, на восток, и в городе остались только гестаповские, эс-эсовские и тому подобные отряды, предназначенные для освоения занятых областей и террора над населением, — немцы пустили в ход нужные им фабрики и предприятия, и тем кто на них работал, а также семьям работающих, выдали продуктовые карточки. Остальные перебивались как могли, — опять оживилась толкучка и появился "черный рынок".

Прошло еще несколько месяцев и немцы вступили в войну с Советским Союзом. Они быстро продвигались вперед, в начале зимы подошли к самой Москве и все думали, что большевикам скоро будет конец. Под немцами тоже было не сладко, но все же русские и украинские беженцы оживились и стали надеяться, что скоро смогут возвратиться домой, в родные герода и сёла, где у многих оставались семьи. Но вдруг все с удивлением узнали, что у немцев начались на фронте крупные неудачи и что Америка стала деятельно помо-

гать Советам оружием, боеприпасами, провиантом и деньгами. К тому же безрассудная политика гитлеровцев и их бессмысленные зверства в завоеванных областях, восстановили против них всё население России и заставили Красную армию воевать на совесть. Всюду, в тылу у немцев, появились партизаны, "победители" вели с ними жестокую, но безуспешную борьбу и вымещали свои неудачи и потери на ни в чем неповинном мирном населении.

Эмигранты, беженцы и люди сорванные военным вихрем с насиженных мест, жили в постоянном страхе и не могли понять, что творится. Они не знали куда теперь бежать и что делать, т. к. их преследовали и сажали в концлагери и немцы и большевики, — их положение стало почти таким же трагическим, как и евреев.

Многие, особенно украинцы, чтобы спастись, записывались как "фольксдейч"-и, или шли в украинские воинские части, которые немцы начали формировать, главным образом для действий против партизан. Командовал этим отрядом генерал Павленко, хорошо знавший Жоржа, который был когда-то украинским полковником. И вот, однажды приехала из Винницы жена этого генерала с письмом, в котором он просил моего мужа явиться туда и возглавить эти отряды, т. к. сам генерал получил другое назначение.

Жорж, казалось, только этого и ожидал, — он сейчас же собрался и уехал на фронт. Это было уже в 1942 году.

Оставшись одна, я поступила в издательство газеты "Украиньски Висти" и прослужила там несколько месяцев. Потом переключилась на помощь новым украинским беженцам, — организовала для них медицинскую помощь, собирала одежду, пищевые продукты и т. п. Однако всё это почти не давало средств к существованию и чтобы иметь заработок, я научилась домашним способом приготовлять конфеты. Все фабрики, их производившие, были в то время закрыты и потому я имела хороший сбыт во всевозможных лавках.

Правда, для этого производства нелегко было доставать сахар, но эти затруднения я все же преодолева-

ла. Помню, однажды приехал из Луцка знакомый украинец Илько, имевший там бакалейный магазин. Зная, что я в хороших отношениях с фабрикантом Смеховским, он просил меня достать ему сколько можно мыла, в котором тогда ощущался острый недостаток, и обещал мне за это мешок сахара. Я знала, что фабрика Смеховского не работает и немцы почему-то не позволяли ему продавать имеющихся запасов мыла, но все же решила попытать счастья. Смеховский, конечно, сильно рисковал, но все же не отказал в моей просьбе, т. к. я в свое время добыла ему много выгодных заказчиков. По его указанию, Илько поздно вечером въехал через задние ворота на фабричный двор, где его уже ожидал сам Смеховский. Убедившись, что вокруг никого нет, они вдвоем нагрузили целый грузовик мыла, а я получила за это мешок сахара.

Однажды я увидела во сне будто муж идет по заснеженному полю, а на снегу тут и там растут лилии. Я ему кричала, чтобы он не наступал на них, и от своего же крика проснулась. Этот сон почему-то меня очень взволновал и я на следующий день написала о нем Жоржу. Вскоре пришел от него ответ. Он писал, что в ту именно ночь, когда я видела этот сон, его часть продвигалась вперед, по заминированному большевиками полю. Шли очень осторожно и когда Жорж вылез из саней, в которых ехал и направился к одному из солдат, чтобы дать ему какое-то распоряжение, ему стало казаться, что кто-то тянет его назад за полы полушубка. Он остановился, а солдат сделал еще шаг или два вперед и под ним взорвалась мина, оторвав ему ногу.

Прошло еще некоторое время и я получила от мужа второе письмо, из Киева, — оказывается он там лежал в немецком военном госпитале, после полученного на фронте тяжелого ранения. Жорж написал как это произошло: когда они заняли позицию на опушке какого-то леса, по ним начали стрелять сидевшие на деревьях партизанские снайперы. Вскоре ими был убит один из украинских пулеметчиков. Жорж, находившийся поблизости, подбежал к замолкшему пулемету, и став на место убитого, продолжал стрельбу. Но не про-

шло и двух минут, как снайперская пуля раздробила ему бедро. Солдаты вынесли его из-под огня, посадили в сани и отправили в тыл, на перевязочный пункт, откуда аэропланом его доставили в Киев. Он писал, что доктора надеются спасти ему ногу.

Получив это письмо, я сейчас же достала в штабе соответствующее разрешение и военным поездом выехала в Киев. По приезде туда, остановилась в большом семиэтажном доме на Ботанической улице, у одной знакомой украинки, которая сейчас же проводила меня в военный госпиталь. Тут, в сопровождении дежурного врача, проходя по коридору, через стеклянную дверь одной из палат увидела мужа, который лежал в неестественной позе, с ногой высоко подвешенной при помощи какого-то особого приспособления. Узнав меня, он был поражен, — ему казалось невероятным, что из такого далека и в такое время, я смогла доехать до Киева так скоро.

Я просидела с ним до вечера. Палата была большая, в ней кроме мужа находилось еще три раненых офицера; медицинский персонал был на высоте и уход за ним был отличный. Доктора не делали мужу операции и надеялись, что она не понадобится, т. к. ранение было сквозное и пуля не осталась в теле, но рана первое время гноилась и нога начала чернеть, — при помощи сильно действующих уколов ее едва удалось спасти от гангрены, после чего Жоржу предстояло лежать с подвешенной ногой, пока не срастется кость.

Вечером одна из сестер милосердия проводила меня домой, т. к. города я не знала. Не успела я лечь в постель, как раздалась тревога и сейчас же налетели советские бомбардировщики. Сначали они осветили ракетами весь город, а потом вокруг нашего дома начали рваться бомбы. Я спросила хозяйку — почему их бросают именно сюда, — оказалось, что поблизости находятся немецкие казармы.

Пока небо было освещено ракетами и трассирующими пулями, зрелище было удивительно красивым и походило на грандиозный фейерверк. Но когда повсю-

ду стали рваться бомбы громадной силы, начался кромешный ад. Все обитатели дома бросились туда, где было безопаснее, в подвалы и в нижний этаж. Схватив со стола кусок хлеба, побежала и я, — не знаю почему, во время бомбежек мне всегда хочется есть, доктора говорят, что это нервное.

В нашем районе советские летчики бомбили только казармы, которые совершенно разрушили, но случайная бомба попала и в дом стоявший напротив нашего, через улицу. Одна из стен рухнула, всё окуталось облаком дыма и пыли, послышались страшные вопли и крики раненых и на смерть перепуганных людей. Едва кончился налет, из нашего дома все кинулись туда, а с ними и я. В одной комнате стены были забрызганы кровью и мозгами разорванных в клочья людей, в других раненые и искалеченные, с оторванными конечностями, корчились на полу и страшными голосами взывали о помощи... Я выбежала оттуда на улицу, трепеща от ужаса, и до самого утра не могла успокоиться.

Как только рассвело, побежала в госпиталь, к мужу. Оказывается во время налета он оставался в своей палате, наверху с деньщиком, который не пожелал его покинуть. Всех других раненых по тревоге перенесли в подвал, но санитары не знали как снести туда мужа с подвешенной ногой и с приспособлением, которое ее поддерживало. Жорж привык к опасностям и боялся не за себя, а за меня, т. к. по разрывам слышал, что бомбят главным образом тот район, в котором я жила. Госпиталь не бомбили и город не сильно пострадал, только одна бомба попала в оперный театр, во время представления, но человеческих жертв было не много.

Вскоре пришел старший врач и был возмущен, когда узнал, что санитары оставили мужа в палате во время бомбардировки. Он мне разрешил несь этот день и следующую ночь провести в госпитале, с мужем, но настойчиво просил сразу же после этого уезжать из Киева, так как боялся, что будут взорваны мосты и железнодорожное движение прекратится. Доктор мне обещал, что через неделю, как только силы Жоржа немного восстановятся, его санитарным поездом или аэро-

планом переправят в один из краковских госпиталей. Я с этим согласилась, мне дали бесплатный воинский билет и я отправилась домой. По пути заехала в Бердичев, где находились вещи мужа, забрала их и благополучно прибыла в Краков.

Вскоре туда привезли и Жоржа. Мне удалось устроить так, что его положили в небольшой госпиталь, который находился почти напротив того дома, в котором жила я. Каждый день я носила ему хороший обед и пекла пироги, которыми угощала других раненых. В Краков наехала такая масса беженцев с Украины, что для них нехватало в городе места. Я как могла старалась подыскивать им жилища, собирала для них по домам вещи и через различные учреждения добывали им съестные припасы и пайки.

К этому времени производство конфет уже приносило мне порядочный доход, который я предусмотрительно обращала в золото и драгоценности. Два чемодана с лучшими нашими вещами, альбомами фотографий и тем что мне было особенно дорого как память, отправила в Закопане, а остальное распродала или поменяла на толкучке, ибо уже понимала, что из Польши придется куда-нибудь бежать и при том, конечно, налегке, захватив с собою только самое необходимое.

Немцы под натиском советских войск отступали почти с такой же быстротой, с какой три года тому назад двигались вперед. И к тому времени когда муж поправился и его выписали из госпиталя, большевики были уже недалеко от Кракова.

К нашему счастью, среди других беженцев с Украины, сюда приехал со своим причтом один православный архиепископ, который был товарищем Жоржа еще со школьной скамьи. Он предложил нам место в поезде духовенства, который теперь отправлялся дальше, на запад. Сборы наши были недолги и мы, обрадованные такой удачей, присоединились к этим беглецам.

---

19. В ГЕРМАНИИ

В нашем поезде, состоявшем из вагонов-теплушек, мы пересекли Чехословакию, въехали в пределы Германии и тут наш состав временно поставили на запасный путь какой-то небольшой станции, недалеко от австрийской границы.

Здесь была прекрасная лесная местность и вокруг царило полное спокойствие, так что живя в своих теплушках, мы чувствовали себя беспечно, как на даче. В одном вагоне с нами помещались еще три семьи, это были очень милые и культурные люди, мы все быстро подружились, вместе гуляли по красивым окрестностям, собирали в лесу орехи и почти забыли о том, что где-то идет жестокая война.

Но вот, однажды ночью налетели английские бомбардировщики Никакого сигнала тревоги не было (очевидно местным властям и в голову не приходило, что кто-то станет бомбить этот мирный лесной уголок, поблизости от которого не было никаких стратегических объектов), просто кто-то постучал снаружи в двери вагона, где мы крепко спали, и крикнул что начался налёт.

Из поезда горохом посыпались полуодетые люди и бросились к лесу. Но не успели мы добежать до опушки, а некоторые даже не выскочили еще из вагонов, как начали рваться бомбы. Одна из них разорвалась возле нашего вагона и опрокинула соседний, всё там окуталось дымом и до нас долетели отчаянные крики. Бомбардировщики пролетели дальше, а мы скорее побежали к месту взрыва. Муж пролез в опрокинутый вагон, там в дыму ничего не было видно, но слышались душераздирающие стоны, — он начал наощупь отыскивать людей и с помощью других вытаскивать их наружу. В этом вагоне оказалось несколько раненых и двое уби-

тых, — престарелый отец и сестра нашего архиепископа, — их тут же и похоронили.

Все возмущались бессмысленным зверством англичан. Они прекрасно знали, что это не воинский, а беженский поезд, т. к. предварительно осветили всю местность ракетами и видели, что к лесу бежали женщины и дети, но тем не менее сбросили бомбы.

После этого наш поезд отправился дальше, в глубь Германии и мы выгрузились в городе Бад-Киссинген. Тут нас поместили в лагерь и определили на работы. Муж и другие мужчины рубили лес и заготовляли дрова для казарм, получали за это по буханке хлеба в день и иногда немного картофеля. Я чинила простыни и другое белье для госпиталей

Жизнь была полуголодная и беспокойная, но наконец война кончилась, нашу зону оккупировали американские войска и мы вздохнули с облегчением.

* * *

По-началу, действительно, всё было хорошо. Американцы устроили для нас беженские лагеря, организовали в них кухни и сносно кормили, иногда раздавали нам поношенную одежду, собранную в Америке и "кер-пакеты". В некоторых лагерях были даже школы и различные мастерские; жили мы свободно, кто хотел мог работать и относились к нам доброжелательно. Но скоро в дело вмешались советские власти и для беженцев начался истинный кошмар. В силу потсдамского соглашения, большевики потребовали от американцев выдачи всех бывших советских граждан, а часто в эту категорию попадали и старые русские эмигранты, иными словами, страшная опасность нависла над всеми.

Когда это началось, мы с мужем находились в городе Майнц-Кастеле. И вот, проснувшись однажды утром, увидели, что наш лагерь окружают американские солдаты и танки. Я поспешила к коменданту американцу узнать — что это означает? Он ответил, что сейчас советская комиссия будет проверять всех мужчин и отбирать тех, кто был гражданином Советского Союза.

Я в то время работала в городском госпитале сестрой. В это утро, как обычно, в лагерь приехал госпитальный автомобиль-амбулатория, для медицинской помощи, и я упросила знакомого санитара вывезти моего мужа, как больного. Его уложили на койку-носилки, накрыли с головой, всунули в автомобиль и благополучно вывезли из лагеря.

Всех мужчин, между тем, построили на дворе в несколько рядов и пятеро советских комиссаров в военной форме начали их по очереди осматривать и опрашивать. Каждого из тех, кого они решали забрать, — преимущественно молодых и здоровых, — американские солдаты, вооруженные автоматами, отводили к лагерной черте, туда где стояли танки. Отобрав человек сорок, комиссары уехали, сказав, что еще возвратятся проверять остальных После этого с лагеря сняли оцепление и танки ушли.

Всех кого комиссары отобрали, перевезли куда-то в другое место и держали под сильной охраной, на положении пленников, пока будут выполнены формальности передачи их большевикам.

Излишне, я думаю, говорить как всех нас взволновало это событие: ведь почти для каждого выдача советам означала верную смерть, а в лучшем случае не менее десяти лет каторжных работ в каком-нибудь северном концлагере, где тоже выживали только самые сильные и здоровые. В нашем лагере, как только нас окружили танки, один молодой мужчина повесился в кладовке. другой хотел выброситься из окна третьего этажа, но Жорж — за десять минут до того, как его увезли в госпитальном автомобиле, — успел стащить его с подоконника и убедить, что еще есть надежда на спасение и кончать самоубийством рано. Мы пытались объяснить наше положение американцам и втолковать им, что они выдают нас на смерть, но они ничего не хотели знать и нашим словам не верили.

К счастью, наш архиепископ имел в этом больше успеха. Он сейчас же поехал в Висбаден, где стоял штаб американских войск, объяснил там кому следует положение и просил отпустить всех кого увезли из лагеря,

для выдачи Советам. Это возымело действие и большинство обреченных было возвращено в лагерь.

Позже мы узнали, что и в других лагерях происходило то же самое, а в некоторых и похуже. Говорили, что в одном из них чекисты ворвались в церковь, где укрылись обреченные на выдачу люди, застрелили священника который вышел им навстречу с крестом в руках, а потом схватили всех кто там был, втолкнули в грузовики и уехали. А какая трагедия разыгралась в Лиенце, настолько хорошо всем известно, что об этом нае стоит и писать.

После того, что произошло у нас в лагере, мы с мужем поспешили перебраться в Бад-Киссинген, который уже хорошо знали и где нам казалось безопасней. Там мы наняли комнату в домике стоявшем в лесу, за городом, исходя из тех соображений, что так мы не будем на виду у властей, а в случае чего легко можно скрыться в лесу.

Первое время всё было тихо, но спокойствие наше продолжалось недолго Однажды я встретила кого-то из знакомых беженцев и от него узнала, что в город приехал советский комиссар, полковник Маслов, который будет проверять всех находящихся тут русских. Из канцелярии американского губернатора нашей зоны уже рассылался приказ, согласно которому все беженцы должны были в определенный срок явиться на опрос к полковнику Маслову, а не явившиеся будут арестованы.

Мы такого приказа не получили, может быть потому, что по недосмотру нас не поместили в общий список, а вернее потому, что не знали нашего адреса, — мы старались скрыть, где живем и даже тут за городом, муж из предосторожности спал не в доме, а на сеновале, стоявшем у самой опушки леса. Но все же эти известия меня очень обеспокоили, — нас могли арестовать и выдать советчикам, а потому я, ничего не говоря мужу, решила отправиться к губернатору и поговорить с ним лично.

Явившись в Управление, я там разговорилась с одной служащей немкой, которая мне сказала, что на при-

ем к губернатору попасть очень трудно, т. к. предварительно надо изложить суть своего дела его секретарю, а этот последний — финн хорошо говорящий по-русски, — почти никого не пропускает и славянских беженцев терпеть не может.

Однако немка, узнав зачем я пришла, отнеслась ко мне сочувственно и обещала помочь. Она сказала, чтобы я пришла на следующий день ровно в восемь часов утра, когда открывается Управление, — финн обыкновенно приходит немного позже и в этом случае она сама проведет меня к губернатору, как переводчица.

Утром я пришла в назначенное время и мне повезло: секретаря-финна еще не было и через несколько минут я благополучно очутилась в кабинете губернатора.

На его вопрос, — что мне нужно, я в свою очередь ответила вопросом: правда ли что он отдал приказ о том, что мы должны идти и предоставить наши судьбы на усмотрение полковника Маслова, — представителя советской власти, которой мы никогда не признавали и бежали от нее как от чумы, ибо она в России порасстреливала или заморила в сибирских концлагерях всех наших родных и близких, а теперь хочет расправиться и с нами?

Пока немка точно переводила мои слова, я не выдержала и разрыдалась. Едва губернатор успел ответить, что приказ отдан не в такой форме и что он относится не ко всем, — дверь приоткрылась и в кабинет заглянула круглая и злая физиономия, принадлежавшая, как оказалось, секретарю финну, — очевидно мое присутствие здесь было ему очень не по душе, ибо он сейчас же исчез. Но губернатор, вместе с нами, прошел в соседнюю комнату и сухо сказал ему:

— Покажите-ка мне ваши списки.

Финн вытащил из ящика несколько листов, на первом же из них стояла наша фамилия, которую я указала пальцем губернатору Он взял со стола ручку, обмакнул ее в чернила и собственноручно нас из спика вычеркнул. Я поблагодарила и ушла, шепнув переводчице немке, что еще к ней зайду.

Оттуда я, уже ничего не боясь, прошла в учрежде-

ние, где производил свою "проверку" Маслов, надеясь кое-кого выручить из его когтей. Тут, в коридоре, сидело много беженцев, среди которых были и мои знакомые. Я им рассказала о своем посещении губернатора и советовала сделать то же. Был момент, когда двери в кабинет Маслова открылись и я там мельком увидела его самого и еще двух типов, — у всех были каменные, типичо чекистские физиономии. Я поскорее ушла.

Дома рассказала мужу обо всех своих действиях и он облегченно вздохнул узнавши что эта новая, нависшая над нами угроза благополучно устранена.

Но все же положение было опасным. Поскольку советские "репатрианты" добрались до Бад-Кисингена, а американские власти, в основном, шли навстречу их требованьям, всегда можно было опасаться выдачи и потому оставаться здесь дольше было по меньшей мере неблагоразумно. Надо было куда-нибудь уехать и снова заметать свои следы. К счастью, мы приехали в Германию с группой духовенства и тут тоже не порывали с нею связь, а потому пользовались помощью и заступничеством архиепископа, с которым американцы до некоторой степени считались, и иной раз ему удавалось выручать своих из беды. Находился он тут же, в Кисингене и потому я отправилась к нему, за советом

От него я узнала, что все беженцы оставшиеся после "чистки" Маслова, т. е. не подлежащие выдаче, дней через десять будут перевезены отсюда в другой лагерь, в город Оффенбах, возле Франкфурта. Он советовал нам с мужем выехать туда немедленно, не ожидая других, и просил взять с собою его родственников и семью одного священника, с их багажем. Мы, конечно, согласились и стали готовиться в путь.

Это путешествие требовало расходов, а германская марка в то время не имела никакой ценности. В обиходе ее заменяли сигареты и съестные продукты, — за них покупалось и продавалось всё, ими же оплачивались все услуги. Чтобы добывать эту своеобразную валюту, я научилась шить дамские лифчики и корсеты, красиво отделывала их кружевами, а затем меняла на продукты в окрестных сёлах. Потом у меня появилась клиен-

тура среди американцев, которые щедро расплачивались сигаретами, шоколадом и сахаром. Таким образом, средства на переезд у меня были.

Я наняла крытый грузовой автомобиль и его владельцу, который должен был отвезти нас в Оффенбах, заплатила вперед сигаретами и салом. Для выезда из города нам нужен был пропуск, — его я получила через мою знакомую немку в канцелярии губернатора, отблагодарив ее несколькими плитками шоколада.

На следующий день мы погрузились в нанятую машину и пустились в путь. За городом нас остановила немецкая полицейская застава и потребовала наши пропуска. Их имели только я и Жорж, у наших спутников их не было, а потому мы заранее посадили их вглубь грузовика и накрыли брезентом. Я сидела в кузове сзади, с открытой стороны, свесив ноги вниз, и подала полицейским два наших пропуска, прибавив к ним две пачки американских сигарет. Они едва взглянув на пропуски, откозыряли, сказали "все в порядке", и даже не посмотрели внутрь.

Поздно вечером мы подъехали к воротам лагеря в Оффенбахе и с ужасом увидели, что нам их открывают красноармейцы! В полном смятении я пробормотала:

— Мы, кажется, не туда попали...

— Не сумлевайтесь, гражданочка, всё в порядке, — довольно дружелюбно ответил один из них: — завтра мы выезжаем на родину, а тут будет ваш, стало быть, буржуйский лагерь!

Они сейчас же провели нас в комнаты на втором этаже и сказали, что тут мы можем располагаться. На всякий случай я сразу отвела Жоржа наверх, сказав что он болен, а затем мы принялись разгружать вещи. Солдаты нам помогали и поднимая увесистые сундуки наших спутников, один из них пошутил:

— Ого, какие тяжелые! Должно быть до сих пор таскаете с собой золото, вывезенное из России.

Я не имела понятия, что в этих сундуках находится, но сказала, что там книги.

Все обошлось сегодня благополучно, но не зря говорят, что "пуганная ворона и куста боится", — оста-

ваться под одной крышей с красноармейцами нам вовсе не хотелось. Ночь мы переспали не раздеваясь, причем нас закусали клопы, — это обстоятельство увеличило наше желание поскорее отсюда убраться.

В шесть часов утра я побежала искать частную квартиру. Мне повезло, — нашла ее почти сразу и совсем недалеко. Хозяин немец запряг повозку и мы приехали в казарму за мужем и вещами. Войдя в комнату, где оставался Жорж, я увидела там двух красноармейцев, — оказывается они всюду искали свою докторшу и медицинскую сестру, которые куда-то исчезли.

— Ты, тетка, случаем их не видала? — спросил один из солдат. — Нам сегодня уезжать надо, а они как в землю провалились!

Я ответила, что никого не видела, но была почти уверена, что эти женщины сбежали, не желая возвращаться в Советский Союз.

При выезде стоявший у ворот красноармеец спросил — куда мы едем? Я ответила, что в этом городе живет моя тетка и мы переезжаем к ней. Солдат не чинил нам никаких препятствий и мы благополучно водворились на новосельи.

Там мы прожили до 1949-го года, когда, наконец, уменьшив себе года и преодолев целый ряд долгих и нудных мытарств, получили все необходимые документы и визы, позволившие нам сесть на пароход и отправиться "в цветущий край, где всё обильем дышит", т. е. в Северо-Американские Соединенные Штаты.

20. В АМЕРИКЕ

Пароход, на котором мы отправились в Новый Свет, отнюдь не отличался ни роскошью, ни утонченным обслуживаньем. Он был переполнен эмигрантами, которые сами должны были принимать посильное участие в этом обслуживаньи: женщины помогали в уборке и в раздаче пищи, мужчины из трюмов таскали на кухню пакеты и ящики с продуктами, а также и другие вещи, которые предназначались для раздачи беженцам. На третий или четвертый день пути мужу пришлось тащить на себе такой тяжелый тюк, что он надорвал поясницу и по предписанию пароходного врача должен был пролежать почти без движения до самого конца нашего путешествия.

Как раз в это время на море разыгрался сильнейший шторм. Огромные волны с ревом и грохотом перекатывались через палубу, пароход скрипел по всем швам, его швыряло как щепку и положение стало настолько угрожающим, что капитан поставил на ноги всю команду,а пассажирам приказал быть готовыми к посадке на спасательные лодки, в которых женщинам и детям надлежало занимать места в первую очередь. От страшной качки почти все страдали морской болезнью, чему способствовало и то обстоятельство, что в этот день на обед нам дали тухлую рыбу. В результате очень скоро все палубы оказались в таком состоянии, что буквально нельзя было ступить.

К вечеру буря улеглась, изнеможенные пассажиры пластом лежали на нарах, отдыхая от пережитого, но им еще пришлось собственноручно мыть полы и чистить помещения.

На девятое утро мы прибыли в Бостон. Целый день тут шла проверка нашего багажа. Производилась она с

такой тщательной дотошностью, что мы просто диву давались: какой интерес для таможни богатейшей в мире страны могло представлять наше убогое беженское барахло? Хороших вещей ни у кого из нас давно не было, везли мы с собой всякую рухлядь и заношенные костюмы, т. к. люди боялись, что в Америке не скоро устроятся на работу и о каких-либо новых приобретеньях не придется и думать.

Вечером нас всех посадили на поезд и отправили в Нью Иорк. Беженцы ехали в Америку через несколько различных организаций, представители которых встречали в Нью Иорке "своих" и проявляли о них какую-то заботу, в частности по приезде всех нас угостили бутербродами. Самой щедрой оказалась организация Объединенных Церквей, — своих беженцев она здесь не только хорошо накормила, но еще и выдала каждому по четыре доллара на мелкие расходы.

Нас с мужем встретил в Нью Иорке наш "спонсор", знакомый адвокат, у которого мы вначале и остановились. Он и сам еще был неустроен, с женой занимал одну комнату, при которой была кухня, где мы и спали, прямо на полу. Но это продолжалось очень недолго. На следующее же утро, не зная английского языка, я раздобыла план города и адрес редакции газеты "Новое Русское Слово", куда и отправилась пешком. Главный редактор, М. Е. Вейнбаум принял меня очень любезно и выслушав мою историю спросил — чем может мне помочь? Я попросила его дать объявление, что ищу места в каком-нибудь русском пансионе, но добавила, что денег у меня нет и я заплачу за объявление когда они будут. Он сказал, что поместит это объявление бесплатно и на следующий же день оно появилось в газете.

Мой рассчет оказался правильным. "Новое Русское Слово" крупнейшая в Русском Зарубежьи газета, издающаяся с 1910 года, у нее десятки тысяч читателей, а потому мое объявление быстро достигло цели: день спустя ко мне приехала одна дама и предложила работать в русском пансионе за шестьдесят миль от города. Она дала мне адрес и я сейчас же отправилась туда, на переговоры. Предупрежденный по телефону хозяин пан-

сиона, г. Языков встретил меня на станции и в своем автомобиле привез на место, где я сразу познакомилась с обстановкой и со своими будущими соработниками.

Узнав, что в пансионной работе я имею большой стаж и хорошо знаю первоклассную европейскую кухню, хозяин мне сразу предложил место шефа, так как дама, которая у него вела это дело, недавно ушла. Все остальные служащие этого пансиона тоже были русскими эмигрантами и людьми вполне интеллигентными: должность старшего повара занимал бывший капитан советской армии, его помощницей была жена доктора-дантиста, а сам доктор мыл на кухне посуду; горничными были две очень милые барышни, а официантами — бывший гусарский офицер и его жена поэтесса. У гусара, кроме того, был прекрасный голос-баритон и по вечерам он развлекал гостей своим пением.

В общем компания была очень симпатичная и веселая, вместе работали мы дружно и благославляли судьбу за то, что она привела нас в Америку. Я хорошо вела дело и как хозяин, так и клиенты были очень довольны тем, как я поставила кухню. Но кормили мы постояльцев четыре раза в день, а потому работать мне приходилось с утра до поздней ночи, уставала я страшно, но все же была счастлива и довольна. В этом пансионе я проработала семь летних сезонов, а в промежутках между ними мы с мужем устраивались как-нибудь иначе.

В частности, после первого же сезона мы поступили ва службу к шведскому графу, человеку очень богатому, который прежде был консулом своей страны в США, и имел обширное поместье в сорока милях от Вашингтона. У него была жена и двое маленьких сыновей, при которых состояла бонна — молодая шведка. Я нанялась к ним в качестве экономки, а мой муж уборщиком. С хозяевами мы старались объясняться по-английски, желая поскорее овладеть этим языком, а когда наших знаний не хватало — переходили на немецкий.

Работать нам приходилось очень много, а платили довольно скудно. Когда договаривались об условиях, графиня нам сказала, что приемы у них бывают редко, и что в этих случаях мне будут нанимать помощницу. Но действительность оказалась иной: за стол постоян-

но садилось человек десять-пятнадцать гостей, а вскоре было приглашено все шведское посольство из Вашингтона, около сорока человек, но даже и в этом случае никакой помощницы мне не дали. Приходилось справляться самой, да еще помогать мужу в уборке двадцати комнат. И по вечерам я обычно буквально валилась с ног от усталости.

Некоторое время спустя у хозяев родилась дочка, получившая имя Линды. В день ее крестин было устроено празднество, на которое снова приехало все посольство, да еще многие соседи по имению. Правда, на этот раз мне дали помощницу, и еще двух специально нанятых лакеев-профессионалов.

Я не ударила в грязь лицом и обед удался на славу. Особенный успех имел десерт, на который я приготовила свежие ананасы, фаршированные особым пломбиром из абрикосов. Это блюдо было не только очень вкусным, но и выглядело исключительно эффектно, вполне оправдывая то название, которое я ему дала: "Принцесса Линда".

После этого шикарного обеда и небольшого отдыха, большинство гостей, верхом на лошадях, отправилось на охоту, — обширное имение графа включало леса и поля, где было много всевозможной дичи, держал он также большое количество скота и лошадей. Перед отъездом он просил меня приготовить для охотников специальный ужин, — что-нибудь простое, но оригинальное по обстановке. Я приготовила охотничий гуляш, а к нему салат из помидоров и соленые огурцы. Возвратившиеся охотники с волчьим аппетитом поедали все это, усевшись, по бивачному, прямо на коврах покрывающих пол большого зала. Все были страшно довольны и веселы, а по окончании этой трапезы, во главе с самим графом, явились на кухню, меня благодарить.

Граф вообще не мог нахвалиться моей кулинарией и не раз говорил, что такие кушанья он едал только в лучших ресторанах Европы. Но не скупясь на похвалы, платил он по-прежнему мало, а потому, когда наступила весна и меня снова пригласили на летний сезон в пан-

сион Языкова, — я заявила ему что ухожу. Граф принялся уговаривать, чтобы я осталась и в конце концов предложил заплатить мне дополнительно шестьсот долларов, которые я могла бы заработать за лето в пансионе. Я колебалась, но к моему удивлению муж начал меня горячо убеждать, что нам лучше остаться здесь. Я согласилась, попросив лишь три дня отпуска, чтобы съездить в Нью Иорк и взять кое-какие вещи, которые мы там оставили.

Тут нужно сказать, что наша бонна — шведка каждую субботу уезжала в Вашингтон и возвращалась оттуда в воскресенье ночью. Так как от остановки автобуса до поместья было около трех миль, граф каждый раз просил Жоржа съездить за ней на автомобиле. Мне это очень не нравилось и я даже пробовала, но безуспешно, протестовать перед графом, так как по воскресеньям обычно бывали гости и в этот день мы особенно сильно уставали, а эти ночные поездки прерывали наш сон, не давая возможности как следует выспаться и отдохнуть. Ничего другого я раньше не подозревала, но теперь, возвратившись из этой поездки в Нью Иорк, застала мужа целующимся на кухне с бонной и поняла, что у них давно завязался роман. Наш брак и прежде нельзя было назвать счастливым, а после этого случая последние остатки чувства и уважения к мужу были безвозвратно потеряны.

Я хотела уехать, но этого нельзя было сделать пока граф не нашел мне заместительницу, а он с этим явно не торопился. Тем временем выпал обильный снег, Жоржа послали на крышу счищать его, несколько часов он там проработал на ветру и холоде, в результате простудился, ночью у него была очень высокая температура и начались сильные боли во всем теле.

Вызванный утром врач определил острое воспаление суставов, грозившее навсегда оставить Жоржа инвалидом. Поневоле пришлось забыть все личные обиды и сделать всё возможное для спасения человека, с которым, так или иначе, на протяжении многих лет была связана моя судьба.

Я немедленно отвезла его в госпиталь, в Вашингтон и просила вызвать лучшего специалиста по болезням

этого рода. Час спустя явился известный профессор и в сопровождении нескольких других докторов, приступил к осмотру больного. При этом присутствовала и я. Когда Жоржа раздели и положили на высокую кушетку, спиной вверх, я была поражена: вдоль всего позвоночника тянулась линия круглых, как яблоки, опухолей, которые при малейшем прикосновении вызывали страшную боль.

Закончив осмотр, доктор сказал, что это довольно редкий случай общего воспаления суставов, и добавил:

— Если вы сможете оставить его в госпитале на три-четыре недели, острый воспалительный процесс мы вылечим, но его последствия останутся еще надолго. И чтобы они поменьше давали себя знать, вашему мужу надо жить на лоне природы, в теплом климате, лучше всего в Аризоне, если для вас не явится препятствием тамошняя дороговизна жизни.

Я настаивала, чтобы Жорж сразу остался в госпитале, но он на это не соглашался, ссылаясь на то, что нужно предварительно поговорить с графом и выяснить — согласен ли он оплачивать госпиталь, так как нам этот расход не по силам. Мы возвратились домой, я объяснила графу положение вещей и добавила, что врач специалист, осматривавший мужа, находит, что ему немедленно нужно лечь в госпиталь. Граф на это не согласился, — он сказал, что пригласит к мужу доктора, который будет лечить его дома. Доктор, действительно, приходил каждый день и лечил Жоржа по старинке, крупными дозами аспирина, а я тем временем работала за двоих.

Но так или иначе, через некоторое время период острого воспаления у мужа миновал, однако он оставался совершенно расслабленным и работать не мог. По совету врачей, надо было перевезти его куда-нибудь в тихое и спокойное место с хорошим климатом, где он мог бы постепенно восстановить свое здоровье. Я деятельно принялась искать такую возможность и в конце концов ее нашла.

Незадолго до того мы познакомились с украинской семьей Бачинских. Глава этой семьи, в прошлом богатый помещик и человек с университетским образова-

нием, сейчас служил садовником у датского консула, который был приятелем нашего графа, — благодаря чему мы и познакомились. И Бачинский и его жена были милейшими людьми, мы стали у них изредка бывать, а через них завели знакомство еще с несколькими соотечественниками, которые уже давно находились в Америке и имели тут земельную собственность. Кончилось дело тем, что мы, пополам с Бачинскими, купили в штате Виргиния ферму, и весной, отказавшись от службы у графа, переехали туда.

Наша ферма имела 62 акра земли в очень живописной, лесистой местности, и пятикомнатный дом, стоявший на холме, у подножия которого протекала небольшая речушка, а за нею расстилался густой и высокий лес. Дом был стар, но мы его отремонтировали, прорубили к нему через лес более удобную дорогу, провели электричество, завели кур и жизнь вскоре наладилась. Мужу я, по предписанию врачей, делала парафиновые ванны суставов на ногах и на руках, и вскоре ему стало заметно лучше.

Подошло лето, я снова отправилась на сезонную работу в пансион Языкова, а Жорж остался на попечение Бачинских. В июле они мне написали, что состояние его здоровья значительно ухудшилось, и просили меня приехать. Взяв трехдневный отпуск, я поехала туда, сложила вещи, забрала с собой мужа и устроила его в хороший пансион в Катскильских горах, возле Нью Иорка. Однако он там страдал от холода, а потому я почти сразу же списалась с одной рекомендованной мне американкой в городе Фениксе, штата Аризона, заказала там Жоржу комнату и посадив на аэроплан, отправила его туда. Сама поехать и оставаться с ним, конечно, не могла, так как нужно было работать, чтобы иметь возможность каждую неделю посылать ему деньги на жизнь и на лечение.

Он писал, что целые дни лежит и греется на солнце, боли в суставах почти прошли и он чувствует себя гораздо лучше, но жаловался что плохо питается, так как хозяйка не позволяет ему готовить на кухне еду и пользоваться холодильником, а переменить квартиру он не

может потому, что не в состоянии ходить по улицам и к тому же не владеет английским языком. Но такое положение ему пришлось терпеть не долго: был уже август, а в начале сентября, когда закончилась работа в пансионе, я сразу же продала все оставшиеся у меня драгоценности и приехала в Феникс. Муж встретил меня на станции, — он выглядел хорошо и почти совсем поправился.

На следующее же утро мы с ним отправились в город, присмотреть подходящий дом, который можно было бы купить. Нам повезло и вскоре мы нашли то, что искали, — это был приличный дом на две квартиры. Продавался он за пять с половиной тысяч долларов, сговорились на том, что две тысячи дали наличными, а остальное получили в рассрочку, платя по сорок пять долларов в месяц, что было для нас вполне приемлемо. В конце сентября мы уже переехали туда, заняв одну квартиру, а другую сдали.

После этого я сразу начала искать работу и вскоре устроилась уборщицей в один частный колледж. Там, работая от девяти вечера до часу ночи, надо было убирать четырнадцать комнат. Жорж тоже ходил туда чистить и полировать столы, так как доктор сказал, что ему необходимы физические упражнения.

Платили нам очень мало, а потому я вынуждена была взять еще работу в частном доме, что ежедневно отнимало у меня семь часов. Разумеется, на мне, кроме того, лежали все домашние заботы: надо было готовить еду, делать покупки, убирать квартиру, водить мужа к докторам и т. п. Так беспросветно-трудно и монотонно прошли семь лет и только на летний сезон я ежегодно уезжала работать в пансионе, — дорогу авионом туда и обратно оплачивал мне хозяин.

Когда я была там в последний раз, Жорж снова начал болеть и на этот раз более серьезно. У него, вдобавок ко всему, обнаружился склероз, надо было бросить курить, а на это не хватало воли, — от курения делались у него припадки и он падал в конвульсиях, теряя сознание. Однажды, падая, разбил себе колено, при-

шлось делать операцию, но она мало помогла и ему после этого пришлось передвигаться на костылях. Организм его совсем ослабел, — в таком состоянии человека легко одолевает любая болезнь, вскоре он простудился и получил воспаление легких...

Теперь ему нужен был постоянный уход, вследствие чего мне пришлось бросить работу и в пансионе, и в колледже. Но чем-то нужно было жить, — я начала покупать старые дома, ремонтировать их и затем продавать, потом стала также покупать и перепродавать небольшие земельные участки в городе и в окрестностях. Вскоре это начало давать приличный заработок и я получила возможность возить мужа на лучшие курорты, с купаниями в минеральных водах. Так прошло еще восемь мучительных лет, в течение которых, несмотря на все лечения, уход и заботы, организм Жоржа постепенно сдавал, приближая его к роковой развязке.

В июне 1964 года он окончательно слег в постель и от склероза перестал узнавать знакомых. По ночам не раз падал с кровати на пол и мне приходилось будить соседей, а иногда даже телефонировать ночью в полицию, чтобы помогли мне его поднять и снова уложить в постель. Наконец доктор категорически заявил, что его необходимо отправить в госпиталь. Неоднократно мы ему это предлагали и раньше, но он ни за что не хотел, однако на этот раз протестовать не стал.

В госпитале он пролежал два месяца. Всё это время я безотлучно находилась при нем и ухаживала за ним как за беспомощным ребенком. Мне это разрешили, так как он ни от кого другого не хотел принимать ни еду, ни лекарства. Последние дни он и меня уже часто не узнавал, но перед самой смертью сознание к нему полностью вернулось. Он довольно внятным голосом сказал:

— Теперь я хорошо себя чувствую потому, что знаю, скоро конец и моим и твоим мучениям. Прости, если можешь, за то, что я испортил тебе жизнь... Мое оправдание в том, что только тебя я искренне любил и без тебя жить не мог. А за то, что по слабости изменял тебе, Бог меня так страшно и покарал ...

— Прощаю от всего сердца, — ответила я. — И Бог тебя тоже простит.

Последним усилием он притянул мою руку к губам, и жизнь его оборвалась. Закончились и эти мучительные долгие пятнадцать лет, в течение которых я не видела ни счастья, ни просвета, — их хотелось бы просто вычеркнуть из моей жизни...

***

Но видимо Богу было угодно вознаградить меня за терпение и за всё пережитое, ибо следующие годы моей жизни сложились совсем иначе. Пришло чувство свободы и независимости, появилась возможность располагать собой и своими заработками, — их теперь хватало на то, чтобы пользоваться такими благами жизни, о которых я прежде не могла и мечтать.

Меня, например, всегда страстно влекли путешествия, но до сих пор я не могла позволить себе такой роскоши, — особенно когда жила в странах с низкой валютой. Америка в этом отношении открывает гораздо больше возможностей, даже для людей скромного достатка. На свои здешние заработки, в течение следующих пяти лет я ежегодно отправлялась в трехмесячные путешествия и за это время объехала весь земной шар, включая самые экзотические страны, еще и сегодня почти недоступные для рядового труженика европейца. Я получила возможность повидать своими глазами всё то, о чем прежде приходилось только читать в книгах и журналах, наслаждаться сказочно прекрасной природой и пышной красотой тропических растений, любоваться красивейшими дворцами, замками и храмами, чудесами искусства и архитектуры, воочию наблюдать жизнь и обычаи экзотических народов, и всюду приобрести множество друзей, даривших меня своей симпатией, сердечностью и гостеприимством.

Эти друзья принадлежат к совершенно различным классам общества, профессиям, народностям и расам.

Многие из них совсем бедны и живут в странах едва затронутых цивилизацией, но сколько видела я в этих людях доброты, искренности, благородства и духовной красы!

Теперь отовсюду, от этих случайно приобретенных друзей, я получаю письма полные почти родственного тепла, — меня помнят и приглашают снова навестить их... Я делю сердце между этими друзьями и вся наша планета кажется мне сейчас "своей", и вовсе не такой неведомой и необъятной, как думалось раньше.

Не знаю, увижу ли я еще раз кого-либо из этих рассеянных по миру друзей? Временами мне этого очень хочется. Но теперь, когда эта страсть к путешествиям удовлетворена, когда я ожила и отложила в памяти столько бесценных воспоминаний, — хочется и покоя, хочется остановиться у тихой пристани... Возле нее мне не будет скучно, ибо я нашла себя и нашла свое истинное призвание, видимо унаследованное от отца-художника: красками воплощаю на шелке красоту и пышную прелесть тропических цветов и растений, которые видела во время этих путешествий.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

МОИ КРУГОСВЕТНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

---

21. ДАЛЬНИЙ ВОСТОК, ЮЖНАЯ АЗИЯ И ЕГИПЕТ

У меня всегда было желание путешествовать и своими глазами увидеть те достопримечательности и красоты нашей планеты, о которых приходилось только читать. Но толчком к началу осуществления этой мечты послужил незначительный случай: однажды взяв в руки газету, я увидела в ней заманчивое объявление, под заголовком: "На пароходе вокруг света".

И я подумала: что, собственно, мешает мне воспользоваться этой возможностью? У меня есть известный достаток, участок земли, свой дом, пенсия, платежи поступающие от клиентов и должников. С другой стороны — я одна как перст, родных у меня больше не осталось, — для кого же я должна всё это беречь, отказывая себе в таком удовольствии? И решила ехать.

Первого апреля 1965 года,в калифорнийском порту Сан Педро, возле Лос Анжелоса, я села на большой пароход "Оронсей". Тут ехало в кругостветное путешествие около шестисот туристов, среди которых сразу создалась атмосфера веселой и дужелюбной непринужденности. Всё это были люди жизнерадостные и общительные, они охотно знакомились друг с другом и рассказывали о своих прежних путешествиях, — время протекало приятно и интересно, кроме того, на палубе устраивались различные игры, был бассейн для плаванья, по вечерам играла музыка и шли танцы, — всё это тоже сближало публику и способствовало увлекательности путешествия.



О. П. Тиссаревская на пароходе «Оронсей»

Первая наша остановка была через три дня, на Гаваях. Этот архипелаг, растянувшийся по Тихому океану на три с половиной тысячи километров, состоит из двадцати-четырех островов, из которых крупных только восемь, остальные, совсем незначительные по величине, окружены коралловыми рифами и атоллами. Большие же острова гористы (на некоторых горы достигают высоты свыше четырех километров), покрыты лесами и исключительно живописны. Их неизъяснимая прелесть еще увеличивается ровным и теплым климатом, — это подлинное царство вечной весны.

Мы высадились в порту главного города Гонолулу, на острове Оаху. Здесь нам была организована встреча, с музыкой национального гавайского оркестра, пением и танцами. Затем всех туристов усадили в автобусы и повезли осматривать остров. Он удивительно красив. Тут какая-то особая, ласково-завораживающая природа, навевающая на путника мир и забвение. И глядя на ажурно пенящиеся голубые волны, плавно накатывающие на девственно чистые, цветущие берега, мне казалось, что они целят мою душу, смывая с неё всю тяжелую накипь жизни ...

Но, к сожалению, в этом райском уголке уже весьма заметны "успехи" цивилизации: идет планомерное уничтожение лесов, на их месте вырастают плантации сахарного тростника, кофе, бананов, ананасов и других тропических культур. Да и коренных жителей — туземцев осталось сравнительно немного. Кстати, стоит сказать несколько слов и об истории этих островов: испанцы побывали на них еще в 16 веке, хотя и считается, что их открыл капитан Кук только в 1778 году, — здесь его и убили туземцы, вследствие какого-то недоразумения. Царствовала тут своя династия и Гаваи считались независимым королевством до 1898 года, после чего превратились в колонию САСШ, а в 1959 году стали их пятидесятым штатом.

Вечером капитан пригласил на пароход гавайский оркестр и местных артистов, которые развлекали пассажиров музыкой, пением и национальными плясками, а поздно ночью мы покинули этот прекрасный остров и взяли курс на Японию. По пути туда на пароходе был

устроен специальный бал, под названием "Гавайская ночь". Всё было декорировано тропическими растениями и цветами, и выдержано в гавайском стиле, который нарушался только летающими по залу разноцветными воздушными шарами, с треском лопавшимися от тепла. Было очень шумно и весело, хотя и с некоторым оттенком балагана. Публика танцевала с характерными гавайскими венками на шеях, но от разнообразия костюмов пестрело в глазах, а мужчины в гавайских юбочках из цветной соломки выглядели так экзотически-комично, что многие, глядя на них, смеялись до слез.

* * *

Следующая наша остановка была в Японии, где мы побывали в Киото. Это большой и старинный город, сохранивший стиль классической японской архитектуры, с изобилием древних дворцов и храмов. Последних тут сотни, причем есть шестнадцать буддийских пагод, по-



Токио, в городском саду

строенных не позже восьмого столетия нашей эры. Киото долгое время был столицей японских императоров, а главным религиозным центром страны остался и до сих пор.

О Японии я много читала, и думала, что хорошо представляю себе ее внешний и внутрений облик, но оказалось что это вовсе не то, что видят глаза путешественника и воспринимают его непосредственные чувства. Нынешняя Япония очень культурная страна, но ее культура совсем не похожа на западную и резко отличается, как по своему характеру, так и по бытовому укладу,даже от соседних стран — Кореи и Китая. Тут во всем ощущаются веянья традиций, идущих из глубины веков, а также особенности духовного склада японцев и их мироощущения. Цветущая вишня и стройный ствол бамбука — это символы жизни и воспитания японцев: они считают, что душа ребенка должна быть такой же нежной и чистой, как цвет вишни, а характер — прямым и несгибаемым, как бамбук. Эти растения тут видишь на каждом шагу, причем вишня удовлетворяет чисто эстетическим потребностям, а бамбук служит и для промышленных целей, в качестве строительного и поделочного материала, имеющего в Японии широкое применение. Кстати, известный американский изобретатель Эдисон применял бамбуковые лучинки для своих первых электрических лампочек и говорят, что он сделал это открытие во время посещения Киото. Надо полагать, что это верно, т. к. в этом японском городе стоит памятник Эдисону. Но и весь Киото, — этот город-музей, заключающий в себе столько бесценных образцов древней японской архитектуры и искуства, — сам по себе является историческим памятником. Исходя из этого, во время войны японское правительство просило американцев пощадить Киото и не подвергать его воздушным бомбардировкам, и эта просьба была исполнена.

Во время пребывания здесь, мы обедали в первоклассном японском отеле. Войдя в огромный ресторанный зал, я была поражена утонченным вкусом его обстановки и убранства, а также исключительно внимательным и я бы сказала, элегантным обслуживаньем кли-

ентов, сидевших за круглыми столами артистической выработки.

В окрестностях я видела некоторые современные предприятия и заводы, которые, также как и здешнюю электрическую железную дорогу, можно без преувеличения назвать чудесами современной техники, хотя и на всем этом лежит какой-то неуловимый отпечаток Востока.

Из Японии мы направились в Гонг-Конг, — этот экзотический город, с населением почти сплошь китайским. Впрочем, он и был органической частью Китая, пока его, в середине прошлого столетия не захватили англичане, которые сначала превратили его в основной пункт контрабандной отправки опиума в Китай, а поз-



На улице в Токио

же в крупнейший торговый узел и в военно-морскую базу.

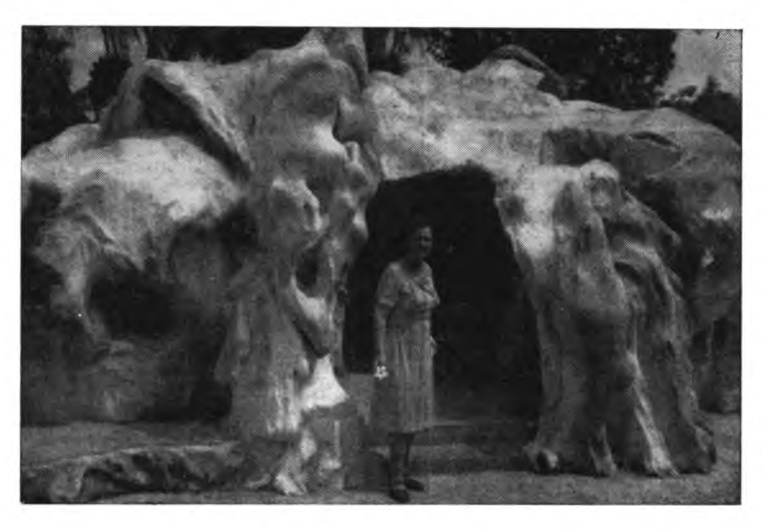
Описывать Гонг-Конга не буду, это уже многие сделали до меня и притом с более обширным запасом наблюдений. Отмечу только, что он очень своеобразен. Это город контрастов, — тут умопомрачительное богатство соседствует с самой мизерной бедностью. Торговая жизнь бьет ключем, здесь можно купить всё что угодно и притом очень дешево. Немало есть и достопримечательного. Особенно мне понравился "Тайгер Балм Гарден“, — небольшой сад с причудливыми скульптурами, придающими ему какой-то сказочный вид. Это уменьшенная копия такого же сада в Сингапуре, куда мы попали несколько позже, заехав по пути в Манилу, на Филиппинских островах.

Этот город произвел на меня отрадное впечатление своим привлекательным обликом, чистотой и опрятностью. Он насчитывает более двух миллионов жителей и фактически остается столицей государства, хотя недавно ею был объявлен какой-то другой город. В Маниле много крупных промышленных предприятий и заводов, а по побережью идет широкая набережная — бульвар, вдоль которой тянется цепочка шикарных отелей и вилл. Центр города очень оживлен, особенно главные улицы — Эскольта и Рисаль, изобилующие превосходными магазинами.

Филиппины очень живописная и своеобразная страна, состоящая из нескольких тысяч островов и островков, но из их общей поверхности в 300.000 квадратных километров, две трети приходится на два крупнейших острова Люсон (на котором расположена Манила) и Минданао. Тут много лесов и гор, среди которых есть действующие вулканы, а потому на Филиппинах нередки сильные землетрясения. Климат довольно жаркий, растительность носит явно тропический характер, а из культивируемых растений особенно распространена кокосовая пальма. Это стройное и изящное дерево является неотъемлемой принадлежностью типичного филиппинского пейзажа. В большом количестве выращивают здесь также рис и сахарный тросник.

История Филиппин протекала довольно бурно и для их населения нерадостно. Открыл эти острова Магеллан, в начале 16 века, а вскоре ими овладели испанцы, от которых архипелаг получил свое название, в честь испанского короля Филиппа Второго. Против завоевателей туземцы вели многовековую, но бозуспешную борьбу, так продолжалось и после того, как испанское владычество в конце прошлого века сменилось американским, и только после второй мировой войны Филиппины получили независимость, на которую, конечно, полное право имела страна равная по величине Италии и насчитывающая 33 миллиона жителей.

Следующая наша остановка была в Сингапуре, но тут мы провели всего несколько часов. На наше несчастье здесь в это время шла полная перестройка города и сносились целые кварталы старых домов, освобождая место для модерных строений и парков. В силу такого положения трудно было добраться до центра и ссмотреть местные достопримечательности, которых тут, конечно, немало, ибо это древний город, в котором ста-



Сингапур, «Тайгер Балм Гарден»

рина причудливо перемешалась с современностью. Все же мы успели побывать в обширном и восхитительном ботаническом саду, миниатюру которого уже видели в Гонг-Конге. Этот сад исключителен по своей красоте и оригинальности, с его историей тут связывается много легенд и фантастических преданий.

День спустя по выходе из Сингапура, на пароходе был устроен бал, под названием "Ночь Востока". В соответствии с этим, все туристы вырядились в японские и китайские кимоно, дамы украсили свои прически цветком, а некоторые, сверх того, выбелили лица и раскосо подвели глаза. Снова было много смеха и непринужденного веселья.

***

В начале второго месяца нашего путешествия мы прибыли в Бомбей. Первое впечатление от него было неважным: порт грязен, а вокруг него все признаки оскуднения и бедности. Вообще нужно сказать, что по Бомбею нельзя составить себе сколько нибудь верного представления об Индии, этот город для нее совсем не характерен. Лет двести тому назад на его месте было какое-то незначительное поселение и он почти целиком вырос под английской властью, а потому совсем не похож на старые индийские города. У него превосходная гавань, к тому же тут сравнительно приличный, здоровый климат, в силу чего англичане превратили его в резиденцию губернатора и в крупнейший торговый пункт, через который шла почти половина индийского импорта и экспорта. Сейчас это второй по величине и значению город Индии, уступающий только Калькутте.

Центральная, торговая часть города тесна, грязновата и неприглядна, это район преимущественно туземного населения, но немного в стороне от него находится административный центр, где сосредоточены городские учреждения, университет, банки и другие общественные здания, а по берегу в одну сторону тянутся обширные сооружения, причалы и доки, а в другую — красивые особняки, отели и виллы, и набережная, служащая излюбленным местом прогулок и увеселений. Тут



Дочь почтмейстера с о. Фиджи, Уша Бадаль

находятся знаменитые "башни молчания" и очень оригинальные висячие сады, а также кое какие старинные здания, — здесь все же можно почувствовать, что вы находитесь в Индии. Нам говорили, что в окрестностях Бомбея есть замечательные храмы восьмого столетия, высеченные в скалах и украшенные изумительной скульптурой, но мы, к сожалению, не могли их осмотреть, т. к. наш пароход стоял тут недолго и покинув Индию направился к Суэцкому каналу.

В Бомбее я простилась с очень милой семьей индусов, с которой успела подружиться по пути из Японии,

где они сели на наш пароход, направляясь домой, в город Новый Дели, куда и меня приглашали приехать к ним в гости, когда смогу. Кроме них, за время путешествия я также тесно сошлась и с другой индусской семьей, жившей на острове Фиджи, где глава этой семьи был начальником почты. Через них я познакомилась еще с одним жителем этого острова, доктором Нагасима, который путешествовал со своей женой и двумя детьми. Целые дни мы проводили вместе, все они были ко мне очень внимательны и сердечны, держали себя с исключительным тактом и тоже усиленно уговаривали меня посетить их на Фиджи, что я в душе решила непременно сделать.

В один из ближайших дней на пароходе снова был устроен костюмированный бал в восточном стиле. Каждый постарался нарядиться соответственно случаю и тут можно было увидеть красочные и живописные костюмы всех народов Востока. Мои друзья уговорили и меня надеть красивое шелковое "сари", которое я купила в Индии, — в таких же великолепных сари, выступали и они сами. Этот бал был особенно блестящим и радостным.

***

Перед входом в канал, в небольшом и довольно невзрачном городе Суэце, всем желающим побывать в Египте и осмотреть его достопримечательности предложили сойти на берег. Разумеется, я с радостью воспользовалась этой возможностью, как и большинство других туристов. Всех нас усадили в шесть больших автобусов и привезли в Каир.

Этот огромный и такой красочный город раскинулся по обоим берегам Нила, через который тут переброшено несколько очень красивых мостов. Он поразил нас сказочной прелестью своей архитектуры и непередаваемым очарованием мусульманского Востока. Тут много зелени и цветов, преимущественно красных гладиолей; все главные улицы обсажены деревьями "джаканда", которые в эту пору были в полном цвету. Множество старинных мечетей, обычно окруженных

уютными садиками и высокими пальмами, над пышными кронами которых устремляются в голубую высь изящные, тонкие как стрелы минареты. Из этих мечетей особенно замечательна так называемая Аль-Азхар, построенная в десятом столетии, она окружена целым лесом колонн, но есть одна еще более древняя, это "Ахмед Ибн-Тулун", являющаяся повторением замечательного храма Каабы в Мекке.

Но особое богатство впечатлений дал мне изумительный Египетский музей, куда мы отправились позавтракав в прекрасном ресторане на берегу Нила.

По своему величию и несметному количеству уникальных экспонатов этот музей является единственным в мире. Все сокровища и бесценные раритеты египетской древности, найденные в пирамидах, гробницах фараонов и при всевозможных раскопках, привезены сюда. В это огромное здание входишь как в священный и таинственный храм и сразу вас охватывает чувство мистического благоговения перед величием этой древнейшей в истории человечества культуры.

В трехэтажном здании музея бесчисленное количество залов, галлерей и комнат, заполненных экспонатами. Чтобы всё это как следует осмотреть, нужен не один день, но и то что мы успели увидеть буквально не поддается описанию.

Множество древних саркофагов изумительной работы стоят на особых возвышениях; вдоль стен — изваяния фараонов, их жен и других персонажей египетской древности, сделанные из камня, мрамора и алебастра, есть даже одна двухфутовая фигура, отлитая из чистого золота. Конечно, бесчисленное количество мумий, есть засохшие звери, птицы и растения, даже образцы пищи, которую оставляли в пирамидах для усопших фараонов, в том числе лежит под стеклянным колпаком ягненок, найденный в гробнице Тутанкамона. Тут же, под стеклом, золотые изваяния пальцев этого фараона, которые, в силу какого-то таинственного ритуала, делались ежегодно, пока он царствовал. Несколько комнат заняты всевозможной древней утварью и предметами быта. Есть богатейшая коллекция египетских

денег, начиная от самых древнейших; бесчисленное количество золотых, серебряных и бронзовых изделий, драгоценных камней и иных украшений, принадлежавших фараонам и их женам. Словом, всего не перечесть...

Стоит упомянуть, что за последние годы этот музей значительно пополнился бесценными коллекциями, принадлежавшими королю Фаруку и множеством находок, сделанных при постройке Асуанской плотины. Всё что я здесь видела, дает яркое и полное представление о высоте и своеобразии древней культуры Египта и позволяет проникнуть духовным взором в это таинственное, обессмертившее себя прошлое. Современные арабы недаром гордятся этим музеем и чтут его как святыню.

Затем мы совершили еще одну очень интересную экскурсию: переехали по мосту через Нил и попали в смежный город Гиза, находящийся на краю Ливийской пустыни. Возле него расположены знаменитые пирамиды, — самую крупную из них, пирамиду Хеопса, которая имеет в высоту почти сто-пятьдесят метров, мы увидели едва выехав на главную улицу города. Эта громада, пережившая уже пять тысячелетий, производит на зрителя воистину величественное впечатление. Вход в ее недра открывается на высоте пятидесяти метров, но там уже ничего интересного не осталось, всё перевезено в музей.

Немного поодаль высится пирамида фараона Хефрена, почти такой же величины, как и первая, а возле нее стоит колоссальный сфинкс (длина почти шестьдесят метров и вышина — двадцать). Третья в этой группе, пирамида Микрена, стоит дальше, она значительно меньше двух первых. Поблизости есть еще несколько маленьких пирамид и другие остатки древности, — развалины храмов, гробницы и пр., всё это археологи постепенно откапывают.

Возле пирамид курортно-туристическое местечко, отели, рестораны, продажа сувениров и т. п. Можно взять напрокат верблюдов для прогулки по окрестностям. Все мы усиленно фотографировались возле пирамид, сфинкса и взгромоздившись на верблюдов.

По возвращении в Каир успели еще осмотреть старинную мечеть Магомета-Али и парфюмерную фабрику, где я купила флакончик очень хороших духов "Секрет пустыни".

Потом мы уселись в автобусы и направились к Суэцкому каналу, на берегу которого немного отдохнули в кафэ, стоящем посреди большого и красивого сада. Отсюда мы увидели в канале наш пароход "Оронсей". Как я узнала от проводника, через канал ежедневно проходит до пятидесяти судов, поэтому иной раз им приходится ожидать очереди на пропуск. Длина канала 170 километров, путь по нему нормально занимает 15-17 часов, а плата за проход взымается с пароходов в зависимости от их тоннажа. Она очень высока: наш "Оронсей", имеющий 28.000 тонн водоизмещения, уплатил около двадцати тысяч долларов.

Далее наша дорога шла вдоль канала, на север. Километров двадцать тянулись сплошные, безрадостные пески, потом начались фруктовые сады, среди которых ютился город Исмаилия, находящийся на полпути между Суэцом и Порт-Саидом. Сюда выходит идущий от Нила канал пресной воды, которой совершенно нет на Суэцком перешейке. Этот канал имеет длину 180 клм, при ширине в 17 метров, он обеспечивает возможность жизни и даже садоводства в этой пустынной местности, а также снабжение водой проходящих по каналу пароходов.

По выезде из Исмаилии снова началась песчаная пустыня, но вскоре слева от нас показалось огромное, но мелководное озеро, до того соленое, что берега его были совершенно белы от соли, которую арабы собирали лопатами в мешки, — ее тут достаточно, чтобы обеспечить всё население Египта. Дальнейший наш путь, — несколько десятков километров, — почти все время шел по узкой полосе между этими солеными берегами и Суэцким каналом.

Уже недалеко от Порт-Саида мы снова увидели "Оронсей", который медленно двигался по каналу, — последний с берега казался совсем узким, хотя ширина его 120 метров. Наши автобусы остановились, с парохо-

да их заметили и приветствовали громкими гудками, на которые дружным концертом гудков ответили и наши шоферы. Палуба парохода покрылась высыпавшими наверх пассажирами, а мы побежали к берегу и принялись эту картину фотографировать.

В Порт-Саид мы приехали уже поздно вечером. Нашего парохода тут еще не было и нас накормили отличным ужином в ресторане, на пристани. Наконец в десять часов вечера подошел "Оронсей", за время долгого путешествия сделавшийся для нас как бы родным домом, и мы, полные незабываемых впечатлений этого дня, поднялись на его палубу. Здесь для нас был приготовлен кофе и закуски, так как капитан думал, что мы будем голодны как волки. Но он ошибся, — арабы, во время поездки по их территории, кормили нас как на убой. Вообще они к нам относились очень внимательно и дружелюбно. Встречные радостно улыбались, когда на их приветствие "селям-малик" я отвечала традиционным "улики-селям", что мне было известно еще с детства.

---

22. ЮГ ЕВРОПЫ

Далее мы поплыли по Средиземному морю и через три дня, примерно в середине мая, были в Неаполе.

Тут каждый турист получил свободу действий: можно было остаться на пароходе и продолжать плавание по его маршруту, или же сойти в любом попутном порту и путешествовать по Европе самостоятельно в течение двух месяцев, а потом снова сесть на "Оронсей" в условленном месте и на нем возвратиться в Америку.

Я решила избрать второй вариант, оставила свой багаж на пароходе и взяв лишь небольшой чемодан с самыми необходимыми вещами, сошла на берег в Неаполе.

Этот живописный город расположен амфитеатром на берегу залива, почти у подножия Везувия. Тут есть на что посмотреть, — много интересных музеев, старинные дворцы, красивые бульвары и парки. Но наряду с этим, — особенно в старой части города, примыкающей к порту, — на каждом шагу можно увидеть вопиющую неблагоустроенность и бедность. Более подробно описывать Неаполь не стоит, — он слишком хорошо известен каждому, если не по личному знакомству, то по обильным литературным материалам, фотографиям и картинам.

Оттуда я отправилась на остров Капри, расположенный у входа в Неаполитанский залив. По пути, на пароходике познакомилась с семьей очень симпатичного доктора американца, и по прибытии мы, наняв такси, вместе поехали осматривать остров. Он очень живописен, горист и покрыт яркой субтропической зеленью. среди которой ютятся роскошные виллы. К морю спадают скалистые обрывы, под которыми есть красивейшие гроты и пещеры, с моря в них можно заезжать на

лодках. Наверх дорога поднимается серпантином, причем на каждом повороте открываются замечательные виды на море, горы и растилающиеся по их склонам сады и виноградники. Капри невелик, — всего десять кв. километров, — за день мы исколесили его вдоль и поперек, а вечером возвратились в Неаполь.

На следующий день я поездом выехала на восточное побережье Италии, в город Бриндизи, расположенный на берегу Адриатического моря. Город небольшой, но уютный и чистый, с красивой набережной, садиками и фонтанами. Ничего особенно достопримечательного здесь нет, кроме старинной крепости и собора, но как сам город, так и его зеленые окрестности навевают какое-то тихое умиротворение и чем-то неуловимым напоминают Россию.

***

Тут я купила себе билет на греческий пароход "Игнатия", который на следующий день вышел в море, направляясь в Патрас. Там нас уже ожидали автобусы, на которых мы поздно ночью приехали в Афины, миновав по пути около десятка других греческих городов. Было воскресенье, на улицах всюду толпился празднично одетый и веселящийся народ, который встречал нас, иностранных туристов, приветливо и радушно.

На пароходе из Бриндизи я познакомилась с одной молодой индуской, по имени Урмила Упадайа, родом из Непала, где ее отец, получивший прекрасное образование в Европе, был профессором университета. Сама она училась в парижской академии художеств и в этом году решила провести свои каникулы в Греции, на родине античных искусств. Приехав ночью в Афины, мы смогли получить в отеле только одну комнату и поселились вместе. Этим определилось и дальнейшее: всю следующую неделю мы были неразлучны и все достопримечательности древней Эллады осматривали совместно.

У Урмилы было с собой письмо от ее отца к греческому министру просвещения и культуры, с которым он был связан узами многолетней дружбы, и я согласилась

на ее уговоры — отправиться к нему вместе с нею. Министр нас принял очень сердечно и пришел в неподдельный восторг от рисунков и графических работ Урмилы, которые она привезла с собой. Они действительно были великолепны. По ее предложению, он выбрал себе одну из гравюр, а другую взял для афинского музея.

Потом мы вместе осматривали Афины. Самое замечательное в них это стоящий на горе Акрополь, в древности служивший крепостью и сердцем города, подобно московскому Кремлю. Тут были сосредоточены самые великолепные храмы, театры и общественные здания, сейчас от всего этого остались только руины, но и они производят величественное впечатление и наглядно показывают — на какой высоте стояли древне-эллинское зодчество и скульптура.

Самым изумительным из этих строений является Парфенон, громадный храм богини Афины, постройкой и украшением которого руководил гениальный греческий скульптор Фидий. Окружающая этот храм грандиозная колоннада (диаметр колонн около двух метров, а высота одиннадцать) стоит и до сих пор, но внутри почти ничего не осталось, — все его былое богатейшее убранство, скульптуры и большая часть отделки давно уничтожены, разграблены или разошлись по музеям.

Этому храму, который справедливо считается непревзойденным образцом древне-эллинского зодчества, за свою историю пришлось неоднократно пострадать. Когда в Греции утвердилось христианство, из него выбросили все что относилось к язычеству и переделали в христианскую церковь. Затем его разграбили крестоносцы, а еще позже турки обратили в мечеть. Наконец, во второй половине 17-го века и самое здание взорвали венецианцы, осаждавшие город, — уцелели только колонны, их перекрытия и часть сводов. После этого местные жители начали растаскивать из Парфенона камни на свои постройки и только в прошлом столетии греческое правительство положило этому варварству конец и объявило зону Акрополя национальным заповедником. Ныне кое-что там реставрировано, в частности арена у подножия горы, где в древности происхо-



Афины, в Акрополе

дили спортивные состязания и игры, а сейчас там устраивают по праздникам концерты.

Есть тут и музей со множеством интереснейших экспонатов, мы его, конечно, осмотрели. Особенное впечатление своим совершенством производит греческая скульптура, с нею не может сравниться ни одна иная в мире. Женские фигуры тут полны изящества, грации и очарования, в мужских видны сила и мужество, идеально отработан каждый мускул, — так и кажется, что эти фигуры сейчас оживут!

Главной святыней Парфенона была громадная (восемь метров высоты) статуя богини Афины, работы Фидия, сплошь облицованная золотом и слоновой костью. После утверждения в Греции христианства, она бесследно исчезла, — полагали, что подобно многим другим бесценным памятникам древнего искусства, ее уничтожили религиозные фанатики. К счастью это оказалось не так, — недавно статую нашли при ремонте одной из афинских улиц. Драгоценной отделки на ней уже не было, но ее реставрировали бронзой и золотом, после чего она была поставлена в Парфенон, а ее трехфутовая копия-миниатюра находится в музее.

По ночам Акрополь освещается разноцветными прожекторами, что создает замечательно красивое зрелище. Вообще Афины очень красивый и живописный город. За неделю я осмотрела в нем всё самое интересное, сделала массу удачных снимков, после чего простилась с Урмилой и поездом выехала в Югославию.

***

На границе пассажиров пересадили в югославский поезд и после приветливой Греции мы сразу окунулись в совершенно иную атмосферу. Прежде всего бросилось в глаза враждебное отношение югославов к грекам. С ними обращались высокомерно и грубо, затевая ссоры и казалось, готовы были повыбрасывать их из поезда. Я старалась держаться в стороне, не вслушиваясь в эти пререкания и в классическую сербскую ругань, глядела в окно на зеленеющие леса и поля, покрытые красными

маками, и с грустью думала: откуда столько злобы и ненависти в душе у людей, живущих среди такой прекрасной природы?

В Белград поезд пришел глубокой ночью, с трехчасовым опозданием. Шел дождь, вокзал скоро закрыли, бесцеремонно выгнав из него публику, такси не было и мне пришлось пешком идти с чемоданом в город, искать отель. Обошла их несколько, — свободных комнат нигде не оказалось, всё было переполнено, т. к. в Белграде происходил какой-то коммунистический съезд. От моих друзей в Америке я получила перед отъездом адрес их родственников, проживающих здесь, беспокоить их в два часа ночи мне не хотелось, но иного выхода не было. К счастью удалось остановить проезжавшее мимо такси и я отправилась к ним. Это были очень милые и радушные люди, — семья одного полковника, — они не удивились моему появлению, так как были уже предупреждены, что я приеду. Приняли меня гостеприимно и сердечно, будто давно знали. Прожила я у них два дня, за это время они мне показали немногочисленные достопримечательности города, затем я простилась с ними и поехала в хорватскую столицу Загреб.

Этот город мне больше понравился. Очевидно в прежние времена он был еще лучше и благоустроенней, а сейчас на нем лежал тяжелый отпечаток "народной" власти. Так, например, на вокзале была в действии всего одна уборная, общая для мужчин и для женщин, а возле нее стояла громадная очередь. В вокзальном буфете мне удалось только выпить чаю, — больше ничего не было. Взяла такси и поехала по адресу, который дал мне в Белграде полковник — в Загребе проживал его престарелый дядя с женой, имеющий собственный дом. Приехав на место, я подумала что ошиблась адресом: это был ветхий и убогий домишко, видимо не ремонтировавшийся со дня постройки. Однако старик и старушка, которых я искала, оказались тут. Они ютились в одной комнате, остальные были заняты вселенными сюда жильцами, причем хозяева этого "собственного дома" не только не получали с них квартирной

платы, но и сами за свою комнату вынуждены были платить, — всё шло государству. Никаких средств существования у стариков не было и жили они тем, что незаконно продавали стаканами дешевое вино. У них часто устраивали обыски, — последний был за несколько часов до моего приезда.

Я на целый день ушла осматривать город, вечером вернулась, помогла несчастным старикам деньгами, взяла свой чемодан и выехала поездом в Венецию.

По пути мне пришлось наблюдать еще одну сцену, возможную только в "счастливых странах победившего социализма": перед итальянской границей в наше купе вошла молодая женщина в форме, видимо таможенница, но более похожая на комиссаршу. Она спросила у меня по-русски — везу ли я с собой югославские динары и сколько? Я ответила, что везу доллары, а динары мне не нужны. Меня после этого она оставила в покое, но в купе были еще три сербки, ехавшие к родственникам в Триест. "Комиссарша" приказала им открыть чемоданы, перевернула тщательнейшим образом всё их немудрёное содержимое, потом вытащила нож, отпорола у чемоданов подкладку, а стенки, дно и крышку в нескольких местах насквозь проткнула ножем; в одном из чемоданов был хлеб, — она раскрошила его на мелкие кусочки, потом взяла с собою всех трех женщин и увела их в соседнее купе. Там они оставались минут двадцать, затем возвратились бледные, с судорожно трясущимися руками и молча сели на свои места. Только в Триесте, когда мы пересели в итальянский поезд, они мне рассказали, какому унизительному обыску их подвергла "комиссарша", раздев предварительно догола.

Одна из этих женщин, дрожа от возмущения, спросила меня — есть ли еще на свете такая страна, как нынешняя Югославия? Я ответила, что есть, и мысленно ещ раз поблагодарила Бога, за то, что я из этой страны давно выбралась и живу в свободном мире.

23. ВЕНЕЦИЯ И РИМ

Венеция меня положительно очаровала, — этот единственный в мире город совершенно не похож на другие. Такси тут не нужны, — вместо них гондолы и моторные лодки, т. к. улицами служат каналы, а пешком можно ходить только по узким проходам и по мостам, переброшенным через эти каналы. Таких мостов в Венеции около четырехсот, все они своеобразно красивы. Особенно замечателен мост "Понте Риальти", построенный еще в 16 веке через так называемый Большой канал, делящий город на две части. Вдоль этого канала тянутся великолепные старинные дворцы, пост-



Венеция, на площади св. Марка



Венеция, дворец дожей

роенные на сваях. Но немало их и в других местах, на более узких каналах, протекающих между множеством прибрежных островов, на которых стоит Венеция. Таких каналов тут многие сотни.

Замечательна площадь св. Марка, на которой стоит знаменитый собор того же имени, построенный еще в десятом столетии. Он изумительно богато орнаментирован и украшен великолепной мозаикой, а над порта-

лом высятся четыре конских статуи. На этой же площади находится дворец дожей, величественное старинное здание бесподобной архитектуры. В нем сейчас помещается богатейшее собрание картин самых знаменитых итальянских мастеров, а также исторический музей. Напротив этого дворца стоит другой, тоже старинный и очень красивый, в нем городская библиотека. На площади невероятное количество ручных голубей и обычно много гуляющего народа и туристов.

По количеству старинных дворцов, церквей, памятников старины и всевозможных произведений искусства, с Венецией могут потягаться лишь немногие города мира. Всё здесь красиво и оригинально. Отрадно и то, что несмотря на веянья современности, в Венеции сохраняются многие красивые обычаи и традиции прошлого. Так, например, по каналам, наряду с моторными лодками, ходят старинные гондолы и гондольеры поют как оперные певцы.

Я пробыла тут пять дней, перед отъездом осмотрела еще знаменитую фабрику дутого венецианского стекла, "Мурано Навагеро" и затем уехала в Рим.

* * *

Тут, едва устроившись в отеле, я сейчас же взяла туристический автобус и отправилась осматривать достопримечательности "вечного города". Их тут такое количество, что для ознакомления со всеми не хватило бы и месяца, поэтому мы вынуждены были ограничиться лишь тем, что гиды считали самым главным и интересным.

Прежде всего нас привезли в храм св. Иоанна Крестителя, вероятно просто потому, что он находился первым на линии нашего маршрута. Этот храм построен сравнительно "недавно", — в 14 веке, но украшен изумительными фресками, статуями и живописью знаменитых итальянских мастеров.

Затем мы осмотрели катакомбы первых христиан. Освещая себе путь свечами, ходили по длинным и мрач-

ным подземным коридорам, было немного жутко, особенно когда в расположенных по бокам нишах виднелись кости древних мучеников за веру и в воображении невольно возникали кровавые сцены того жестокого века... Впрочем, жестокости нашего века едва ли уступают римским по качеству и стократ превосходят их по количеству.

Выбравшись из катакомб, мы отправились в базилику св. апостола Павла, построенную над его гробницей в 4 веке, — конечно, позже она была перестроена. И снаружи и внутри ее украшает множество мраморных колонн.

Следующим этапом нашей экскурсии был Колизей, где некогда травили зверями христиан, устраивали бои гладиаторов и т. п. Это самое грандиозное строение древнего мира, его диаметр достигает почти двухсот метров, а высота стен пятидесяти, вмещало оно девяносто тысяч зрителей. Колизей был построен в первом веке нашей эры и всякого рода зрелища в нем устраивались до начала 14 века, после чего здание оказалось заброшенным и жители Рима начали пользоваться им как каменоломней, постепенно разрушая и растаскивая камни на свои постройки. По счастью довольно скоро власти это запретили и даже кое-что реставрировали, так что сейчас Колизей с внешней стороны выглядит довольно хорошо сохранившимся. Мы сначала объехали его кругом, потом вышли на огромную арену, где в свое время было пролито столько крови для развлечения публики. Гид показал нам альбом с многочисленными рисунками в красках, где были изображены все эти развлечения и игры.

В Риме множество интересных музеев. Я начала с ватиканского, куда отправилась на следующее утро. Ватикан, как известно, независимое государство, самое маленькое в мире: пол кв. километра поверхности и тысяча человек жителей. У входа в ворота стояли два папских гвардейца в красочных костюмах и вооруженные... алебардами.

Музей помещается в знаменитом Бельведерском дворце, примыкающем к дворцу папы. Мы поднялись

туда в большом лифте и сразу же попали в мир бесценных исторических и художественных сокровищ. Тут собраны сотни самых замечательных скульптур античного мира, среди них знаменитая статуя Аполлона, не менее знаменитый "Лаокоон", есть работы Фидия и Праксителя, и всех иных гениальных ваятелей древности. Множество древних алтарей и саркофагов, в их числе саркофаг святой Елены, сделанный и красного порфира.

В картинной галлерее — произведения Рафаэля, Веронезе, Тициана и шедевры всех иных великих итальянских живописцев. Тут же стоят бюсты и статуи почти всех римских императоров. В одной из комнат я видела большую, во всю стену, картину польского художника Матейко, изображающую короля Яна Собеского на коне, перед войском.

Есть несколько комнат фресок, комната древних папирусов, комната находок, сделанных в катакомбах, восьмиугольная зала Муз, зала античной утвари, богатейшая коллекция монет, зала подарков полученных папами от глав различных государств, в их числе и от императора Николая Второго чудесное распятие. Есть комнаты посвященные отдельным лицам и их эпохам, например Нерону, папе Александру Борджия и т. д. Множество священных предметов, драгоценностей, оружия, ковров и гобеленов, словом всего немыслимо перечислить, — это один из самых обширных и богатых музеев мира. Тут же, в этом дворце, — ватиканская библиотека, в которой помимо десятков тысяч редчайших книг, хранится около тридцати тысяч древних и средневековых рукописей, в своем большинстве уникальных. Немало исторических сокровищ хранится и в ватиканском архиве, в который нет доступа простым смертным.

Я, как очарованная бродила по этому музею-дворцу, не в силах оторвать взора от гениальных творений, которые пережили многие века не утратив ни одухотворенной прелести своей, ни свежести красок, и в конце концов заблудилась в бесчисленных залах и галлереях, так что проводник еле отыскал меня. Пробыв тут полдня, ушла, унося с собой чувство непередаваемого во-

сторга и вместе с тем сожаления, что не могу тут остаться по крайней мере на месяц, чтобы как следует осмотреть всю эту несравненную сокровищницу искусства.

Из музея мы направились в прославленную Сикстинскую капеллу, домовую церковь римского папы. Она замечательна своими фресками и росписью. Над алтарем, во всю стену громадная картина Микель- Анджело, изображающая сцену Страшного Суда. Этим же гениальным художником расписан весь потолок. На правой стене — картины из жизни Христа, на левой — из жизни Моисея, над входной дверью — Адам и Ева в раю, всё это произведения первоклассных итальянских мастеров, в том числе Рафаэля и Перуджино. Выше, в простенках между окнами, портреты нескольких десятков пап, работы Ботичелли.

На следующий день я съездила в городок Тиволи, находящийся в двадцати пяти километрах от Рима. Тут тоже много древностей. Самое интересное — руины замка, построенного в 15 веке папой Пием Вторым, они находятся за городом, у леса, а в самом городе замок-дворец эпохи Возрождения, он одно время принадлежал Лукреции Борджиа. С его балкона открывается вид на великолепный городской сад, вернее парк, со множеством фонтанов и небольших водопадов. В нем целая сеть расходящихся по всем направлениям аллей и без проводника легко заблудиться. Этот сад один из самых прекрасных в Европе.

Осмотрела я и римский Пантеон, построенный за 27 лет до РХ, но отлично сохранившийся. Это величественное и очень красивое круглое здание с колоннами. В нем, в числе других знаменитых людей Италии, покоятся останки Рафаэля, под статуей Мадонны всегда украшенной живыми цветами.

Потом я ездила по всему городу, осматривала бесчисленные старинные дворцы, памятники, фонтаны, сады и мосты, один из которых построен более тысячи лет тому назад, но по нем еще ходят и ездят. Видала я много других достопримечательностей, в том числе коконну Трояна, пирамиду Кая Цестия, старинные арки,

построенные еще при римских императорах, площадь и дворец Квиринала, сад Наполеона, где по бокам аллей стоят мраморные бюсты знаменитых людей науки и искусства, и под конец выехала к замку св. Ангела. Отсюда было недалеко до Ватикана и я снова поехала туда, чтобы осмотреть собор св. Петра.

Это самый грандиозный храм мира, его размеры поистине колоссальны: 190 метров в длину, 140 в ширину, а в высоту, под главным куполом около ста двадцати, — тут внутри свободно поместилась бы колокольня Ивана Великого! О красоте этого храма говорить не стоит, достаточно напомнить, что его постройкой руководил Рафаэль, а позже Микель Анджело, по расчетам которого был сделан и главный купол, по тому времени чудо строительного искусства. Всё внутреннее убранство, роспись и украшения великолепны, — всё это сделано руками величайших мастеров Италии. В этом соборе стоит гробница апостола Петра.

Когда я закончила осмотр храма и вышла на площадь того же имени, окруженную великолепной круглой колоннадой, тут толпились тысячи людей, ожидая благословения папы. Через некоторое время он показался в одном из окон своего дворца, при этом все находившиеся на площади сразу спустились на колени. Папа через рупор произнес несколько слов приветствия, затем прочел короткую молитву и благословив толпу удалился, под песнопения соборного хора.

Дни проведенные здесь оставили у меня самое лучшее впечатление. Рим очаровал меня не только несравненными историческими памятниками и произведениями искусства, но и своим общим, современным обликом, идеальной чистотой и порядком. Приятно было увидеть и то, что вопреки разлагающему влиянию всяких новых идей, итальянцы все же чтут свое прошлое, с уважением относятся к святыням и соблюдают многие старые традиции.

---

24. СРЕДИЗЕМНОМОРСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ И ОСТРОВ МАЙОРКА

Покончив с осмотром Рима, я выехала в Испанию, взяв билет на поезд идущий по берегу Средиземного моря, через Францию, до Барселоны.

Проезжая через город Пизу, я хорошо видела тут знаменитую "падающую башню". Дальше дорога все время шла гористым берегом моря, по итальянской и французской Ривьере, через Геную и целый ряд фешенебельных, всемирно известных курортов, живописно ютящихся среди лесов и гор, изрезанных ущельями, через которые переброшены изящные мосты. Виды тут настолько захватывающе красивые, что иногда с трудом веришь что это действительность, а не сказка. Проехали через крошечное княжество Монако, расположенное на высокой скале над морем, — открывающийся отсюда вид не поддается никакому описанию! Миновав Ниццу, по Лазурному берегу и дальше ехали уже ночью. Курортные городки, виллы рассыпанные по склонам гор, а на море корабли и лодки светились мириадами разноцветных огней, — зрелище было поистине фантастическое.

Рано утром приехали в Порт-Боу, на границе, и пересели в испанский поезд. Вскоре он начал нырять, с короткими промежутками, в длинные тунели, — мы проезжали цепь Пиринейских гор, — затем началась равнина, мимо мелькали поля, сады, виноградники и огороды, и к полудню наш поезд прибыл в Барселону.

Это какой-то странный, двуликий город: несомненная красота общего облика, садов, парков и многих строений, совмещается с бьющей в глаза неряшливостью. Улицы грязны и захламлены всевозможным мусором, вдобавок от порта и каналов идет невыносимое

зловоние. Я тут пробыла всего два дня, а на третий отправилась пароходом на остров Майорку, расположенный в двухстах-пятидесяти километрах от Барселоны.

**
*

На Майорке главный город Пальма. Приехав сюда, я устроилась в пансионе и не теряя времени отправилась на туристическом автобусе осматривать остров. Он довольно велик, — 3.500 кв. километров, и имеет около полумиллиона постоянных жителей.

Вначале мы ехали по сравнительно ровной местности, среди миндальных и оливковых плантаций, потом начали подниматься в горы и наконец, извивающимися зигзагами и петлями, дорога вывела нас на самую вершину, откуда открывались великолепные виды на море и остров. Налюбовавшись этим волшебным зрелищем, мы лесной дорогой спустились вниз, к самому пляжу по другую сторону горы. Здесь нас пересадили в моторные лодки и повезли обедать в ближайший курортный городок. Обратно снова ехали автобусами, но другой дорогой, осматривая по пути достопримечательности острова: в городке Алькудиа видели руины каких-то римских сооружений еще до-христианской эпохи; в селении Сельва любовались народными танцами, очевидно организованными специально для нас; в городе Инка осматривали фабрику кожаных изделий, которыми славится Майорка. В Пальму вернулись поздно вечером, усталые и полные новых впечатлений.

На следующий день мы поехали уже в другом направлении. Миновали селение Монтуире, где на горе еще сохранились какие-то остатки храма Юпитера, построенного римлянами в языческие времена. Дальше дорога шла живописными полями усыпанными красными маками, они перемежались с бахчами, виноградниками, полосами золотящейся пшеницы и апельсиновыми садами. На Майорке идеальный климат, в год тут снимают три урожая овощей, а миндаль и оливы в большом количестве экспортируются. На месте тоже производят оливковое и миндальное масла.

Проехав эту равнину, мы снова углубились в горы

и вскоре остановились перед входом в пещеру, которая находится на глубине двадцатипяти метров. Спустились вниз, — сталактитовый грот был красиво освещен лампочками, но со всех сторон капало, и было очень сыро, поэтому мы там долго не задерживались и выбравшись на поверхность поехали обедать на ближайший пляж Порто-Кристо.

Отдохнув там немного, отправились осматривать другую, так называемую Драхову пещеру, находящуюся на такой же глубине, но по размерам гораздо более обширную. Эта пещера является одной из главных достопримечательностей острова.

Более километра мы шли по подземному проходу, среди сталактитов и сталагмитов самых причудливых форм, эффектно освещенных искусно скрытыми разноцветными лампами. Дорога виляла то вправо, то влево, то вверх, то вниз и наконец вывела нас в огромную пещеру, вернее целую подземную долину, к извилистому берегу озера, над которым всюду нависали в самом причудливом великолепии сталактиты всевозможных размеров и форм. Всё это было освещено множеством разноцветных электрических ламп, скрытых среди сталактитов и в озере, под водой, — зрелище это было феерически красиво. С чувством почти благоговейного восторга мы любовались им, усевшись на стоявшие здесь деревянные скамейки, на которых хватило бы места на добрую тысячу человек.

Но нас ожидал еще новый сюрприз: неожиданно погас свет и в наступившей темноте и тишине издали послышались чарующие звуки музыки Шопена, — играли скрипка, виолончель и кларнет. Затем в дальнем конце озера показались три лодки, ярко иллюминированные разноцветными лампочками, — с музыкой они медленно проплыли мимо нас и скрылись за какой-то извилиной озера. В пещере снова вспыхнул свет, но минуты чрез две опять погас и те же лодки показались с другой стороны, на этот раз музыканты исполняли мелодию Шуберта. Это было до того красиво, что мы сидели как зачарованные и начали приходить в себя не

сразу после того как лодки скрылись и пещера опять осветилась прежним, сказочным светом.

Потом всех туристов усадили в большие лодки, по восемнадцать человек в каждую, и перевезли на противоположный берег этого подземного озера. Оттуда вела наверх узенькая лестница, имеющая больше восьмидесяти ступеней, — поднявшись по ней, мы через железные ворота вышли наружу, возле проходившей среди леса дороги, на которой нас уже ожидали автобусы. На обратном пути еще заехали в город Манакор, где осмотрели фабрику искусственного жемчуга.

Возвращаясь в Пальму, под впечатлением всего виденного, я думала: как искусно умеют иностранцы "подать" туристам свои достопримечательности и красоты! И какие несметные миллионы на этом наживают! А о подобных сокровищах нашей великолепной России заграницей почти никто не знал. При некоторых организационных способностях и элементарном уважении к своей стране, во что можно было бы превратить такие места как Крым, Кавказское побережье, Аббас-Туман, Боржом и другие горные источники минеральных вод, Урал с его дикой прелестью, где есть пещеры ничуть не уступающие этой, и множество других подобных мест. Но у нас их не ценили и сами ездили отдыхать на ту же Майорку или на французскую Ривьеру...

На другой день я поехала с экскурсией в знаменитый картезианский монастырь в Вальдемосе, где в 1838 году жил Шопен, вместе с Жорж Занд и двумя ее детьми. Он давал тут концерты и местные жители были от его музыки в восторге, но в то время здесь царили сугубо патриархальные нравы, и экстравагантные манеры Жорж Занд, — которая ходила в мужском костюме и открыто курила, — настолько шокировали публику, что она начала бойкотировать эти концерты и относиться враждебно к подруге великого композитора. Шопена это так нервировало, что однажды он внезапно собрался и уехал вместе с нею в Париж, в спешке оставив тут часть своих вещей. Некоторое время спустя, пароходом пришел заказанный им до отъезда рояль, — местные



О-в Майорка, возле дома, где жил Шопен

власти его выкупили и оставили на острове, в качестве реликвии.

В монастыре три комнаты, которые он занимал, превращены в своего рода музей, мы его осмотрели. Тут на стене висит большой портрет Жорж Занд (в строгом черном платье), стоит этот рояль и пианино, на котором играл Шопен, его бюст и оставленная им скрипка, часть его переписки с матерью и еще кое-какие мелочи. Под стеклом лежат его руки, отлитые из гипса по слепку снятому после смерти.

В Вальдемосе для туристов было организовано празднество, — местные жители пели и танцевали в своих национальных костюмах. По пути назад, осмотрели музей кустарных народных изделий, потом проехали целый ряд курортных местечек, останавливались в двух мавританских садах, которые бережно охраняются в своем первоначальном виде. Они очень красивы и оригинальны, — очаровательные тенистые аллеи, арки перевитые плющем, тропические растения, а среди вековых

деревьев и пальм живописные родники, из которых, ниспадая, струится по камням вода. Далее мы проехали место, где дорога невероятно извилиста, — на сравнительно коротком расстоянии шестьдесят два зигзагообразных поворота, — и поздно вечером вернулись домой.

На этом осмотр острова был закончен. Майорка — это поистине чудесное место, тут гармонически сочетаются красота природы, отличный климат, целительно-чистый воздух, лазурное море, живописные горы, обилие зелени и цветов и сверх того — дешевая жизнь. Люди съезжаются сюда на отдых изо всех стран мира и тут можно услышать и вести разговор на любом европейском языке. Мне было искренне жаль покидать этот райский уголок, но надо было ехать дальше.

В Испании меня больше всего влекла солнечная Андалузия и я отправилась туда пароходом, ночью отходившим на Валенсию, — до нее отсюда приблизительно такое же расстояние, как и до Барселоны. Чистенькая и опрятная Валенсия произвела на меня хорошее впечатление, но я тут не задержалась и сейчас же взяла автобус идущий в Севилью, до которой надо было ехать более семисот километров.

---

25. СЕВИЛЬЯ

К сожалению, шофер поехал не по той дороге, которая идет берегом моря, а по более короткой, через Альбасете и Кордову. Она была в отвратительном состоянии, но шла, извиваясь, по очень живописной местности, вначале среди садов, виноградников и оливковых плантаций, которые превращали эту дорогу в подобие аллеи. Потом ехали горами, среди которых кое-где виднелись руины древних крепостей и замков. На перевале, возвышавшемся на 1700 метров над уровнем моря, ощущался изрядный холод, тут не было почти никакой растительности, вокруг виднелись только скалы и каменистые склоны гор. В Севилью мы приехали поздно ночью.

С остановки автобуса я ехала на такси по освещенному ночными огнями городу. Мимо меня то и дело мелькали здания мавританского стиля, темнеющие сады, фонтаны, изящные силуэты пальм, — всё это было так своеобразно и очаровательно-уютно, что Севилья сразу покорила мое сердце и я тут осталась на целый месяц, наняв комнату в старой, наиболее интересной части города, возле самого Гвадалквивира.

Трудно описать всё что я видела и перечувствовала в этом столь оригинальном, как бы законсервировавшем андалузскую старину городе, где от арабских времен еще осталось столько сказочно прекрасных дворцов, отделанных изящными как кружево арабесками и непревзойденной по красоте мозаикой, которая отлично сохранила свои цвета. Она видна повсюду, — во дворцах и в домах, снаружи и внутри, в порталах и на колоннах, на стенах, полах, лестницах и скамьях, ею же с изумительным вкусом украшены сады и бесчисленные фонтаны. А как прелестна архитектура этих мавританских домов, с круглыми, сплошь выложенными мозаи-

кой двориками и обязательным фонтаном посредине; с узорчатыми "висячими" балконами на верхних этажах, заросших плющем, а во дворцах и с чудными, полными грации статуями, стоящими на возвышениях и в стенных нишах. Особенно много их во дворце Гусманов, построенном в 16 веке.

Но самый величественный, поистине сказочный дворец это Альказар, построенный маврами еще в тринадцатом столетии и после освобождения Испании ставший резиденцией кастильских королей.

Он стоит в древней крепости того же названия, за высокой каменной стеной и окружен огромным парком. Его композиция выдержана в строго восточном духе: несколько внутренних двориков-"патио", а вокруг них расположены многочисленные и связанные между собой залы, комнаты и галлереи. Всё это обильно изукрашено мозаикой и цветным орнаментом. Здание и снаружи и внутри, — во двориках, — имеет множество мраморных и мозаичных колонн, капители которых покрыты ажурной вязью разноцветных, с золотом, арабесок, так же как и стены фасада, над арочным порталом. Внутренние "патио" восхитительны по отделке: полы сплошь выложены мозаикой непередаваемой красоты, так же как и традиционные фонтаны посредине, а самый большой из этих внутренних дворов украшен пятюдесятью-двумя статуями.

Самое прекрасное из внутренних помещий дворца это "зал посланников", где происходили приемы иностранных послов и высокопоставленных гостей. Он изумителен по мастерству и великолепию. Вход в виде мраморной арки: высокий куполообразный потолок покрыт бронзовой сетчатой решеткой, в которую вставлены цветные витражи. По карнизу вокруг всего купола идет золотой орнамент в виде длинных, устремленных кверху зубцов-лучей, всё это придает потолку вид солнечного сияния. Я долго стояла здесь как зачарованная, любуясь этим блестящим воплощением художественной фантазии гениального строителя-араба.

Затем мы прошли в комнаты, где помещался гарем султана, и отдельно — спальня его главной жены. Из

этих апартаментов галлерея ведет на крытую внутреннюю веранду, с фонтаном посредине, всё, конечно изукрашено цветной мозаикой, а от внутреннего двора отделено резной аркадой, опирающейся на мраморные колонны оранжевого цвета. На этом патио танцевали обитательницы гарема, развлекая султана и его гостей, сидевших в роскошных ложах, расположенных по сторонам двора. Отсюда, через наружную дверь выход к большому квадратному бассейну, сплошь выложенному кафелем и окруженному зеленью сада, — тут купались султанские жены и наложницы. От бассейна лестница спускается в обширный гаремный сад, обнесенный высокой каменной стеной с красивыми сторожевыми башенками. Из мужчин сюда был вхож только султан, но по другую сторону стены находится обширный и великолепный парк со множеством тенистых аллей, фонтанов, статуй и скамеек, каждая из которых представляет собой подлинное произведение искусства. Этот парк был открыт для придворных султана и его гостей.

К этому мавританскому дворцу, где все внутреннее убранство выдержано в восточном стиле, примыкает другой, двухэтажный, выстроенный позже кастильскими королями. Тут полностью сохранена вся мебель и убранство того времени. На потолке висят старинные цветные люстры, на стенах картины и гобелены знаменитых испанских художников, портреты королей и королев. На столах разложены подарки иностранных государей, среди них два серебряных самовара от русских царей. В одной из комнат в стену вмонтирована рельефная карта Пиринейского полуострова и Северной Африки, сделанная в 15 веке. Тут же висит великолепный гобелен, на котором изображен исторический эпизод из войны с Тунисом: конный бой герцога Альбукерка с врагами.

С балкона второго этажа открывается великолепный вид на парк. Сбоку, ближе к султанскому дворцу, стоит древняя капелла короля Фердинанда и Изабеллы Кастильской.

Альказар, — этот бесценный памятник мавританской эпохи, полностью показал мне все величие арабского искусства и культуры, возвышавшееся до под-

линной гениальности. И уходя отсюда я мысленно благодарила Бога за то, что Он позволил мне увидеть все это собственными глазами.

После Альказара я посетила парк Марии-Луизы, названный так в честь дочери кастильского короля Педро, — в парке ей поставлен белый мраморный памятник. Стоит тут и другой памятник, — известному испанскому писателю и поэту Густаву Беккеру, который родился в Севилье в прошлом столетии. Этот памятник очень оригинален: ствол тенистого, векового дерева окружен плоским мраморным кольцом, на нем пьедестал с бюстом поэта, справа от которого в различных позах сидят три беломраморные женские фигуры в натуральную величину, а слева лежит черный мраморный ангел, со стрелой вонзившейся в сердце. Этими символами олицетворяется характер творчества Беккера.

Этот тихий и уютный парк с его тенистыми, прохладными аллеями, навевает какое-то особое чувство умиротворяющего очарования и располагает к мечтательности. Я старалась хоть ненадолго забежать сюда при всяком удобном случае.

Следующий мой визит был в художественный музей 16 века. Перед его двухэтажным зданием, в красивом садике стоит памятник знаменитому испанскому живописцу Мурильо, который, также как не менее знаменитый Веласкес, родился в Севилье. В музее преобладают именно его произведения. Кроме того, тут представлены почти все выдающиеся испанские художники того времени, — Рибера, Сурбаран, Лос-Роелас, Франсиско Пачеко, Херонимо, Вальдес Леаль и другие. Между прочим, я была приятно удивлена когда увидела здесь картину "Большой каньон в Аризоне", написанную художником Хосе Альпа во время его путешествия по Америке.

Побывала я и еще в одном оригинальном музее, который помещается в старинной двенадцатигранной башне, на самом берегу Гвадалквивира. Она называется Золотой башней потому, что в ней когда-то хранили золото, привозившееся на кораблях из заморских владений Испании, — эти корабли тут же у башни и разгру-

жали. Сейчас в ней собраны всевозможные исторические и навигационные реликвии испанского мореходства, начиная с тринадцатого столетия. Есть и модели старинных кораблей.

На главной улице, почти в центре Севильи высится кафедральный собор Пресвятой Девы, построенный в 15 веке на фундаменте прежде стоявшей здесь главной мечети города. Это огромное (56 метров высоты) и очень красивое здание в готическом стиле. Внутри этот храм совсем не похож на римские: там больше света и великолепия, а тут темно, мрачно, черные колонны, всюду чугунные решетки и старые, почерневшие стены, — создается впечатление что рука человеческая не прикасалась к ним втечение веков. В главном алтаре стены и потолок из позолоченной бронзы. Много боковых капелл, алтарей, притворов, ризниц и комнат, где хранятся древние облачения епископов из золотой и серебряной парчи, священные книги, среди которых огромного размера Евангелия в изукрашенных золотом переплетах, и старинная церковная утварь. Тут можно видеть замечательной работы золотые и серебряные чаши украшенные драгоценными камнями, всевозможные венцы и короны усыпанные брильянтами, модели различных костелов и иконостасов, множество висящих на стенах икон и даже голову Иоанна Крестителя, которая лежит как живая на серебряном блюде. Всё это составляет своего рода музей, находящийся при храме, вернее в нем самом. Пользуется широкой известностью и музыкальный оргàн этого собора, обладающий сложнейшей конструкцией и очень красивым звуковым тембром.

Как-то раз я выехала за город и сошла с автобуса около стены арабской кладки 12 века, частично она сохранилась очень хорошо. Возле нее стоит небольшая церьковь, в которой находится священная статуя Божьей Матери, известная всему католическому миру под названием Макарены. В церкви светло и уютно, всё убрано коврами, много икон и позолоты, а высоко над алтарем сидит на троне Макарена, в красном бархатном платье, обильно расшитом золотом.

Сбоку есть лестница, которая ведет к самой статуе,

я поднялась и осмотрела ее вблизи. Потом сторож открыл мне двери в смежную комнату, где хранятся драгоценности подаренные верующими Макарене, среди них золотая, усыпанная рубинами и брильянтами корона, которую возлагают на голову статуи когда ее выносят для крестных ходов и религиозных процессий. В Севилье их устраивают очень часто, причем в особо торжественных случаях из всех церквей выносят находящиеся там статуи и священные реликвии, а в шествии участвует чуть ли не всё население города.

Однажды, выйдя в воскресенье на улицу, я видела одну из таких процессий. Впереди ехали всадники в военной форме, — пятеро на гнедых лошадях, держа в руках пики остриями вверх, за ними на белых лошадях большой духовой окрестр. Сзади несли церковные хоругви и в сопровождении монашек шли маленькие дети в белых одеждах и с крылышками, как ангелы. Затем следовали девочки в белых платьях с вуальками и мальчики в праздничных костюмчиках, с большими свечами в руках. Снова мужчины с хоругвями и священники с кадилами и наконец на огромной серебряной платформе тридцать мужчин (шесть рядов, по пять человек в каждом) несли под белым балдахином сидяшую статую Божьей Матери с Младенцем на руках и с золотой короной на голове. Вокруг статуи масса белых лилий, спереди множество заженных свечей, а по сторонам платформы свечи горят в особых фонарях, с открытым верхом. Сзади за платформой шло несметное количество народа, — эта процессия двигалась через весь город, от одного храма к другому.

***

Конечно, надо было побывать в помещении, где происходят бои быков, ибо всё связанное с этим спортом занимает много места в жизни обитателей Севильи. Так как я не люблю подобных зрелищ, пошла в такое время когда там было пусто. Впечатление внушительное: цирк (если так можно назвать это учреждение) построенный в прошлом столетии размерами значительно превосходит римский Колизей. Огромная, усыпанная

песком арена идеально чиста. Вообще в Севилье строго блюдут чистоту, каждое утро можно видеть как из домов выходят женщины и старательно моют щетками тротуары, а мужчины подметают улицы и садики.

Посетила я и местный университет. Он принадлежит к числу старейших (основан в 1502 году) и помещается в величественном старинном здании, прежде принадлежавшем ордену иезуитов. Конечно и тут всюду мозаика, вся лестница и стены входа голубого цвета различных оттенков, — красота изумительная.

Рядом стоит университетская церковь. Когда я зашла туда, она была пуста, но почти сразу из смежной комнаты вышел представительный мужчина, оказавшийся вице-ректором. Я его спросила есть ли у них фотографии этой церкви и находящихся в ней святынь? Он пригласил меня в комнату, из которой вышел, показал много превосходных снимков большого формата и предложил выбрать один, на память. Я выбрала, он приложил с обратной стороны университетскую печать и подписался. Я его сердечно поблагодарила и просила принять мое пожерткованье на церковь.

Потом он показал мне этот храм, попутно давая интересные объяснения. Тут в алтаре было несколько священных статуй, а вдоль боковых стен, в особых нишах стояли мраморные гробницы с лежащими на крышках фигурами из белого мрамора, в натуральную величину, — в них покоятся останки первого испанского адмирала Примо де Ривера и его семьи, а памятник ему стоит перед университетом. Затем вице-ректор показал мне комнату где хранится драгоценная церковная утварь, среди нее было много старинных вещей из золота, серебра и слоновой кости, — каждая из них подлинное произведение искусства.

Испанцы удивительно религиозны и особенно чтут Богородицу. Ее изображение есть не только во всех частных домах, но в каждом магазине и учреждении, и даже на улицах его можно увидеть на стенах домов и почти на каждой входной двери.

Новая часть города меня не интересовала, я только раз проехала по ней на автомобиле и ничего кроме

обыкновенных домов и больших модерных зданий не видела. Но в старой части, гуляя по улицам всегда можно было увидеть интересные памятники прошлого. В частности, видела много великолепных старинных дворцов, хотелось их осмотреть внутри, но к сожалению одни были заперты, в других жили их владельцы. А в некоторых теперь помещаются отели и иные учреждения. Так, например, подошла я однажды к очень красивому зданию украшенному по фронту мрамерными колоннами и великолепными арабесками, — это был арабский дворец 14 века, а сейчас в нем помещается известная электротехническая фирма, занимающаяся прокладкой кабелей. Заведующий любезно позволил мне зайти внутрь и осмотреть все что меня интересует. Там я увидела то же что и в других мавританских дворцах, внутреннее "патио" с фонтаном, колонны, мозаику и пр.

Зашла я однажды в здание суда. Оно было новой постройки и ничего интересного собой не представляло, но меня удивило то, что оно казалось необитаемым, — кроме двух сторожей там никого не было. Я вступила с ними в разговор и они мне объяснили, что сессии суда бывают очень редко, так как почти нет преступлений, ибо испанский закон за них (даже за самые мелкие) карает чрезвычайно строго. Это положение подтверждалось всем что я тут видела и слышала. У моей квартирной хозяйки зять был адвокат, но прокормиться этой специальностью он никак не мог и в основном занимался фермерством. Ночью на улицах всюду стоят автомобили, мотоциклеты и велосипеды, красть их никому не приходит в голову, так как вора сейчас же поймают или выдадут сами жители увидевшие у него чужую вещь, или при попытке продать ее, и виноватого ждет очень тяжкое наказание. Тут невольно напрашивается сравнение с США, где всё обстоит как раз наоборот и преступник фактически находится в привилегированном положении.

В Севилье есть много ночных клубов и кабарэ. В первые свободно заходят в одиночку женщины и семьи с детьми, во вторые женщины только в сопровождении мужчин, но больше одни мужчины. Однажды появи-

лось объявление, что в Севилью приехал известный балет "Фламинго" и будет выступать в одном из клубов. Я решила пойти. Клуб был открыт от одиннадцати часов вечера до трех ночи, — в эти часы жизнь тут еще не замирает, по дороге в клуб я видела на улицах не меньше народу чем днем и многие магазины были еще открыты.

Программа была очень разнообразна. В классическом балете "Фламинго" выступала очень красивая и эффектная пара, — она в длинном белом платье со шлейфом, он в обтянутом черном испанском костюме. Оба высокие и стройные, они в исполнение танца вкладывали столько изящества и грации, а вместе с тем страсти и огня, и так выразительны были их движения и мимика, что публика была буквально очарована и аплодировала до изнеможения.

Затем целая группа цыган исполняла цыганские танцы, с таким темпераментом и жаром, с каким могут танцевать только в знойной Андалузии. Кастаньеты придавали пляскам особый эффект, усиливая впечатление зрителей, — казалось это волнующее зрелище отрывает от действительности и уносит в мир кипящих страстей и иллюзий. Я долго была под впечатлением виденного и потом еще раз ходила смотреть этот балет.

---

26. ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Время в Севилье летело гораздо быстрее чем мне хотелось, прошел месяц и надо было ехать дальше. Испанию, где я видела столько прекрасного, покидала с чувством искреннего сожаления. Здесь приятно и спокойно жить, а это сейчас можно сказать лишь о немногих государствах. Испания страна бедная, но тут не увидишь на улице ни нищих, ни пьяных, ни бандитов, ни хулиганствующей молодежи, — царит полный порядок, опирающийся на религию и на твердую руку правителя. Правда, есть много неграмотных, они говорят, что с детства начинают работать и им некогда учиться. Так ли это — не знаю, но работающих детей школьного возраста я лично нигде не видела.

Около середины июля я выехала в Португалию. Сидя в автобусе, по пути вспоминала всё виденное и пережитое в прекрасной Андалузии и в душе звучали слова песенки, которую мы в России распевали будучи еще гимназистками:

"Гордая прелесть осанки,
Страстная нега очей,
Всё это есть у испанки,
Дочери южных ночей" . . .

* * *

На границе я пересела в португальский автобус и очень скоро доехала до Лиссабона, где остановилась в отеле. Сразу же почувствовалось, что это другая страна: природа тут пышнее, во всем заметно больше современной цивилизации, дома шикарней и люди живут заметно богаче, но зато в них куда меньше сердечности и го-

степриимства, от них веет холодком, — в этом португальцы напоминают англичан, хотя есть и исключения.

В Лиссабоне я пробыла три дня, затем сюда пришел мой пароход "Оронсей" и я перебралась на него, с помощью пароходной администрации преодолев ряд сложных формальностей, установленных португальскими портовыми властями.

Было много радости при встрече с пароходными друзьями и соплавателями. Все наперебой рассказывали друг другу о том, что видели и пережили за это время, обменивались маленькими подарками и сувенирами. Особенно сердечно меня встретили мои фиджийские друзья, — семьи доктора Нагасима и почтмейстера Бадаля. Жена последнего подарила мне красивое шелковое сари, и все они снова уговаривали меня приехать к ним в гости на Фиджи в следующем году.

На третий день по выходе из Лиссабона на пароходе был очень пышный и веселый бал, потом мы миновали живописные Азорские острова, принадлежащие Португалии, а позже подошли к Бермудским островам, где "Оронсей" на несколько часов остановился.

Эти принадлежащие Англии острова кораллового происхождения. Их что-то около трехсот, но большинство совсем крохотны и необитаемы, а самый большой, с портовым городом Гамильтоном, куда мы прибыли, не превышает сорока кв. километров. Было воскресенье, все магазины закрыты, — мы только проехались по улицам, на которых решительно ничего интересного не обнаружили, если не считать того, что тут развеваются рядом два флага, — английский и американский. Кто-то, уже по возвращении на пароход, полюбопытствовал — почему это так? Ему в шутку ответили: "остров английский, а деньги американские". Это всех очень рассмешило.

Наконец показались берега Америки и вскоре наш пароход пришвартовался в порту Эверглейд, на южной оконечности полуострова Флорида. Тут мы сошли на берег, нас усадили в электрические вагонетки и повезли осматривать близьлежащий Лаудердейл. Это очень красивая местность. По пути мы то и дело переезжали по

живописным мостикам через каналы, по которым плавали роскошные яхты, среди берегов заросших пышной зеленой растительностью, которая нависая над водой, отражалась в ней как в зеркале. Здесь много великолепных вилл, окруженных прекрасными садами, — красота здесь тесно переплетается с богатством, это уголок миллионеров. Кстати, называют его американской Венецией.

Побывали мы и в знаменитом парке имени Бирча. Его история интересна: миллионер Бирч, любитель путешествий, приехал однажды сюда, на самый юг Флориды, где тогда расстилались лишь пустые и дикие просторы. Тут ему понравилось и он купил у казны все эти девственные земли, заплативши по 44 цента за акр. Потом привел всю эту местность в порядок, засадил всевозможными деревьями, сделал рекламу, и сюда стали приезжать многие богачи, любители солнца, тепла и моря в сочетании с тишиной и спокойствием. Бирч охотно продавал им участки, уже, конечно, по дорогой цене, и вскоре все эти просторы заселились такой избранной публикой.

Сто сорок акров Бирч подарил штату Флорида, — теперь тут парк его имени и оценивается он во много миллионов долларов. Этот парк очень красив. Он больше похож на лес, тут густые заросли всевозможных деревьев и кустарников, над которыми возвышаются пышные кроны пальм.

Совершенно неожиданно нас в этом парке застигла сильная буря с дождем (здесь такие внезапные перемены погоды бывают очень часто) и мы, насквозь промокшие, еле успели вернуться на пароход за несколько минут до его отхода.

На следующий день мы уже огибали Кубу, направляясь на юг. Было ясно и солнечно, хорошо были видны горы, леса, и даже дома на острове, различили мы на берегу и американскую военную базу Гуантанамо. Затем прошли между островами Гаити и Ямайкой, пересекли Караибское море и прибыли в порт Колон, у входа в Панамский канал.

Там мы простояли всю ночь и лишь наутро двинулись через перешеек, из Атлантического океана в Тихий. По каналу шли долго, т. к. на пути есть несколько шлюзов и это задерживает движение. Длина канала 82 километра, он более узок, чем Суэцкий, но проходит по красивой местности и берега его очень живописны. К сожалению, любоваться ими мешает экваториальная духовочно-влажная жара, из-за которой на палубе нельзя долго выдержать. Кончается этот канал возле порта Бальбоа, откуда мы ездили на автобусах осматривать находящийся поблизости город Панаму. Грязный, неприветливый и удручающе душный, он произвел на нас весьма неважное впечатление. В старой части города есть много исторических памятников ранне-колониальной эпохи и в том числе великолепный собор.

По выходе из Бальбоа наш пароход всё время шел близко от берега, мимо республик Коста-Рики, Никарагуа, Сальвадора и Гватемалы, затем вдоль пустынных берегов Мексики, и наконец бросил якорь посреди широкой и очень красивой гавани мексиканского порта Акапулько. Моторными лодками нас перевезли на берег и мы осмотрели этот живописный город-курорт, раскинувшийся на склонах гор, среди обильной зелени. Пляж тут тоже великолепный.

Ночью мы снялись с якоря и пошли к берегам Калифорнии, наше путешествие близилось к концу. По этому случаю на пароходе был устроен прощальный бал, "Вечер веселья", который прошел очень оживленно и все действительно смеялись до слез, когда группа из четырех женщин и одного мужчины в самых невероятных костюмах отплясывала на сцене кан-кан.

Первого августа мы прибыли в Лос Анжелос, откуда выехали три месяца тому назад. Этим закончилось наше сказочное путешествие, во время которого мы проехали около пятидесяти-семи тысяч километров по воде и по суше, побывали в двадцать одной стране и осмотрели семьдесят три города.

Эта поездка, от которой у меня навсегда осталось столько ярких и прекрасных воспоминаний, восстановила мое душевное равновесие и здоровье, я стала чувствовать себя моложе на много лет.

27. ВТОРОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

По возвращении из первого кругосветного путешествия, во время которого я, помимо всего прочего, видела столько прелестных экзотических растений и цветов, у меня с особой силой пробудилось желание запечатлеть их в красках, на шелку.

К живописи, и именно этого рода, меня всегда влекло. Мой отец, как я уже упоминала, был талантливым художником, даже имел собственную школу живописи,



Феникс, Аризона. Выставка картин О. Тиссаревской

и все мы, его дети, в большей или меньшей мере унаследовали эту способность. Но отец, которому в жизни не везло, был против того, чтобы кто-либо из нас всецело посвятил себя живописи, в ущерб наукам. Он говорил, что имея семью этим прожить очень трудно и лучше готовить себя к более выгодной карьере. Однако мой младший брат Борис, вопреки воле отца, все же пошел по этой линии. В возрасте пятнадцати лет он убежал из дому и в городе Пензе поступил в художественную школу, зарабатывая на жизнь уроками, которые давал неуспевающим ученикам младших классов гимназии. Через год он добился таких успехов, что отец его простил и даже пригласил к нам на каникулы директора его школы, своего старого приятеля — художника.

В это время я тоже уговорила отца научить меня писать цветы на шелку, и уже тогда недурно овладела этим искусством. Но после отъезда в Петербург жизнь моя так сложилась, что было не до живописи. И только теперь я получила возможность всецело отдаться этому делу, в чем меня окончательно укрепил успех первой выставки моих работ, устроенной в городе Фениксе.

Таким образом, я целый год предавалась этому увлекательному занятию, а в начале мая 1966 года снова отправилась в путешествие, выехав, как и в прошлый раз, пароходом из Лос Анжелоса.

Первая наша остановка опять была на Гаваях, но я с удовольствием вторично осмотрела эти уже знакомые, но такие красивые места. Затем мы взяли курс на острова Фиджи, находящиеся в самом центре Океании. От Гонолулу туда более пяти тысяч километров и по пути я успела сделать на пароходе выставку моих рисунков, совместно с известной новозеландской художницей Евой Маги, которая возвращалась домой после поездки по Европе. Наша выставка прошла с большим успехом и мои работы почти полностью были раскуплены.

Пятнадцатого мая, после почти двухнедельного плаванья мы прибыли на Фиджи. Эти острова, открытые в 1643 году голландским мореплавателем Тасманом, ныне принадлежат Англии. Часть островов вулканического происхождения, часть кораллового. Их всего около



«Коктейль парти», по пути на Фиджи

трехсот (не считая бесчисленных коралловых рифов и торчащих из воды скал), но больших только два и на них сосредоточена вся культурная жизнь, а большинство остальных вообще необитаемо. Наш пароход остановился в порту главного города Сува, на крупнейшем из островов, который называется Вити-Леву.

Тут нас встретили музыкой большого оркестра, в национальных костюмах. Еще с палубы я увидела на берегу семьи моих друзей по первому путешествию, — доктора Нагасима и почтмейстера Бадаля, которые, заметив меня, приветливо махали платками. Наша встреча была такой сердечной и радостной, как будто бы мы были членами общей семьи. Они помогли мне преодолеть все портовые формальности и получить багаж, после чего супруги Нагасима увезли меня к себе домой, где мне уже была приготовлена уютная комната.

На Фиджи тропический, но сравнительно мягкий и здоровый климат, очень часты короткие, но сильные дожди, а потому растительность тут очень пышная и буйная. Местность гористая и склоны гор покрыты густыми лесами, среди которых многие деревья дают съедобные плоды. Много цитрусовых деревьев и кокосовых пальм, которые тут культивируются, также как бананы, какао и кофе.

По всему острову, куда ни глянь, цветут прелестные гибискусы[1]) всевозможных цветов. Они здесь пользуются такой же любовью, как в Голландии тюльпаны. Ежегодно в период их цветения в Суву съезжается чуть ли не всё население островов и выбирают "королеву гибискусов". На пароходе я познакомилась с возвращавшейся из Гонолулу "королевой" прошлого года, — всех туристов она покорила своей грацией и жгучей тропической красотой.

У доктора Нагасима я прожила две недели, окруженная самым заботливым вниманием. Приходя из гос-

---

[1]) Гибискус — растение родственное так называемой «китайской розе», цветущее очень красивыми, крупными, в большинстве махровыми цветами. Много видов, среди которых есть деревья, кустарники и однолетние растения — травы.

питаля, он вместе со всеми нами обедал, затем усаживал семью и меня в автомобиль и мы, разъезжая по острову, любовались чарующими видами его девственно прекрасной тропической природы. По утрам у них в саду я обычно предавалась своему любимому занятию, — писала красками цветы на шелку и обучала этому искусству двух мальчиков, сыновей доктора.

Среди здешних друзей на меня была установлена "очередь" и следующие две недели я провела в семье Бадалей. Они жили в самом центре города, соответственно этому переменилась и "программа": меня теперь возили по музеям, магазинам, базарам и паркам, показывали разбросанные по окрестностям прекрасные виллы англичан, устраивали пикники на берегу океана, много снимались и очень весело проводили время. Чтобы как-то отблагодарить их за всё это внимание, в свободное время я писала им на атласе цветы, по их собственному вкусу и выбору.

По прошествии месяца, я взяла билет аэропланом в Австралию. Друзья, одарив меня всякими сувенирами, проводили на аэродром и сердечно прощаясь, уговаривали при первой возможности приехать снова.

**
*

В Австралии я должна была остановиться у одной польки, с которой познакомилась на пароходе, во время выставки моих картин. Мы быстро подружились и она пригласила меня к себе, в Мельбурн, где у нее был большой собственный дом. Она меня очень сердечно встретила на аэродроме и сейчас же увезла к себе. Все следующие дни мы с нею ходили и ездили вместе, осматривая Мельбурн, который мне очень понравился. Он находится на самой южной оконечности материка и потому здесь хороший, не жаркий климат. Город велик (около двух миллионов жителей), хорошо распланирован, благоустроен и чист, в нем много зелени, великолепных магазинов и промышленных предприятий, а также богатых и красивых особняков.

Есть тут и православная церковь, где я неожиданно встретилась с бывшим однополчанином моего второго

мужа. Из разговора с ним выяснилось, что в Сиднее проживают наши общие друзья еще по Польше. Им сейчас же сообщили по телефону, что я в Мельбурне и они настояли, чтобы я приехала в Сидней. Там они меня очень радушно встретили и привезли к себе домой.

В Австралии в это время была зима, часто шли дожди и было изрядно холодно. Мои друзья жили за городом и их пятикомнатный дом был плохо к этому приспособлен, да и вообще не отличался благоустроенностью. Отопления в нем не было и лишь та комната, в которой в данное время сидели, нагревалась переносной керосиновой печуркой; ванная комната была, но без горячей воды, — когда нужно было помыться, ее грели в небольшом котле, а уборная, сделанная из досок, стояла отдельно, во дворе. Такое положение, насколько я заметила, было тут почти во всех загородных домах принадлежавших людям среднего достатка.

На мою беду в пароходной компании, продавшей мне билет на это путешествие, шла забастовка и мне пришлось ожидать здесь ее окончания целых пять недель. За это время я осмотрела город, который, может быть в силу плохой погоды, на меня особого впечатления не произвел, хотя он очень велик, благоустроен и расположен в живописной местности. В нем много садов и парков, великолепных зданий и небоскребов, есть и метро.

Потом я убивала время писанием своих любимых цветов и наконец жестоко простудилась и заболела азиатской лихорадкой, с очень высокой температурой. Часто приходил доктор и потчевал меня весвозможными лекарствами, но я поправлялась медленно и всё время невыносимо страдала от холода. Наконец окончилась забастовка и пришел нужный мне пароход "Канберра", на который я села еще не избавившись от лихорадки. Почти всю дорогу лежала одна в каюте, куда ко мне приходил врач и приносили еду. Через несколько дней мне стало немного лучше, но все же в Новой Зеландии, где была наша первая остановка, я сойти на берег, к величайшему моему огорчению, не смогла.

Однако к моменту следующей остановки, на остро-

ве Тонга, в Полинезии, я уже чувствовала себя настолько прилично, что смогла осмотреть этот остров. Он невелик, окружен другими, совсем маленькими островами, горист‚ покрыт тропическим лесом и производит впечатление бедности и запустения. Находится под протекторатом Англии, хотя тут имеется своя собственная королева.

Когда мы были уже недалеко от Гаваев, я снова сделала выставку моих "цветов", совместно с двумя художниками модернистами, которые ехали на этом пароходе и везли с собой некоторое количество своих картин. Мои работы имели большой успех, особенно понравились они капитану, который пригласил меня к себе на коктейль, в числе нескольких других пассажиров. Я ему подарила несколько рисунков для продажи в пользу сирот — детей моряков.

После прохода Гавайских островов на пароходе был дан прощальный бал. Я уже была совсем здорова и искренне веселилась, а 17 августа приехала домой, проведя в этих путешествиях три с половиной месяца.

---

28. ТРЕТЬЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

В Фениксе время потекло как обычно. Я писала много картин, несколько раз их выставляла, изредка ходила в гости или к себе приглашала знакомых, угощая их русскими пирожками и тортами. Так прошла чудесная здешняя зима, весною я уже начала мечтать о новом путешествии, а с наступлением жаркого лета быстро собралась в дорогу.

На этот раз я вылетела аэропланом в Мексику, намереваясь осмотреть часть этой страны, а потом лететь дальше — в Бразилию, Чили и Аргентину.

Прибыв в Мехико, — главный город республики и древнюю столицу империи ацтеков, у которых она называлась Теночтитлан, — я на этот раз вынуждена была ограничиться лишь беглым осмотром, т. к. не располагала достаточным временем. Город стоит в очень живописном месте, в широкой котловине между горами, на высоте 2200 метров над уровнем моря. Вокруг него много красивых озер и открываются чудесные виды на окрестные долины и горы, в особенности на два огромных вулкана, которые еще сохранили свои неудобопроизносимые ацтекские названия: Попокатепетль и Иктакихуалт. Первый еще действует и часто дымится, его высота 5.500 метров, другой вулкан немного ниже, но у обоих вершины покрыты вечными снегами, а ниже идут заросшие лесом склоны.

В центральной части города много древних строений, старинных храмов и дворцов, которые стоят вперемежку с модерными зданиями и небоскребами. Великолепен кафедральный собор постройки 16-го века, в котором, помимо готики, явно заметны элементы типично — ацтекского архитектурного стиля. Сохранилось много остатков и памятников мексиканской древности,



С гостями в Фениксе, Аризона

некоторые из них разрушены временем, — например, окружавшая город крепостная стена, — другие испорчены приспособлением к современности, — так Капультепек, исторический дворец императора Монтезумы, сейчас превращен в одну из резиденций президента республики.

Из Мехико я взяла автобус и поехала в городок Куэрновака, находящийся в ста-двадцати километрах от столицы, в гористой местности и приблизительно на такой же высоте. Здесь более тридцати лет жила моя русская знакомая, зубной врач, уже прекратившая практику и вышедшая на пенсию. Это была пожилая, но еще очень живая и энергичная женщина. Я остановилась у нее и мы вместе ездили осматривать окрестные места. Они весьма красивы, тут живописная, с оттенком мексиканского своеобразия природа, отличные шоссейные



Мексика, на пирамиде Оаксака

дороги и очень добродушное, приветливое население. Я познакомилась с несколькими местными семействами и всюду меня принимали сердечно и гостеприимно.

Только погода здесь оказалась какая-то дикая: целый день тепло и светит яркое солнце, а ночью непременно буря с дождем. В моей комнате вместо стекол были противомоскитные сетки, а потому в одну из таких ночей я простудилась и у меня сделалось сильное воспаление десен. Врач сказал, что мне теперь долгое время надо избегать простуды и это нарушило все мои планы: ехать в Бразилию и в другие южно-американские страны где сейчас зима, с холодными ветрами и дождями, я теперь не могла. Волей неволей пришлось отложить эту поездку до более подходящего времени.

Но прежде чем возвратиться домой, я все же изъездила на автобусах весь юг Мексики, посетив более двадцати разных городов и курортов, как морских, так и горных, с минеральными водами.

После этого возвратилась в Феникс, но в эту пору там царила страшная жара, которую я тоже переношу с трудом. Мой врач посоветовал мне для восстановления здоровья поехать куда-нибудь в теплый и сухой климат и я, после некоторого раздумья, остановила свой выбор на Марокко.

29. ЧЕТВЕРТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Восьмого сентября того же 1967 года я вылетела в Марокко. По пути решила немного задержаться в Лиссабоне, так как во время первого своего путешествия хотя и побывала здесь, но не имела времени осмотреть его как следует.

Город красив и своеобразен. Он расположен на холмистой местности, в устье реки Тахо и спускается к ней как бы ступенями. Большой и очень оживленный порт, в который заходят даже самые крупные океанские корабли, а по берегу, в обе стороны разбегаются зеленые сады и ютящиеся в них красивые виллы. В центре много архитектурных памятников, старинных церквей и дворцов, — но общий аспект совершенно современный, с широкими улицами, модерными домами и роскошными магазинами.

Вечером, рассматривая на главной улице витрину с сувенирами, я неожиданно услышала сзади себя русскую речь и быстро обернувшись увидела молодую и интересную пару. Конечно, мы тут же познакомились. Дама, Мария Владимировна, оказалась племянницей композитора Рахманинова, а с нею был ее муж, инженер Кирилл Евгеньевич Брандт. Он владел чуть ли не всеми европейскими языками и служил в крупнейшей компании "Кайзер", которая имеет свои отделения повсюду, и сейчас его на продолжительное время посылали в Париж, где должна была собраться какая-то весьма важная техническая конференция. Выехать туда они должны были на следующий день, но этот вечер мы решили провести вместе и прежде всего отправились гулять на набережную.

Уже стемнело, ярко освещенный город и виллы разбросанные в садах над извилистой линией берега, представляли собой восхитительное зрелище. По зали-

ву плавало много небольших яхт и лодок, светящихся разноцветными огнями, а с моря подходил огромный и ярко освещенный пароход, время от времени прорезая воздух протяжными гудками.

Затем, желая сделать мне удовольствие, супруги Брандт повезли меня поездом в Эсториль, летнюю резиденцию португальских королей, а потом президентов, находящуюся недалеко от столицы. Подъезжая, мы увидели на берегу океана величественный старинный замок, красиво освещенный прожекторами. Сойдя с поезда, почти сразу очутились в центре фешенебельного курорта и вскоре дошли до стоявшего в саду роскошного "Палас-отеля". Швейцар в блестящей ливрее распахнул перед нами двери и мы попросили позволения осмотреть дворец, т. к. этот отель действительно был дворцом.

Внутри всё было освещено старинными лампами, канделябрами и люстрами; комнаты и корридоры сплошь покрыты великолепными персидскими коврами, стены облицованы панелями из какого-то очень красивого дерева, с золотыми инкрустациями. Несколько гостей сидели удобно расположившись в старинных, обитых плюшем креслах. Затем мы вышли в большой сад, с бассейном, который был очень эфектно освещен скрытыми под водой лампами. И этот сад, и дворец при ночном освещении казались выхваченными из какой-то прекрасной сказки.

Оттуда мы пошли ужинать в ресторан, затем взяли такси и поехали вдоль берега, осматривать ярко освещенные виллы и парки этого прелестного уголка. Здесь в данное время находились президент Португалии и бывший итальянский король Умберто с семьей.

В полночь мы возвратились в Лиссабон. Мои новые друзья завезли меня в отель и сердечно простились, пригласив навестить их в Париже на обратном пути. Благодаря неожиданной встрече с ними, этот вечер оказался для меня подлинно чудесным и обогатил мое знакомство с Португалией новыми и особенно красивыми впечатлениями.

***

На следующее утро я вылетела в Касабланку. Уже с аэроплана увидела белый, словно сахарный город, широко и живописно раскинувшийся по берегу океана. Касабланка самый крупный город Марокко. И если официальной, политической столицей этого государства служит город Рабат, находящийся километров на восемьдесят севернее, то Касабланка безусловно является столицей экономической: тут сосредоточена почти вся внешняя торговля страны и огромное большинство промышленных предприятий. Населения миллион с четвертью, — почти вчетверо больше чем в Рабате.

В Касабланке я провела неделю и она мне очень понравилась. Город чист, в его европейской части широкие улицы и бульвары, большие модерные здания, комфортабельные дома и великолепные магазины. Особенно интересно рассматривать витрины, в которых выставлены вещи местного производства, так-сказать "суве-



В Касабланке, Марокко

нирного“ типа: художественная керамика, изделия из эбенового дерева и слоновой кости, тисненой кожи и т. п. Все стены таких магазинов увешаны узорчатыми, пушистыми марокканскими коврами. Все подобные изделия, но уже в более дешевом оформлении, можно увидеть и на здешних, очень живописных и красочных базарах, — тут особенно много продается медных вещей, с художественной чеканкой и всевозможных изделий из цветной тисненой кожи, которыми особенно славится Марокко. Надо сказать, что если бы не эти базары, город совсем потерял бы свое восточное лицо, так как за время французского господства он совершенно европеизировался.

В воскресенье зашла я в русскую церковь, которая тут имеется, но молящихся в ней почти не было, т. к. сейчас все находились на каникулах. Все же я здесь познакомилась с молодой русской дамой, которую по ее просьбе стала называть просто Ниночкой. Она тут имела мастерскую химической чистки, но на следующий день собиралась ехать в Маракеш. Как я уже отметила, Касабланка давала слабое представление об истинном лице Марокко, тогда как Маракеш это типичный арабский город, лежащий в глубине страны, у подножия Атласских гор. И я решила воспользоваться случаем: попросила Ниночку нанять там комнату и для меня, что она охотно обещала сделать.

Через три дня я была уже там. Ниночка совсем недорого сняла мне светлую и чистенькую комнату в доме стоявшем среди тенистого сада. Хозяева были французы, но отлично говорили по-английски, так что я себя чувствовала тут во всех отношениях удобно и приятно.

От Маракеша еще издали веет подлинным мусульманским Востоком, ибо первое что вы видите подъезжая, это высокие минареты множества мечетей. В городе есть много памятников далекой старины, — руины дворцов времен халифата, остатки древней городской стены и т. п. Но самое замечательное это здешние интересные и красочные базары, где можно увидеть все классические элементы Востока, начиная с верблюдов и кончая заклинателями змей с танцующими кобрами.

Конечно, целые горы различных фруктов и овощей, типичная арабская керамика, ковры, всевозможные сосуды из меди, изделия из разноцветного сафьяна, словом всего не перечесть.

Город чистый, весь в зелени. Еще многие женшины ходят в чадрах и в длинных, до земли, халатах темного цвета, чего в Касабланке уже не увидишь. За городом, в горах есть дорогие рестораны и кабарэ, обставленные и убранные с чисто восточной роскошью. Там играет восточная музыка и танцовщицы-арабки в прозрачных газовых платьях исполняют на полу и на столах танцы полные соблазна и страсти, демонстрируя зрителям красоту и грацию своего почти неприкрытого тела. Все это, конечно, организовано главным образом для туристов, которых сюда приезжает множество.

Говорят, что в частности Маракеш очень нравился Черчиллю, который, вместе с другими богатыми англичанами, не раз приезжал сюда отдыхать. Они останавливалась в фешенебельном отеле "Мамуниа", куда мы с Ниночкой на пароконной коляске ездили пить чай. Тут, в гостинных, все полы, стены и даже потолки покрыты коврами изумительной красоты, подстать этому вся обстановка и сад, в котором есть огромный бассейн. С каждой из нас за чашку чаю и небольшое пирожное взяли по два с половиной доллара, но мы утешились тем, что Черчилль платил тут по 50 долларов в день.

Пока я здесь была, мы с Ниной ежедневно нанимали коляску, запряженную двумя лошадьми и разъезжали по Маракешу и его окрестностям, всегда находя что-либо интересное для наблюдения.

После этого я аэропланом полетела в Танжер, находящийся в самой северной части Марокко, у входа в Гибралтарский пролив. Этот город грязен и невзрачен, ничего интересного там нет и потому уже на следующий день я перелетела в Гибралтар, там взяла автобус и по южному берегу Испании поехала в Малагу. По пути нам то и дело попадались роскошные курорты и белые виллы-особняки, стоящие в гуще садов, — все это было очень красиво. Но город Малага, куда мы приехали вечером, показался мне неуютным и грязным, хотя тут

есть много старинных мавританских строений, фонтанов и иных памятников арабской эпохи. Очень живописны и окрестности.

Пробыв тут три дня, я поехала в Севилью по извилистой гористой дороге с очень красивыми видами. Собственно, в этот так полюбившийся мне андалузский город я попала почти неожиданно для самой себя: от Малаги туда было сравнительно недалеко и уж очень захотелось еще раз побродить по тенистым аллеям чудного парка Марии-Луизы. Исполнив это желание и пробыв в Севилье несколько дней, я перелетела в Мадрид.

Был уже конец октября и столица Испании встретила меня дождем и пронизывающим холодом, а потому, памятуя наставления врача, я решила осмотреть Мадрид позже, при какой-либо иной оказии, и на первом же авионе полетела домой, в солнечную Аризону, где такие чудные зимы, каких, кажется, нет нигде.

ПЯТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

---

30. ПАРИЖ, СТАМБУЛ, ИЕРУСАЛИМ, ВОСТОЧНАЯ И ЮЖНАЯ АФРИКА

Недаром говорится, что аппетит приходит во время еды: сколько я ни ездила за последние годы по белу свету, сколько ни повидала стран и городов, — хотелось видеть всё новые, а потому осенью 1968 года я решила еще раз объехать вокруг земного шара и ознакомившись по пути с Восточной и Южной Африкой, подольше задержаться на юге Азиатского материка.

Современная техника позволяет преодолевать громадные расстояния удивительно быстро: в девять часов утра я вылетела из Феникса, в четыре прилетела в Нью Иорк, в десять вечера села тут на другой аэроплан и в восемь утра была в Ирландии, проделав менее чем за сутки четырнадцать тысяч километров. За одно предсказание такой возможности человека лет триста тому назад потащили бы на костер.

В Ирландии мы остановились в городе Лимерик, на реке Шанон, возле которого есть интересные исторические замки. За день осмотрели город и его окрестности, а вечером был ужин и банкет в одном из таких замков, устроенный специально для туристов, которыми был переполнен зал. На сцене выступали с песнями артисты в старинных национальных костюмах, это было красивое и оригинальное зрелище. Закончив программу, эти артисты смешались с публикой и мы вместе с ними фотографировались.

Оттуда мы перелетели в Лондон. Там шел сильный

и затяжной дождь, поэтому я только сменила аэроплан и полетела в Париж, о чем известила своих друзей, супругов Брандт, которые встретили меня на аэродроме и увезли к себе.

Буквально как с корабля на бал, в этот вечер я попала с ними на торжественный ужин и банкет, который устраивал директор фирмы "Кайзер". Дело происходило в шикарном особняке на Елисейских полях. Было множество приглашенных, главным образом семьи инженеров и высших служащих этой компании, это были люди различных национальностей, с преобладанием французов и американцев. Последние приехали сюда прямо с острова Новая Каледония, принадлежащего Франции, — там должна была вскоре начаться постройка большого завода, — это, кажется и послужило причиной такого крупного съезда специалистов. Все они держали себя просто и непринужденно, шутили, рассказывали много интересного о Новой Каледонии и удивлялись, что я по всему земному шару путешествую одна. Вечер прошел очень весело, ужин был великолепен, шампанское, конечно, лилось рекой и разъехались только в третьем часу ночи.

Ежедневно мы с Марочкой Брандт гуляли и ездили по городу, осмотрели Лувр с его бесценными сокровищами искусства, собор Парижской Богоматери, Трокадеро с его высокими, красивыми фонтанами, Тюльерийский сад, где так уютны чудесные каштановые аллеи, прелестную, в коринфском стиле церковь св. Магдалины, Пантеон, поднимались на Эйфелеву башню, побывали на кладбище, где стоит мавзолей Марии Башкирцевой ходили, конечно и по магазинам, осматривая новые фасоны платьев и материи.

По вечерам, когда Париж бывал в полном блеске, муж Марочки возил нас на автомобиле по самым красивым и оживленным местам. Передо мною мелькали объекты, о которых столько приходилось читать и слышать: Елисейские поля, площадь Конкорд, Опера, "плас Этуаль", триумфальная арка, площадь Бастилии с бронзовой колонной, колоссальный памятник Карлу Великому, Люксембургский дворец, великолепное здание рату-

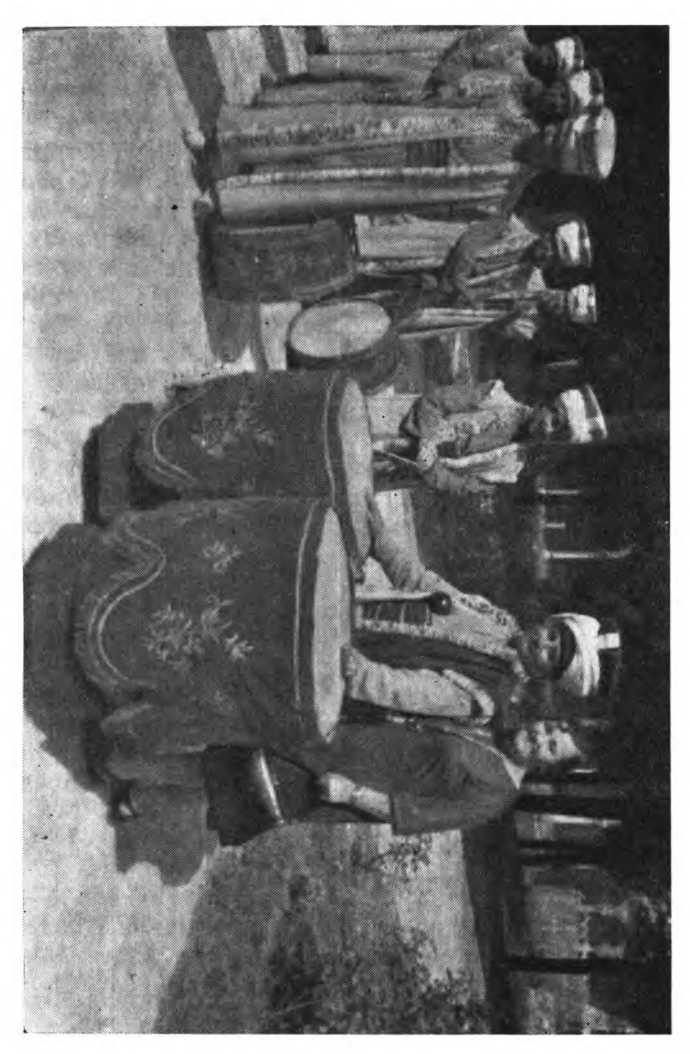
ши, грандиозный Дом Инвалидов, с гробницей Наполеона, исторические улицы и площади, дворцы, памятники, сады и фонтаны, словом все те бесчисленные архитектурные, исторические и культурные ценности, которые создали Парижу совершенно особый, чарующий облик и всемирную славу.

Восемь дней, которые я тут провела, пролетели как чудный сон и я, простившись с моими парижскими друзьями, а вместе с тем и с Западной Европой, полетела в Стамбул, — город когда-то бывший столицей блистательной Византийской империи, а позже — султанской Турции.

Я с детства мечтала увидеть своими глазами Константинополь, о котором наслышалась столько рассказов от нашего соседа по имению Чарыкова, долгое время пробывшего в Турции русским послом. Здесь я сразу убедилась в том, что в его рассказах не было никаких преувеличений: этот царственный город, раскинувшийся по берегам Босфора и Мраморного моря, изумительно красив и живописен, в особенности залив Золотой Рог, который делит Стамбул на две части. Тонкие, изящные минареты бесчисленных мечетей, султанские дворцы и замки, дома и сады, рассыпавшиеся по холмистым берегам, красочные базары, мосты и сутолока всевозможных судов и лодок в Золотом Роге, — всё это выглядит как пестрый восточный ковер и прямо просится на полотно художника.

Побывала я здесь в так называемом "янычарском" музее, где собрано множество старинного оружия и военных реликвий Оттоманской империи, потом тут же в Янычарском саду для туристов был устроен концерт старинной музыки, причем исполняли его в костюмах и на инструментах той далекой эпохи. Затем мы осматривали достопримечательности города, среди них есть немало памятников сохранившихся еще с византийских времен, но к сожалению почти все они испорчены позднейшими переделками и достройками.

Была я и на очень оригинальном, типично стамбульском крытом базаре, где буквально рябило в глазах от изобилия и разнообразия продающихся товаров.



Стамбул, турецкие музыканты

Турки народ очень симпатичный, вежливый и приветливый. Улетая отсюда в Иерусалим, я увезла с собой самые лучшие воспоминания и о них, и о их бывшей блистательной столице.

**
*

Вот я и на Святой Земле, в колыбели христианства Иерусалиме. В старой, арабской части этого древнего города всё сохранило свой прежний облик и все святые места выглядят так, как было две тысячи лет назад. Осматривая такие исторические и великие для христиан святыни, как Гефсиманский сад, дорога на Голгофу, место где был распят Христос, пещеру с гробом Господним и отваленный камень у ее входа, — всё как было в те времена, — невольно переносишься мыслями в ту эпоху и переживаешь в душе события, когда-то здесь совершившиеся.

Новая часть Иерусалима, принадлежащая Израилю, имеет совсем иной вид. Тут идет модернизация, построен большой современный университет, новое здание парламента, музеи, отели, крупные комфортабельные дома. Здесь все несравненно более благоустроено и эта часть города выглядит по европейски.

Побывала я и в Тель-Авиве. Это самый крупный и современный город Израиля, на берегу Средиземного моря, и первое время он был столицей восстановленного еврейского государства. Тут я хотела взять авионный билет в Аддис-Абебу, но оказалось, что прямых линий между Израилем и Эфиопией нет, и мне пришлось лететь через Афины.

**
*

Приехав в Аддис-Абебу, я остановилась здесь в лучшем отеле "Эфиопия", который не преувеличивая можно назвать шикарным. Перед моим отъездом из Аризоны, один профессор американец дал мне адрес своей здешней знакомой, госпожи Марты Габре-Цадик, и я ей сразу же позвонила по телефону. Не прошло и часу, как она приехала ко мне в отель и мы познакоми-

лись. Это была молодая и очень красивая дама-абиссинка, оказавшаяся ни более ни менее как министром иностранных дел. Однако никаких признаков сановного чванства или высокомерия в ней не было, держалась она просто и была чрезвычайно мила. Весь день она меня возила на своем автомобиле, показывая город и я видела с каким почтением все встречные ей кланялись.

В местном музее она познакомила меня с профессором-куратором Чойнацким, поляком, который находился в Эфиопии уже двадцать лет. Там же я познакомилась и с другим профессором англичанином, сыном знаменитый Сильвин Панкхерст, которая после итало-абиссинской войны многие годы своей жизни посвятила борьбе за освобождение Эфиопии, а позже написала ряд книг посвященных истории и культуре этой страны. Она умерла несколько лет тому назад и теперь сын продолжает ее работу.

Марта завезла меня в свой загородный особняк. Дорога туда была очень красива, извиваясь по гористой местности, через лес. Вдали виднелись высокие вершины, — указывая на них, моя высокопоставленная спутница говорила названия: Эрер... Зукала... Рас-Дашан... Кстати, эта последняя гора почти не уступает Монблану по высоте.

Дом моей новой приятельницы стоял в очень живописном месте, в лесу. Это была роскошная вилла, в которой одних спален было шесть, — Марта пояснила, что очень любит принимать у себя гостей иностранцев. У нее была семья, муж и четверо сыновей из которых двое старших (шестнадцати и семнадцати лет) учились в Лондоне, а двое младших были еще дома. Муж служил крупным чиновником в министерстве торговли. Вечером он повез нас на высокую гору, откуда открывался великолепный вид на освещенную ночными огнями Аддис-Абебу.

Попрощавшись с этими милыми и радушными людьми, я села на аэроплан летящий в Кению и через полтора часа уже была в ее столице Найроби.

От этой страны у меня осталось совсем иное впечатление. В древней и монархической Эфиопии народ

воспитан в старых традициях, люди там гостеприимны, благовоспитаны и приветливы, а в новоиспеченной Кении всё как раз наоборот. В частности к иностранным туристам полное пренебрежение, граничащее с хамством. Порядка нет, совершенно неизвестно зачем, — вероятно просто чтобы досадить, — нас держали целый час в аэропорту, потом столько же времени мы сидели в автобусе, который без всякой видимой причины стоял на месте, вместо того, чтобы везти нас в отель. Несколько туристов шведов, возмущенные всем этим, вытащили свой багаж и заявили, что останутся в аэропорту и с первым же аэропланом улетят обратно. Только когда начался скандал и выяснилось, что эти шведы члены парламента, пришел какой-то чиновник с извинениями, уговорил их остаться и через несколько минут наш автобус тронулся.

От аэропорта до Найроби мы ехали больше двадцати километров. Путь и въезд в город красивы, — по бокам цветущие деревья, а посредине клумбы с цветами, — но сама столица грязна и не производит приятного впечатления. Цены на всё очень высокие. Пробыв тут несколько дней, я полетела дальше, в Танзанию.

Там у меня были друзья индусы, очень милая семья, с которой я познакомилась еще во время первого путешествия на пароходе "Оренсей". О своем приезде я их предупредила заранее и теперь, едва выйдя из авиона, услышала по громкоговорителю свою фамилию, — меня вызывали чтобы вручить приветственную карточку от этих друзей, а едва закончилась таможенно-паспортная процедура, они явились в своем автомобиле и повезли меня к себе обедать.

Как раз в эту пору у них гостили многочисленные родственники, приехавшие из Англии и свободных комнат в доме не оставалось, так что я поселилась в отеле, кстати сказать, очень хорошем и чистом. Он, окруженный пальмами, стоял в очень красивом месте, на берегу живописного залива. Брали с меня за комнату с ванной и полным пансионом всего шесть долларов в день.

Дар-Эс-Салам, столица Танзании, находится на берегу Индийского океана. Город живописен, но ничего особенно интересного или достопримечательного тут

нет. Пошла я в местный музей, там главным образом фотографии, причем есть один очень забавный стенд: слева с десяток фотографий: полуголые негры с копьями охотятся на разных зверей или сидят у костра, у всех татуированные тела и лица, и внизу надпись: "так люди в Африке выглядели раньше". А с правой стороны висит зеркало и под ним написано: "А так они выглядят теперь", — и зритель видит в зеркале себя.

Население здесь разнообразное. Есть европейцы, — это главным образом специалисты и высшие служащие, — и много индусов. Последние занимаются почти исключительно коммерцией, — они культурны, живут богато, все имеют собственные дома и автомобили, а детей отправляют учиться в Англию. Основное же, негритянское население живет бедно, выглядит полудико и почти поголовно неграмотно. Есть тут, в Танзании, некоторые оригинальные особенности, например, все уборщики в отелях, учреждениях и домах — мужчины, а женщины сидят дома с детьми. Корреспонденция по домам не разносится, каждый должен получать ее на почте сам.

Мои друзья все время возили меня по городу, показывая всё наиболее интересное, кроме того я совершила большую экскурсию вглубь страны. Мы ехали через плантации, обширные саванны и тропические леса, и наконец приблизились к самому подножию высочайшей в Африке горы Килиманджаро. Ее вершина покрыта вечным снегом, а склоны тропическим лесом. Тут замечательно живописные виды.

Несколько дней спустя друзья проводили меня на аэродром и я полетела в Южную Африку, в город Иоганнесбург.

Многие мои читатели вероятно удивятся: езжу я по десяткам различных стран и чуть ли не в каждой, — даже в самых отдаленных и экзотических, — у меня оказываются друзья, которые меня встречают, принимают и провожают. Да, так оно и было! Со всеми этими людьми я познакомилась и подружилась за время совместного трехмесячного плаванья на пароходе "Оронсей", мы обменялись адресами и стали переписываться. Эти

люди приглашали меня посетить их и когда я приезжала, встречали как родную. На свете гораздо больше хороших, доброжелательных людей, чем это принято думать и есть они во всех странах и народах. Чтобы както отблагодарить их за внимание и заботу, я со своей стороны дарила им мои картины, которые всем очень нравились.

Такие друзья нашлись у меня и в Иоганнесбурге, — семья здешнего крупного чиновника. Конечно, о дне моего приезда мы списались заранее, так что на аэродроме меня встретили и сразу отвезли в пансион, где уже была нанята для меня комната. И после этого ежедневно возили меня по городу и по окрестностям, и даже совершали довольно далекие поездки вглубь страны, стараясь чтобы я получила о ней наиболее полное представление.

Иоганнесбург самый крупный и промышленный из городов Южной Африки (в нем 1.200.000 жителей), стоит он на высоте 1700 метров над уровнем моря и потому тут хороший, здоровый климат. Масса садов и зелени, улицы обсажены цветущими деревьями и выглядят как аллеи, всюду идеальная чистота, громадные, красивые здания, — всё это производит приятное и вместе с тем величественное впечатление. В северной половине города — царство белых, — тут сосредоточены отели, музеи, банки, учреждения, красивые сады и парки, — словом все самое лучшее. В другой части фабрики и промышленные предприятия. Мулаты и негры живут отдельно, на окраине или за городом. Вокруг — золотые копи, которые с одной стороны подступают к самой городской черте и даже под самым городом ведутся разработки.

Я побывала на этих копях (также как и на алмазных, которыми славится эта страна). Возле них прекрасные поселки белых рабочих, тут отличные жилые дома с садиками, спортивные площадки, бассейны для плаванья, пруды, — всё это красноречиво свидетельствует о богатстве страны. Черные рабочие помещаются отдельно, далеко оттуда, но в таких же хороших домах и с теми же удобствами.

В один из ближайших дней мы целой компанией поехали в столицу республики Преторию, — там проживает президент и находятся все органы управления. Этот город гораздо меньше Иоганнесбурга, но он больше похож на цветущий сад, чем на деловой и административный центр. В цветах и в зелени утопают и улицы и дома, и как вопиющее противоречие, — вокруг города со всех сторон алмазные копи, — думаю что во всем мире нигде больше не найти такого странного сочетания!

Целый день мы осматривали город, побывали в музее, в зоологическом саду, конечно на копях, поднялись к красивому зданию парламента, стоящему на горе, — оттуда открывается сказочно красивый вид. Вечером поужинали в шикарном, фантастически декорированном ресторане, — причем в мою честь играли русскую музыку, — и поздно ночью вернулись домой.

На следующий день я отправилась с туристическим автобусом во всемирно известный парк Крюгера. От Иоганнесбурга до него около пятисот километров по замечательно красивой и живописной дороге, а сам парк, — основанный еще в конце прошлого столетия президентом Трансвааля Крюгером, — это колоссальной величины заповедник, вытянувшийся на сотни верст вдоль Крокодиловой реки. В нем 20.000 кв. километров, это целое государство, где в неприкосновенности сохраняется первобытная фауна и флора.

Приехали мы туда уже вечером. При въезде в ворота, нам налепили на стекло автобуса особый пропуск и дали план парка, с указаниями — в каком районе можно скорее всего встретить тех или иных диких животных. Тут же мы узнали, что в парке живут на свободе и пользуются полной неприкосновенностью и защитой более пятисот львов, столько же буйволов, около тысячи слонов, двести пятьдесят жирафов, многие сотни гиппопотамов, несколько десятков тысяч всевозможных антилоп и зебр, множество обезьян, кроме того есть носороги, леопарды и все иные африканские звери и птицы.

В этом парке мы провели четыре дня, ночуя в разных районах. Зверей, конечно видели без конца, — едва

въехав в парк и направляясь к месту первого ночлега, уже увидели стадо буйволов, антилопы прыгали то и дело через дорогу, а стая обезьян просто окружила автобус и некоторые даже вскочили на его крышу.

По регламенту ездить тут полагается очень медленно, но это и лучше: можно без помехи и обстоятельно любоваться красотами парка и животными, в их обычной, естественной жизни. В парке есть и леса и саванны, и горы, с типичным для таких областей "населением". Любопытно было наблюдать жирафов, объедающих листья чуть ли не с верхушек деревьев, или купающихся в реке бегемотов, которые не обращали на нас никакого внимания, тогда как слоны поворачивали голову и похлопывая ушами, провожали взглядом автобус.

Иногда мы проезжали в каких-нибудь двадцати шагах от целого семейства львов, расположившихся на отдых. Вокруг родителей резвились маленькие львята и никакого страха или беспокойства они при нашем приближении не обнаруживали. Видела я довольно неприятную, но все же интересную сцену — как лев погнался за антилопой и убив начал терзать ее и насыщаться. Сразу показались поблизости кандидаты на остатки этого пиршества — гиены и шакалы, начали слетаться хищные птицы, в надежде что и им что-нибудь достанется. Видели мы множество и других животных, — наблюдать их в такой обстановке совсем иное чем в зоологическом саду, тут вы видите частицу первобытного мира, — такою была Африка когда-то, до появления в ней белой цивилизации, с варварским истреблением животных и растений.

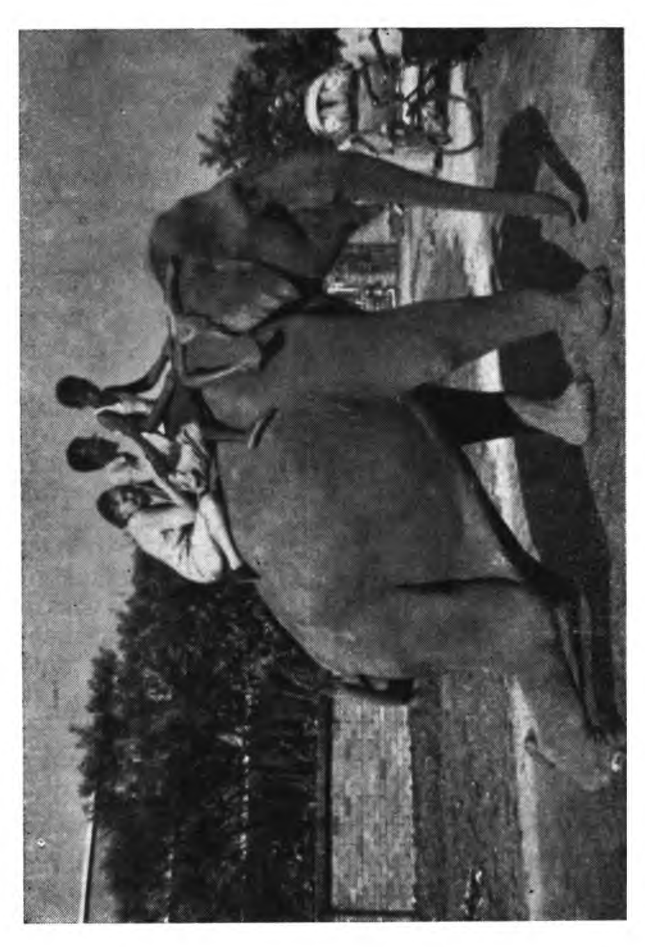
Пробыв в Южной Африке три недели и повидав тут столько интересного, я простилась с моими милыми друзьями и покинула эту богатую и цветущую страну, сожалея лишь о том, что не удалось побывать на самом юге, у мыса Доброй Надежды, в городе Кейптауне, стоящем у подножия знаменитой Столовой горы, мне говорили, что там захватывающе красиво.

31. ЮЖНАЯ АЗИЯ

Сменив аэроплан в Найроби, я полетела в Западный Пакистан, где мы приземлились в городе Карачи, который раньше был столицей этого государства, что было вполне естественно, ибо это крупнейший промышленный и населенный центр, насчитывающий свыше двух миллионов жителей. Однако по каким-то особым соображениям в 1959 году столицей объявили сравнительно незначительный город Равалпинди, лежащий далеко в глубине страны.

Карачи стоит в дельте реки Инда, на одном из ее рукавов, в ста километрах от впадения в море, но глубина тут все же такова, что в порт заходят даже крупные океанские пароходы. Это город где Восток причудливо переплетается с Западом, или, вернее, типичная азиатская старина с современной цивилизацией. На улицах можно увидеть великолепные автомобили и одновременно верблюдов, старые невзрачные постройки перемежаются с модерными домами и даже небоскребами, в уличной толпе половина людей в европейских костюмах, а другая в национальных одеяниях, прекрасные асфальтированные дороги и улицы пересекаются немощеными и покрытыми толстым слоем пыли. Такие же контрасты наблюдаются между богатством и бедностью и во многом еще. Но надо отметить, что везде чисто и опрятно. Впрочем, туристов в грязные трущобы, конечно, не возят, — возможно что где-нибудь на окраинах есть и таковые, но я их не видела.

Через три дня я полетела оттуда в Дели. Наконец-то сбылась моя давнишняя мечта — увидеть собственными глазами сказочную Индию, со всеми ее тайнами и чудесами. И город Дели мог дать о ней более верное



Индия, на слоне

представление чем другие крупные города страны, как, например, Калькутта, Бомбей и Мадрас, оформившиеся уже в колониальную эпоху и для Индии не типичные.

Дели стоит в глубине страны, на одном из притоков священного Ганга, почти у подошвы Гималаев. Возник он еще задолго до РХ, а в начале 12 века христианской эры уже превратился в крупнейший культурный и религиозный центр, вскоре сделавшийся столицей Делийского султаната, а позже —империи великих моголов. Сейчас в этом городе, — который некоторые историки довольно метко называют азиатским Римом, — более трех миллионов жителей и он делится на две неравные части, как бы два соседствующих города, один из которых называется Старым Дели, а другой Новым Дели.

Я остановилась в Новом, выбрав хороший отель в самом его центре. Эта часть города, возникшая только теперь, в нынешнем столетии, выглядит совершенно по-европейски. Она правильно распланирована, тут широкие, прямые улицы, обсаженные деревьями, большие современные здания, всё чисто и благоустроено. Ничего специфически индийского нет, — это фактически административный центр, именно Новый Дели сейчас является столицей Индии.

Тут идет интенсивная стройка. Как раз перед моим отелем огромную круглую площадь превращали в городской сад, т. е. ломали всё что на ней находилось, засаживали деревьями и сооружали посредине красивый фонтан. Эту площадь, от которой лучами расходятся улицы, по всей периферии окружает белая каменная колоннада, поддерживающая своего рода навес, вернее крышу над тротуарами, на которые выходят двери и витрины магазинов, расположенных вокруг площади. По всем расходящимся от нее улицам тоже тянутся вдаль подобные белые колоннады, — это придает городу оригинальность и красоту стиля, в котором, несмотря на его современность, все же чувствуется какой-то намек на индийскую старину.

Совершенно иначе выглядит Старый город, который и по занимаемой площади, и по числу населения значительно больше Нового. Это уже подлинная Индия,

тут во всем заметно живописное своеобразие и есть множество памятников глубокой старины, начиная от древних крепостных стен времен Делийского султаната. Сохранился и замок-дворец великих моголов, а также множество других дворцов, храмов и мечетей исключительной красоты. Особенно великолепна и грандиозна так называемая Соборная мечеть. Она построена в 17 веке из розово-красного камня с белыми мраморными куполами.

Масса подобных достопримечательностей есть также в пригородах и в ближайших окрестностях. Среди них стоит упомянуть знаменитый памятник 4-го века — монолитную "нержавеющую" железную колонну высотой больше десяти метров, и красивейший минарет Кутиб-Минар, сделанный из сплошных, как бы связанных в круглые пучки колонн, в пять этажей. Высота этого минарета 73 метра и до нынешнего века он считался самым высоким зданием в Азии. Фасады и фронтоны многих дворцов и древних храмов украшены стилизованными человеческими и звериными фигурами. Помню, вход в один старый сад был сделан в виде огромной львиной пасти. Всё это придает Индии ее особую, оригинальную красоту.

Видела я здесь совершенно самобытное представление, о котором стоит рассказать подробно. Давалось оно в так называемом "Красном форту", — это старинная внутренняя крепость, окруженная высокими каменными стенами и рвом, — своеобразный кремль великих моголов, в котором стоял их дворец, дворцы членов династии и высшей знати, мечети и всякие правительственные учреждения.

Когда вечером наша группа туристов, с гидом-переводчиком, подошла к воротам этого "кремля", тут уже толпилась масса народу, ожидая представления. Их дается два подряд, первое на индусском языке, а второе на английском. Желая увидеть все так-сказать "в оригинале", мы взяли билеты на первое, тем более что гид всё обещал переводить.

Нас пустили внутрь прежде чем всех остальных. Войдя в ворота, мы попали в длинный и широкий коридор, с обеих сторон которого тянулись магазины про-

дающие всевозможные сувениры. Миновав этот коридор, мы вышли в сад и увидели тысячи скамеек и стульев, расставленных прямо на траве длинными рядами. Это были места для зрителей, а впереди, вместо сцены, на довольно большом расстоянии стояло вогнутым полукругом, почти вплотную, восемь красивых старинных зданий, — это были ныне пустующие дворцы, мечеть и правительственные помещения великих моголов.

Когда совсем стемнело и зрители заняли свои места, наступила полная тишина и послышалась старинная музыка. Почти сейчас же в здании царского дворца вспыхнули яркие огни, а снаружи его осветили прожектором. Невидимый зрителям диктор четким и красивым голосом начал излагать какой-то эпизод из истории Индии. Доведя рассказ до места, когда царь, недавно вступивший на престол, обращается с речью к своим министрам и к народу, диктор умолк, свет в царском дворце погас, но сейчас же осветился стоящий рядом дворец прввительства. Через окна был виден большой зал и стоящий в нем золотой трон. Оттуда послышался голос монарха, говорившего свою речь, а когда он кончил, вокруг дворца послышались голоса народа, который радостно приветствовал своего повелителя. Снова погас свет и осветилась мечеть, а снаружи на нее направили красный прожектор. Послышался голос муллы, который призывал благословение Божье на царя и возносил молитвы о ниспослании ему счастливого царствованья и благоденствия народу. После этого свет в мечети погас и снова осветился царский дворец. Диктор объявил, что прошли долгие годы, этот мудрый и любимый народом царь умер, но у него остались четыре сына, которые в борьбе за власть вступили в кровавые усобицы. Тут диктор замолк и издали послышался топот бесчисленных лошадиных копыт, лязг оружия и воинственные крики. Этот шум становился все громче и грознее, как бы приближаясь, — создавалось полное впечатление что город окружает готовое к штурму войско, это было до того реально что зрителей невольно охватывала жуть.

Затем все внезапно утихло и диктор пояснил, что в междоусобных войнах трое братьев погибли, а оставшийся в живых вступил на престол. Но он оказался

скверным правителем и вместо того чтобы заниматься государственными делами, обзавелся большим гаремом и проводил время в кутежах и развлечениях. Тут снова осветился царский дворец, оттуда начали доноситься музыка, пение, веселые женские голоса и звуки танцев. Затем этот шум начал постепенно затихать и издали послышались иные звуки: тяжелый, ритмичный шаг приближающегося войска, — это англичане начали оккупацию Индии. Со всех сторон слышались крики людей, топот копыт, стрельба, отчаянные вопли детей и женщин.

Опять всё замерло. Но вот настал момент и народ поднялся против оккупантов, началась освободительная борьба. Вспыхивали огни то в одном, то в другом здании, там произносились зажигательные речи вождей. Осветилась мечеть — мулла призывал правоверных на подвиг. Вокруг дворцов и сзади нас что-то грозно кричал народ, — всё это было так натурально, будто мы, зрители, находимся в самом центре этого стихийного движения. Наконец послышался голос обращающегося к народу Махатмы Ганди, — подлинная звукозапись его речи.

Англичан заставили покинуть Индию, она снова обрела независимость. Президентом выбран Пандит Неру, — он произносит по этому случаю речь в парламенте, — опять подлинная звукозапись. В этот момент все дворцы и мечеть освещаются тысячами огней, а оркестр играет индийский национальный гимн, который все прослушали стоя и затем тихо начали расходиться.

Трудно передать в точности этот столь оригинальный спектакль, весь построенный на замечательных звуковых и световых эффектах. Он производит на зрителя необычайное впечатление и я счастлива, что мне удалось его видеть своими глазами.

Из Дели я полетела в Агру, тоже древний город, в котором есть укрепления, дворцы и мечети, являющиеся замечательными памятниками мусульмано-индийского зодчества. Но меня привело сюда желание увидеть знаменитый мавзолей Тадж-Магал, справедливо считающийся самым прекрасным архитектурным творением Азии. Его, по своему собственному проекту построил в

первой половине 17 века великий могол Шах-Джахан, для своей любимой жены Бану[1]), а позже и сам он был тут погребен.

Это бесподобное по совершенству форм и пропорций строение стоит на берегу реки Джамны, (приток Ганга), в прекрасном саду. Войдя в этот сад через красные кирпичные ворота, вы направляетесь к изящной арке, сквозь которую, как в рамке виден мавзолей. К нему ведет отсюда прямая и своеобразная аллея, обсаженная кипарисами. Посреди аллеи, во всю ее длину тянется бассейн, в котором как в зеркале отражается это дивное строение, а по бокам бассейна идут дорожки, вроде тротуаров.

Сам мавзолей, имеющий в вышину более шестидесяти метров, построен из белого мрамора, он производит впечатление необычайной легкости и изящества. По бокам от главного здания, на некотором расстоянии от его четырех углов, стоят высокие и тонкие башни, похожие на минареты, что придает особую, сказочную воздушность всему этому архитектурному ансамблю, который с гениально тонким вкусом сочетает в себе лучшие черты древне-индийского и иранского зодчества.

Перед мавзолеем поднятая на несколько ступеней широкая терраса из бледно-розового мрамора и через огромные бронзовые двери вход внутрь, — тут стоят две беломраморные гробницы с изящной, как кружево, резьбой. Стены и потолок под куполом сплошь выложены мозаикой из полудрагоценных камней, — яшмы, агата, лазурита и др. Основной мотив этой мозаичной кладки — гирлянды цветов и фруктов. Всё это буквально завораживает зрителя, овевая его чувством величавого покоя.

Осмотрев Агру, я отправилась оттуда в Бенарес. Это один из древнейших городов Индии, он стоит на реке Ганге и является главным религиозным центром индуизма. Тут тысячи храмов, посвященных главным об-

---

[1])Ее прозвище было Мумтаци-Магал, откуда и получил мавзолей свое название.

разом богу Шиве, — среди них есть красивые и величественные, но много и совсем невзрачных. Архитектура их самая разнообразная, но большинство украшено барельефами не просто пикантного, а я бы сказала порнографического характера.

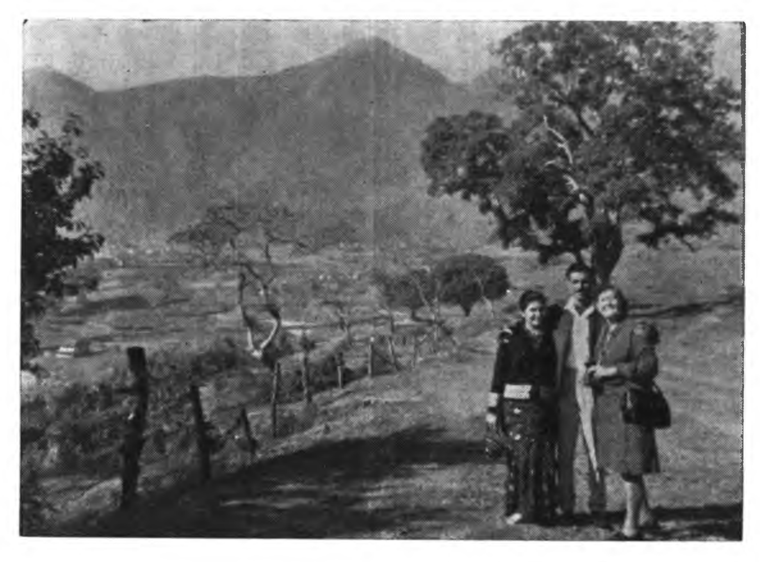
Город мрачен и неопрятен, в нем лабиринты кривых, узких и темных улиц, над которыми почти соприкасаются балконы верхних этажей. По этим грязным и захламленным улицам уныло бродят тощие священные коровы, люди им почтительно уступают дорогу, но видимо никто не кормит, т. к. они поедают на улицах всякие отбросы и даже оберточную бумагу. На берегу Ганга, — который у браминов считается священной рекой, исцеляющей все болезни, — купальни и кабинки для омовения, тут весгда толпы больных и немощных, большинство страшно оборванных и покрытых язвами. Некоторых несут на носилках, — умереть на берегу Ганга это значит получить прощение весх грехов, поэтому многие здесь лежат, ожидая смерти, а когда она приходит, тело тут же поблизости сжигают. Всё это представляет собой крайне неприятное зрелище. Да и вообще убожество, бедность и косность видны тут на каждом шагу.

Бенарес славится также мастерскими, изготовляющими великолепные шелковые материи и готовые "сари", которые вручную вышиваются золотыми нитками, вернее тончайшей золотой проволокой. Я посетила одну из таких кустарных фабрик, — тут люди ткут и вышивают сидя прямо на земле, застеленной грубым холстом. Все подмастерья — мальчики десяти-двенадцати лет, они помогают старшим, подают им нитки, а заодно с детства учатся этому ремеслу, вернее искусству. Таких прекрасных материй, с непревзойденными по вкусу античными узорами, я еще никогда не видела, но и цена их достигает пятидесяти долларов за метр. Мне сказали, что есть и более дорогие, просто драгоценные, которые в продажу не поступают, а делаются лишь по заказам восточных владык и багачей. Ткачи, которые вручную делают эти материи, подлинные художники-артисты, получают за свой труд двадцать-тридцать долларов в месяц, живут тут же в жалких лачугах. Мастер-

ство их передается из поколения в поколение, отец уже с детства обучает сыновей тонкостям этого ремесла.

Вобщем Бенарес произвел на меня тяжелое, гнетущее впечатление и я, не задерживаясь тут долго, села на аэроплан и вылетела в горное королевство Непал, граничащее с Тибетом.

Подлетая, я еще издали увидела величественные снежные горы, но столица страны Катманду расположена ниже, в предгорьях Гималаев, на высоте 1400 метров. Город небольшой, всего сто тысяч жителей. Центр довольно грязный и невзрачный, дома двухэтажные, улицы узкие, хороших магазинов не видно, — больше лавченки. Но в новой части города, где я поселилась в довольно приличном отеле — есть и хорошие постройки. Тут помещаются иностранные посольства, дорогие отели и всякие учреждения. В огромном саду стоит дворец магараджи — короля Непала. Отсюда, в конце улицы видна гора, покрытая густым лесом, а за нею вдали



Непал, возле города Катманду

снежные вершины. В пределах Непала находится самая высокая в мире гора Джомолунгма (или Эверест), достигающая 8.856 метров, да и две другие здешние вершины ей мало уступают: Канченджонга — 8.585 метров и Макалу — 8.470 метров.

В Катманду много буддийских религиозных святынь, в том числе древний храм Боднахт, построенный более двух тысяч лет тому назад, но особого впечатления он не производит, хотя возле него всегда толпится масса туристов. Между прочим, их тут вообще множество, в том числе я видела целую кучу хиппи из Германии, которые покупали старинные вещи и сувениры, и в средствах при этом не стеснялись. Кстати, здесь весьма развита кустарная промышленность и делают очень красивые, изящные вещицы, особенно из бронзы и меди, покрывая их тонкой, художественной чеканкой.

Осмотрев как следует Катманду, я поехала на туристическом автобусе в буддийский монастырь, находящийся высоко в горах, поблизости от столицы. Окрестности города удивительно красивы. Дорога, причудливо извиваясь поднималась все выше в горы, сначала через смешанный лес, в котором виднелись даже пальмы, потом через хвойный, с соснами и елями, наконец этот лес поредел и вокруг стали открываться виды потрясающей красоты, — в одну сторону величавые снежные вершины, в другую — зеленые холмистые дали с лепящимися кое-где красными глиняными домиками; далеко внизу змеилась кристально чистая речка, а возле нее, и выше и ниже, по склонам располагались террасы засеянные рисом. Это основной продукт питания страны, т. к. овощей и фруктов здесь очень мало.

Сам монастырь, — старинное каменное здание, стоящее в горах, — ничего особенно интересного собой не представлял, но дорога туда была исключительно живописна, ради одного этого стоило поехать.

Побывала я также в городе Патан, недалеко от Катманду. Он невелик, но славится кустарными изделиями из ценного дерева сандала, всегда сохраняющего сильный и приятный запах. Есть тут также мастерские медных изделий, с особенно изящными, ажурными работами из проволочной вязи. Во всех этих мастерских ху-



Вид в Тибете

дожники-кустари работают сидя прямо на земле, со своим инструментом под боком. Платят им в среднем пять рупий за день, — это приблизительно полдоллара, и живут они без преувеличения впроголодь.

В этом же городке мы осматривали старинные, двенадцатого века пагоды, некоторые из них в пять этажей, с вычурными крышами и украшениями из позолоты. Внутри стоят статуи Будды, а стены изукрашены красивыми фресками.

Из Непала я полетела в Дакку, столицу Восточного Пакистана. Этот город невелик и мало интересен, хотя тут есть руины нескольких древних дворцов и храмов. Новая, европейская часть города выглядит довольно прилично, здесь есть фешенебельные отели и роскошные особняки, а в старой, туземной части отовсюду вы-

пирают бедность и убожество. В этот неуютный город я приехала главным образом потому, что хотела повидаться с семейством знакомого доктора индуса, который был профессором здешнего университета. Пробыв у них несколько дней, полетела дальше, в Тайланд, или, как его раньше называли, Сиам.

Бангкок, столица этого государства, очень красочный, богатый и оригинальный город. Он построен в низменной местности, на многочисленных рукавах и каналах в дельте реки Менам, и отчасти "повторяет" Венецию, но конечно в совершенно иной, азиатской версии. Так как тут часто бывают разливы реки, вдоль каналов постройки бедноты стоят на сваях, а более трехсот тысяч человек, т. е. одна пятая населения города, всю жизнь живет на плаву, на плотах или в больших лодках — "сампанах".

По каналам, как по оживленным улицам, идет бойкое движение. Тут на лодках разъезжают бесчисленные торговцы фруктами, овощами и прочим. В некоторых местах товары (посуда, одежда, плетенные изделия и пр.) разложены на деревянных столах — платформах, прикрепленных над водой к столбам и сваям. Я посетила один такой очень большой и единственный в своем роде полуплавучий базар, — там было такое изобилие великолепных овощей и фруктов, не говоря уж о прочем, что невольно напрашивалось сравнение с Восточным Пакистаном, который находился рядом, но ничего этого не имел.

Более высокая, центральная часть города имеет, конечно, совершенно другой вид. Тут парки, бульвары, большие и прекрасные здания, отели, великолепные магазины. За белой стеной сиамский "кремль" с двумя королевскими дворцами и чудесными храмами. Население в городе смешанное, кроме сиамцев, много индусов, китайцев и малайцев, — все они живут в своих районах и по своим обычаям, — в этих местах грязновато, особенно в китайском квартале. Вокруг города сплошные рисовые поля и фруктовые сады.

Много памятников древнего зодчества, в особенно-

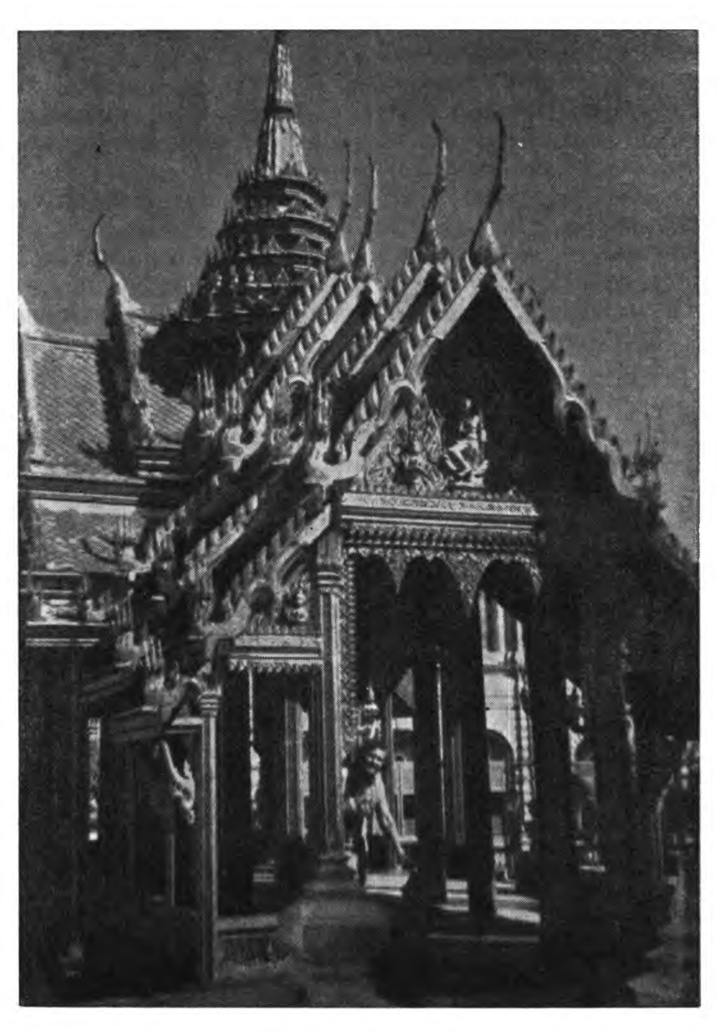
сти буддийских храмов с пагодами замечательной красоты, — это башни в пять и более этажей, со своими специфическими "слоенными" крышами, покрытыми цветной глазурью. Обыкновенно тут же, при пагоде общежитие монахов, а все это окружено красивым садом и высокой стеной. Украшены эти храмы цветной зеркальной, или золотой мозаикой, лаковой росписью, позолоченными орнаментами, листовым золотом и скульптурными или бронзовыми фигурами. Во всем этом виден исключительный, как бы одухотворенный вкус, а художественная работа до того тонка и изящна, что иногда просто не верится, что это создано человеческими руками. Особенно красивы и богато отделаны старый королевский дворец "Махапрасад" и великолепный храм Ван-Арун.

Во всех храмах внутри всевозможные статуи Будды, он изображен во всех позах, — стоя, сидя и лежа, — и с самыми различными выражениями лица. Размеры этих статуй варьируют от совсем миниатюрных до огромных, есть одна в сорок метров. Но более замечательна другая, целиком сделанная из зеленого нефрита, — она кажется живой.

Мы совершили интересную поездку по реке, любуясь живописными видами, осматривали по пути стоявший на берегу буддийский храм редкой красоты, а в другом месте, под особым навесом, три оригинальной формы и роскошно отделанные гондолы, служившие для речных прогулок короля и его свиты.

Бангкок оставил у меня самое хорошее впечатление. Всё здесь оригинально, красочно, магазины полны великолепными товарами, в том числе масса золота, серебра и драгоценных камней. Это не только столица государства, но и крупнейший торговый и культурный центр, — достаточно сказать, что в этом городе пять университетов.

Люди тут веселые, симпатичные и приветливые, а женщины изящны и красивы с особенно нежным цветом лица и тонкими чертами. Не удивительно что они легко покоряют сердца американцев-военных, которые



Тайланд, буддийский храм в Бангкоке

массами ездят сюда в отпуск, густо засеивая эту страну долларами.

Из Бангкока я через Гонг-Конг полетела на Формозу. Это большой, гористый и очень красивый остров, — дороги тут вьются по живописным долинам, поднимаясь в горы, сначала сквозь пояс тропического леса, с пальмами, бамбуком и лианами, а выше это сменяется кипарисами, соснами и елями. Что же касается столицы острова, города Тайбей, то новая его часть выглядит прилично, а старая типично китайская, невзрачна и грязна.

Далее, на обратном пути я на короткое время заехала в Токио, а затем через Гаваи к началу зимы возвратилась в солнечную Аризону.

ШЕСТОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Посвящается
д-ру Вальтеру Зушке.

---

32. ЧЕРЕЗ ТИХИЙ И ИНДИЙСКИЙ ОКЕАНЫ

Итак, за последние несколько лет я совершила пять продолжительных путешествий и повидала десятки стран и городов. Однако, на земном шаре оставалось еще много невиденных, но привлекавших меня мест и потому в августе 1969 года я пустилась в шестое кругосветное путешествие. Из всех оно оказалось пожалуй самым интересным, и если не в "зрительном" отношении то, во всяком случае, в духовном оно мне принесло больше всего удовлетворения и радости.

На этот раз я решила половину пути, — от Лос Анжелоса до мыса Доброй Надежды в Африке, — проехать морем, а оттуда возвратиться на самолете, через Южную Америку. Сообразно этому плану, 18-го августа я села на пароход "Орсова" Р. О. Лайн, который направился не прямо через Тихий океан, а прошел предварительно, подбирая пассажиров, через Сан Франциско, вдоль всего западного побережья США, до канадского порта Ванкувер, и только оттуда повернул на Гаваи.

Я везла с собою около шестидесяти картин обычного моего жанра, — цветы написанные на шелку масляными красками. Все они были небольшого формата и без рам, так что занимали мало места и меня в дороге не обременяли. Здесь, по пути, я предложила паро-

ходной "хостесс"[1]) устроить выставку этих картин. Она от этого предложения пришла в восторг и энергично взялась за дело. В пароходном бюллетене, который издавался ежедневно, под названием "Доброе утро", было объявлено о предстоящей выставке, с предложением принять в ней участие и другим художникам, если таковые есть среди пассажиров. Нашлись двое: одна дама, мастерица художественной резьбы по металлу и по ювелирным работам, и русская барышня Марина П., начинающая художница анималистка, имевшая с собой несколько очень недурных акварелей. Наша выставка состоялась накануне прихода в Гонолулу и имела большой успех, у меня купили двадцать картин.

На Гаваях в эту пору стояла ужасная жара. Так как я тут побывала уже три раза и остров изъездила вдоль и поперек, — на этот раз решила остаться на пароходе, где было прохладнее, и занялась рисованием местных цветов, которые в большом количестве принесли с берега.

В день отплытия на пароходе дала интересный концерт труппа гавайских артистов, которые выступали в красочных национальных костюмах и доставили пассажирам большое удовольствие своими танцами, музыкой и пением. Из Гонолулу мы вышли поздно вечером. Была чудная лунная ночь и сидя на палубе я долго любовалась полным величавого покоя видом гористого, усеянного береговыми огнями острова и ночного, фосфоресцирующего моря.



Дальнейший наш путь был мне уже знаком по одному из предыдущих путешествий: мы шли курсом на Австралию, пересекая Полинезию, и следующая остановка была в порту Сува, на островах Фиджи, где я уже побывала три года тому назад. Конечно, друзья у которых я тогда гостила, были заранее извещены и теперь, когда пароход приближался к пристани, я радостно предвку-

---

[1]) «Хостесс» — хозяйка, распорядительница, — административная должность на крупных пассажирских пароходах.

шала встречу с этими милыми людьми и напрягая зрение старалась отыскать их в толпе встречавших. Но солнце било в глаза и я ничего не видела кроме стоявшего впереди всех военного оркестра в красно-белой форме, который по местной традиции с музыкой встречал прибывший пароход. Однако едва на берег перекинули сходни, мой старый знакомый доктор Нагасима был уже возле меня. Он сказал, что его домочадцы ждут нас на пристани, а семьи почтмейстера Бадаля сейчас здесь нет, — у него месячный отпуск и все они уехали в Австралию. Искренне огорченная тем, что их не увижу, я сошла на берег, где сразу попала в объятия семьи Нагасима и почти в ту же минуту возле нас остановился автомобиль, из которого вышли радостно улыбающиеся супруги Бадаль! Мы были страшно удивлены, особенно доктор, который столь скорого их возвращения никак не ожидал. Оказывается, из письма родственников они узнали, что я приеду этим пароходом и останусь на Фиджи только один день, и потому ночью прилетели самолетом из Австралии. Желание повидать меня заставило их прервать каникулы, — это меня растрогало до слез.

Из порта поехали к доктору обедать. Впрочем, это был не обед, а подлинный пир, чего только на столе не было! Европейские блюда сменялись местными, национальными и всё было приготовлено замечательно вкусно. Стоит добавить, что дело происходило в новом, прекрасном доме, который госпиталь построил специально для доктора. В нем было шесть или семь комнат, великолепная кухня, две больших веранды и все современные удобства. Этот дом, окруженный садом, стоял на горке и оттуда открывался на редкость красивый вид.

После обеда супруги Бадаль повезли меня на своем автомобиле кататься по острову, а затем к себе, на вечерний чай. Как и в первый мой приезд, обе эти семьи проявили по отношению ко мне исключительно сердечные чувства и снова засыпали меня чудесными подарками — сувенирами. Среди них были всевозможные кустарные изделия из морских раковин и черепахи, различные украшения из местных, полированных камней,



«За рулем», на пароходе «Орсова»

вышитая серебром индусская шаль и замечательный кофейный столик, целиком выточенный из какого-то редкого и очень тяжелого дерева. Верх его был полирован и на нем была художественно вырезана карта всего архипелага Фиджи. Этот изумительно красивый и оригинальный столик был настолько тяжел, что я не могла взять его с собой и позже Бадаль мне прислал его в Америку почтовой посылкой. Разумеется и у меня для них всех заранее были заготовлены хорошие подарки.

Вечером обе семьи проводили меня на пароход и мы трогательно простились. Снова нас провожал тот же оркестр. По мере того как пароход отдалялся от бебега, звуки его постепенно замирали вдали, на пристани сливались отдельные детали и вскоре уже нельзя было различить дорогих друзей, долго махавших мне вслед платками...

В дороге я подружилась с молодой художницей Мариной и ехавшими с нею матерью и бабушкой. Они переселялись из Америки в Австралию, совершенно чуждую и неведомую им страну, где не имели ни родственников, ни друзей. Согласно их рассказу, получилось это так: однажды прочли они в газете адрес одной русской дамы, давно живущей в Австралии, и завязали с нею переписку. Эта дама, видимо скучая без русского общества, уговорила их переехать туда, на что они легкомысленно согласились. В Калифорнии Марина училась в университете, ее мать имела хорошую работу, а бабушка по старости получала городское пособие и квартиру. Таким образом, жилось им далеко не плохо, но Марина и ее мать, — еще сравнительно молодая женщина, — мечтали выйти замуж. В Америке подходящих женихов не нашли и понадеялись, что они найдутся в Австралии.

Я с ними поделилась своими впечатлениями об этой стране, где в позапрошлом году прожила почти два месяца, рассказала о примитивных и тяжелых условиях жизни наших соотечественников, которых там видела, и добавила, что почти уверена в том, что их ждет тяжелое разочарование. Увы, так оно и вышло. Вскоре по возвращении домой, я узнала от одной общей зна-

комой, что они попали в Австралии в ужасное положение: все свои небольшие средства истратили на эту поездку, ни женихов ни работы не нашли и сидели без денег, нечем было даже заплатить за комнату. Мечтали возвратиться в Америку, но путь туда был им закрыт, т. к. они не имели американского гражданства и при выезде им не поставили обратной визы.

⁂

Из Фиджи наш пароход направился в Новую Зеландию. Всю дорогу нас сопровождала скверная погода, дул холодный, порывистый ветер и нельзя было выйти на палубу. Когда мы прибыли в порт Окленд, на Северном острове Новой Зеландии, там был такой холод, что я не поехала с другими осматривать город и окрестности. Прошлась только по пристани и двум-трем ближайшим кварталам, хотела купить кое-какие сувениры, но всё тут было настолько дорого, что пришлось отказаться от этой мысли.

В Окленде к нам село много новых пассажиров, направляющихся в Австралию. Когда мы поехали дальше, океан был еще более бурным, пароход сразу начало сильно качать и большинство публики лежало пластом в своих каютах. К счастью на меня качка совсем не действует, я чувствовала себя хорошо и проводила время как обычно, и даже более весело, т. к. при такой "неуютной" погоде, чтобы развлечь и ободрить пассажиров, пароходная администрация обычно устраивала всевозможные игры, концерты, танцы и т. п. Так шло и сейчас, — всякие развлечения и новинки с утра до вечера следовали одно за другим. В промежутках публике предлагали коктейли или на выбор всякие закуски и холодные блюда в столовой, а с темнотой устраивались балы или костюмированные вечера.

Однажды в пароходной газете — бюллетене было объявлено, что вечером в парадном салоне организуется большой "коктейль парти", во время которого туристов будут представлять капитану парохода м-ру Прауз. К шести часам все принарядившись стояли уже у дверей салона. Они отворились ровно в шесть и при

входе нас встретили капитан и несколько его офицеров, все в парадных белых мундирах. Матросы проворно разливали и разносили напитки, а офицеры радушно угощали и развлекали гостей. Когда капитану назвали мою фамилию, он любезно сказал:

— Я очень сожалею, что судьба помешала мне быть на вашей выставке, но надеюсь, что вы ее повторите и я таким образом смогу исправить это упущение.

Несколько дней спустя, в числе других десяти пассажиров, я получила от капитана приглашение на обед за его столом. Здесь он снова просил известить его, когда я сделаю выставку, т. к. ему очень хочется видеть мои работы. Я обещала, а на следующий день послала ему свою картину — аризонский кактус "Принцесса ночи". Капитан был в восторге и через "хозяйку" прислал мне письмо, в котором не поскупился на похвалы моему таланту. От себя хозяйка (которую мы уже начали называть просто по имени Анджелой) добавила, что капитан собирается возвратить мне картину, т. к. думает, что я прислала ее просто на показ. Но я попросила передать капитану, что это мой скромный подарок, в знак признательности за его заботливое и внимательное отношение к туристам. В тот же вечер я получила письменную благодарность капитана и в подарок, на память, вечное перо с оригинальной прозрачной ручкой, в которой плавает крошечная но точная модель нашего парохода "Орсава".

За это последнее время я познакомилась и близко сошлась с двумя соплавательницами, — одна, Нора Хильтон, была родом из Австралии, но в данное время жила на Фиджи, где служил ее муж, а сейчас ехала в Сидней, навестить замужнюю дочь и сына студента. Другая, Джерри Севаль, была журналистка из Канады. Обе они были очень интересными собеседницами и в разговорах с ними время проходило приятно и незаметно.

Девятого сентября мы прибыли в Сидней. Здесь обе мои приятельницы сошли на берег, они уговаривали меня провести этот день с ними, в городе, но из-за отвратительной погоды я вынуждена была от этого от-

казаться. Тогда они, посовещавшись между собой сказали, что вечером придут на пароход со своими родственниками и друзьями, чтобы провести эти последние часы вместе со мной. Тут же заказали пароходному метрдотелю ужин на двенадцать человек, а меня настойчиво просили к ужину подготовить выставку моих картин.

К шести часам вечера, при содействии милой "хозяйки" Анджелы, я приготовила выставку и почти сразу пришла вся компания с берега. В числе приглашенных были фотограф и репортер самой крупной сиднейской газеты "Сон Хералд", что было для меня полной, но разумеется приятной неожиданностью. Фотограф тут же сделал несколько снимков, репортер осмотрел выставку и проинтервьюировал меня, затем гости купили несколько моих картин и мы отправились ужинать. Очень весело и оживленно провели время до полуночи, после чего распрощались и гости уехали, а я отправилась спать. Но заснуть удалось не сразу, т. к. на пароходе шло большое движение и было шумно, — все время грузились новые пассажиры.

Выйти в море мы должны были в восемь часов утра. Когда за несколько минут до этого я поднялась на палубу, сразу же увидела на пристани моих приятельниц Нору Хильтон и Джерри Севаль, — они пришли проводить пароход и на прощанье помахать мне платками, чем я была тронута до глубины души. В сущности это были совершенно случайные путевые знакомые, к тому же люди другой национальности, а сколько они мне уделили сердечности, внимания и душевного тепла! Впрочем, меня это больше не удивляло. То ли так сближает путешествие, то ли мне исключительно везло на хороших людей, а может быть просто их на свете гораздо больше чем плохих... Не знаю, но искренние и добрые друзья у меня сейчас есть повсюду.

К тому моменту когда отходил наш пароход, на берегу собралось не меньше тысячи провожающих своих родных и друзей, они выкрикивали напутственные пожелания и забрасывали стоявших на палубе лентами разноцветного серпантина. На пристани играл военный оркестр в живописных шотландских костюмах и до са-

мого выхода из порта вслед нам неслись звуки бравурной музыки.

На сутки наш пароход остановился в городе Брисбене. Там климат гораздо теплее и суше чем в Сиднее, город изобилующий прекрасными парками тоже выглядит отрадно и привлекательно, — очень жал, что мы не пробыли там дольше. Тут село на пароход много новых пассажиров, среди которых преобладала довольно развязная и шумная молодежь. Здесь я впервые увидела как ныне одеваются английские модницы: на всех, независимо от возраста, платья были до того короткие, что противно и стыдно было смотреть, а то что раньше открывалось, т. е. шея и руки, были, наоборот, целомудренно прикрыты. Юбки, если тут применим этот термин, были не длиннее двенадцати дюймов от талии. Многие к тому же были босиком... К счастью я тут познакомилась с несколькими цейлонцами, один из них был архитектор, ехавший со своей красавицей женой (которую многие туристы изподтишка фотографировали), другой коммерсант, тоже с женой и с ними ехал молодой студент цейлонского университета. Не в пример многим европейцам, это были люди культурные, безукоризненно воспитанные и к тому же отличные собеседники, с очень развитым чувством юмора. Одеты они тоже были вполне прилично, женщины в красивых шелковых сари, а мужчины в европейских костюмах, с галстуками. Мы вместе проводили время и с утра до ночи бывали неразлучны.

В один из ближайших дней Анджела вслух прочла собравшимся в салоне туристам сделанное на английском языке описание пяти моих предыдущих кругосветных путешествий, после чего многие из присутствовавших задавали мне вопросы и расспрашивали о тех или иных странах и деталях.

Затем снова была устроена выставка, которую я пополнила новыми картинами. Одновременно со мной выставили свои произведения моя новая приятельница цейлонка Маниль, жена архитектора (рисунки "батиком“ на сари и на платках) и один художник модернист, картины которого, кстати сказать, остались публике непонятными. В остальном выставка прошла успешно, ее

посетили капитан и все его офицеры. Было куплено много моих картин.

Наш пароход, между тем, направившись из Брисбена в Сингапур, прошел вдоль восточного побережья Австралии, затем мимо огромного и еще совершенно дикого острова Новая Гвинея, исследованием которого прославился наш соотечественник Маклуха-Маклай, потом миновал Зондские острова, — причем Целебес и Борнео остались у нас с правой стороны, а Ява и Суматра с левой, — на короткое время зашел в Сингапур, где я уже побывала раньше, и наконец, пройдя через Малаккский пролив, вышел в Индийский океан, направляясь к Цейлону.

Мы подходили к нему 28-го сентября, дата оказавшаяся в нашей компании двойным праздником: день рождения мой, и цейлонского студента Лаки. По этому случаю я заказала в пароходном ресторане большой торт, а метрдотель распорядился сервировать для нас и украсить цветами отдельный стол на двенадцать человек, в столовой капитана. Мы все, празднично одетые, уселись там и весело провели время до поздней ночи.

Утром пришвартовались в порту Коломбо, столице Цейлона. Так жаль было расставаться с моими новыми друзьями, которых тут встретили многочисленные родственники. Мы трогательно простились, обменявшись адресами для переписки, и подарками, — я получила цейлонские сувениры, а они мои традиционные цветы на шелку. И меня усиленно уговаривали приехать пожить у них на Цейлоне, и рисовать здешние чудесные тропические цветы, некоторые из которых растут исключительно на этом острове.

Мне было так грустно, как будто я разлучалась с дорогими и близкими родственниками, — мне кажется, что и мои цейлонские друзья испытывали такое же чувство, но мы бодрились и утешали себя надеждой на будущую встречу. После того как они сошли на берег, пароход для меня опустел и частицу своего сердца я оставила на этом далеком и дотоле мне чужом острове Цейлоне.

Веообще я заметила, что в обстановке таких длительных путешествий, когда перед человеком с калей-

доскопической быстротой сменяются страны, города, народы и люди с различным цветом кожи, костюмами и обычаями, — он как бы переселяется в какой-то особый, полусказочный мир, в котором начинает чувствовать себя духовно обновленным, более молодым, жизнерадостным и восприимчивым. Вероятно именно потому так быстро завязываются между случайными спутниками искренняя дружба и взаимопонимание, особенно когда у них есть возможность разговаривать на общем языке, в данном случае на английском.

Из Коломбо наш пароход направился к берегам Южной Африки, где, после захода в некоторые попутные порты, он должен был оставить меня в городе Кейптуане, — конечном пункте моего морского путешествия. Дальше мне предстояло лететь самолетом.

Время в течение этого перехода шло как обычно. Однажды меня, в числе нескольких других "избранных" пассажиров, капитан пригласил к себе на коктейль. Несколько дней спустя на пароходе был устроен костюмированный бал, но многие "костюмы" были настолько безобразно-откровенного свойства, что я оттуда поспешила уйти. Теперь на каждом шагу приходится убеждаться в том, что истинная культурность ныне явно переместилась от так называемых передовых народов к тем, которые считались отсталыми.

Когда мы были уже у берегов Африки и подходили к Порт-Наталю, предполагалось устроить вечер веселья, с различными играми, киосками, комическими выступлениями и лотереей, выручка от которой шла в пользу сирот — детей моряков. Для этой лотереи я пожертвовала одну из своих картин, она была главным выигрышем, а потому "хозяйка" Анджела попросила меня утром в последний раз выставить мои картины, чтобы возбудить интерес публики к предстоящей лотерее. Очевидно эта выставка действительно помогла, потому что лотерея дала очень хороший сбор. Вечер, в котором приняли участие капитан и офицеры, прошел очень весело и интересно. К счастью он был организован на открытой палубе, и так как дул довольно холодный ветер, "передовая" публика вынуждена была одеться более или менее прилично.

33. ЮЖНАЯ АФРИКА

Вечером пятого октября мы пришвартовались в порту Дурбан, который прежде был главным городом английской колонии Наталь, а теперь, вместе с последней, входит в состав Южно-Африканской республики.

Тут меня ожидал большой сюрприз: по громкоговорителю услышала свою фамилию и просьбу явиться в салон библиотеки первого класса. По пути туда встретила в коридоре двух пароходных офицеров, которые разыскивали меня среди пассажиров и не объясняя в чем дело, пошли вместе со мной. Всем этим я была изрядно взволнована, думая что случилось что-нибудь неприятное, но в библиотеке мне представили трех репортеров и фотографа газеты "Невал Меркюри", издающейся в Дурбане. Они попросили показать им мои картины, сфотографировали меня, а затем принялись расспрашивать о моей жизни и путешествиях. Наша беседа продолжалась почти два часа. Интервью и фотография появились в газете уже после того, как мы покинули Дурбан и я этот номер увидела позже, в Кейптауне.

Дурбан красивый и довольно большой город, в нем около шестисот тысяч жителей, причем приблизительно поравну европейцев, негров и индусов, — последние почти все занимаются коммерцией и в большинстве живут богато. Очень живописны и окрестности города, особенно шоссейная дорога, идущая по берегу океана, среди цветущих садов.

Следующей нашей остановкой был Порт-Элизабет, небольшой и ничем не примечательный город, а день спустя мы вечером уже подходили к Кейптауну и нашим восхищенным взорам открылся величественный вид большого города, раскинувшегося среди обильной

зелени по берегу океана, на фоне высоких гор, увенчанных плоской вершиной так называемой Столовой горы с совершенно отвесными склонами и густыми лесами, охватывающими подножье.

Тут мне предстояло высадиться. Когда я стояла в очереди для получения документов, ко мне подошли проститься капитан парохода и "хозяйка" Анджела, — этим знаком внимания я была очень польщена и растрогана. А едва сошла на берег, меня обступили репортеры местной газеты "Кэпп Таймс", однако я была так утомлена укладкой чемоданов и портовыми формальностями, что попросила их прийти ко мне завтра, обещав по телефону сообщить в редакцию свой адрес.

Устроилась я в отеле "Вудвилль", в самом центре города, где получила хорошую комнату с балконом, на втором этаже. На следующее утро явились репортеры, которые меня сфотографировали и получили все интересующие их сведения, а на следующий день всё это уже появилось в газете. Положительно, начиная с Сиднея, я попала в сферу внимания прессы и мой путь начал превращаться в некоторое подобие триумфального шествия...

Первые два дня у меня ушли на осмотр города. Как я уже отметила, он очень живописен и производит отрадное впечатление. Он окружен горами и только своей южной частью выходит к океану. Очень чисто, в центре и на берегу великолепные здания, много небоскребов, шикарные магазины. Улицы, идущие от берега вверх, довольно узкие, движение по ним только в одну сторону, а поперечные расположены амфитеатром, они шире и красивее. Множество автомобилей, но езда удивительно культурная, автомобилисты правят осторожно и корректно пропускают пешеходов. В уличной толпе, кроме европейцев, заметно много индусов и малайцев, но негров почти не видно, во всяком случае в центре, они живут отдельно.

Для жителей Южной Африки характерна любовь к цветам. Они тут и растут и продаются повсюду, а почти во всех магазинах и учреждениях висят картины, изображающие всевозможные цветы. В центре города, воз-

ле здания главного почтамта, ежедневный цветочный базар занимает целый квартал. Такого обилия и разнообразия цветов исключительной красоты и непередаваемо нежных ароматов я еще нигде не видела. И их покупает чуть ли не каждый прохожий, так что к полудню всё уже бывает распродано, продавщицы убирают свои стойки и ведра, наводя вокруг полный порядок, а на следующее утро тут снова море цветов.

Побывала я, конечно и в городском ботаническом саду, он подлинно прекрасен. Было ясное солнечное утро, тут царили тишина и покой. Люди сидели на скамейках или прогуливались по аллеям, среди высоких, стройных пальм и цветущих деревьев, наслаждаясь пением птиц и благоуханием всевозможных цветов самой радужной окраски, изумительных форм и размеров. Самый популярный, если можно так выразиться — государственный цветок Южной Африки — это "протеа".



В Южной Африке «Картина цветов»

Они бывают всевозможных цветов, красные, розовые, лиловые, желтые и др., а величиною достигают одиннадцати дюймов в диаметре.

В один из ближайших дней я решила съездить в Кеп-Пойнт, — это самая южная точка мыса Доброй Надежды, находящаяся в пятидесяти километрах от Кейптауна. Дорога туда исключительно живописна. Она идет почти все время по крутым обрывам, над океаном, а вокруг, на склонах гор, тут и там виднеются красивые виллы, притаившиеся в цветущих садах. Дул ветер, на море было сильное волнение, огромные волны с грохотом взлетали на скалы и низвергались вниз каскадами белой пены. Местами дорога отдалялась от берега и шла по равнине, тогда мы ехали мимо огороженных полей засаженных цветами протеа и другими, а дальше — по территории государственного заповедника, где на свободе бродили целые стада различных антилоп, зебры, страусы, множество обезьян и другие животные, которые были отлично видны с нашего автобуса.

Через три часа мы были у цели. Остановились у подножия довольно высокой горы, возле небольшого магазина торгующего разными сувенирами. Отсюда желающие пошли наверх пешком, а остальные пересели в маленький автобус и по очень извилистой дороге поднялись на вершину. Оставалось подняться еще немного по лестнице, к самой высокой точке, где находится старинный маяк и обсервационный пункт, с большим телескопом. К сожалению, день был очень пасмурный и густой туман не позволил нам полюбоваться отсюда видом города, живописных далей и простором бушующего внизу океана, — точнее двух океанов, т. к. именно в этой точке Атлантический сходится с Индийским.

Назад мы возвращались иной дорогой, по другому берегу полуострова, который не так скалист и обрывист. Тут по пути, в лесу и садах разбросаны всевозможные постройки морского ведомства, навигационная школа, казармы и т. п., а ближе к городу — частные виллы, всё это в зелени и цветах. Воздух тут прямо как целебный бальзам и нет ветра, который свирепствует с другой стороны полуострова.

На следующий день снова было солнечно и я поехала на автобусе в "Кирштекбуш Гарден", сад находящийся примерно в десяти километрах от города. Дорога туда идет зелеными полями и на полпути в цветущем саду, на фоне лесистых горных склонов, стоит здание университета, обращенное фасадом к океану, — его местоположение наредкость живописно.

Вскоре мы подъехали к саду, окруженному железной решеткой. От ворот видны дороги, лучами уходящие вдаль, к синеющим отрогам гор. Сад огромный и дивно красивый. Сразу от входа начинаются зеленые лужайки буйно заросшие белыми лилиями, с широкими, идущими от самых корней листьями. Дальше широкими россыпями пестреют причудливой формы цветы, так называемые "райские птицы". Подобно большинству других тропических цветов, они имеют много разновидностей самой разнообразной окраски: одни ярко оранжевые, с длинными лиловыми усиками как бы выбиваются из красного гнездышка и листья у них узкие, стрельчатые, другие такой же формы, но лимонно-желтые с белыми и зелеными усиками и широкими листьями, третьи почти белые, в светло зеленом обрамлении.

Дорожки разбегаются по холмам, одни идут вверх, другие вниз и сколько по ним ни ходи, всюду видишь цветы, цветы и цветы... Трудно было оторвать от них восхищенные взоры, тем более что среди этих цветов было много таких, которых я никогда и нигде прежде не видела, даже не подозревала о их существовании. Например, на одном бугорке выделялся пышный куст, покрытый листьями трех различных тонов: светло-зелеными, темно-зелеными и почти белыми; среди этой разноцветной листвы красуются изумительные, крупные, пушистые цветы почти шарообразной формы, белые с лиловыми верхушками. Глядя на них, прямо не верится что это живые, естественные цветы! Их названия я не смогла узнать, но сделала с них несколько очень удачных цветных снимков. Вообще я тут сфотографировала массу всевозможных цветов и чтобы хорошо запечатлеть их формы, пропорции и детали, сделала много

набросков карандашем, эскизов для моих будущих картин.

Скамеек в саду не было и многочисленная в этот утренний час публика медленно двигалась по дорожкам, и я вместе с другими. Кое-где по ручейкам-канавкам, обросшим кружевными листьями папоротника, струилась, поблескивая на солнце прозрачная вода, вокруг было тихо и благостно, чистый воздух, смешанный с ароматом цветов и неизъяснимая прелесть этого тропического сада меня буквально спъяняли, казалось что я вдыхаю эссенцию весны и молодости, и душа уносится в какую-то блаженную даль...

Было уже два часа по-полудни, когда раздавшийся поблизости детский смех возвратил меня к реальности, — это после обеда приехали сюда семьи с детьми, которые резвясь бегали по дорожкам, наклоняясь нюхали цветы, но их не рвали, это запрещалось. Посреди сада, возле небольшого озера стоял ресторан с широкой открытой террасой, на которой были расставлены круглые столики под разноцветными зонтами. Я там наскоро закусила и снова пошла наслаждаться прелестями этого сказочного сада. В отель возвратилась только с последним автобусом.

Тут мне сообщили, что днем приходили искать меня двое моих соотечественников, муж и жена, и сказали что снова зайдут в восемь часов вечера. Точно в этот час они приехали, это действительно оказалась русская чета, по фамилии Турок. Они сказали, что живут в Южной Африке уже сорок лет, имеют здесь фабрику кожаных изделий, и прочтя о моем приезде в газетах, захотели непременно познакомиться. Это были уже пожилые и очень симпатичные люди, так что я была искренне рада этому неожиданному знакомству. Они пригласили меня сейчас же к себе на ужин и приняли с большой сердечностью. По их просьбе я взяла с собой некоторые свои картины и они купили себе одну на память. Оба оказались большими любителями искусства, в особенности живописи моего жанра и жена уже год берет уроки у одного местного художника.

После ужина они долго возили меня по городу на

своем автомобиле и показывали всякие достопримечательности, а также многие большие и красивые здания, которые построил их сын, известный тут архитектор.

Особенно интересно было увидеть новейшую часть города, где громадные небоскребы высятся на земле которая еще недавно была дном океана. Мне рассказали эту историю. Рост города ограничен окружающими горами и только одной стороной он выходит к океану, за счет которого правительство и решило расширить городскую территорию. Это было поручено опытным в борьбе с морем голландским инженерам, которые прекрасно справились с трудной задачей, засыпав прибрежную часть океана камнями и землей с соседних гор. Теперь там проходят отличные дороги и улицы, разбиты красивые сады и стоят громадные здания. Столь грандиозный проект могла осуществить только такая богатая страна, как Южная Африка, с ее алмазными и золотыми копями.

Уже за полночь мои новые друзья отвезли меня в отель и я простилась с ними, глубоко признательная за чудесно проведенный вечер.

Утром пошла в библиотеку посмотреть, что написали обо мне в дурбанской газете. Там была большая и очень лестная для меня статья, с моей фотографией. Библиотекарша любезно предложила мне сделать с нее фотостат, который я сохранила на память.

Хозяин моего отеля, между прочим тоже оказавшийся художником любителем, прочитав обо мне в газетах, оказывал всяческое внимание и вечером предложил показать мне панораму города с одной из ближайших гор. Крутой, извилистой дорогой мы поднялись на автомобиле на самую вершину и я буквально замерла от восхищения: у подножия горы, далеко внизу широко раскинулся огромный город, залитый разноцветными огнями. По океану, у берега плавали лодки и оставляя за собой хвосты белой, фосфоресцирующей пены сновали ярко освещенные пароходики местного сообщения. Эта незабываемая картина осталась у меня в памяти на всю жизнь. Вообще все приморские города Южной Африки похожи на цветущие, благоустроенные ку-

рорты и они действительно являются идеальными местами для отдыха, и физического и, главным образом, духовного. Тут не заметно никаких признаков нервозной напряженности, холодной войны, гонки вооружений или борьбы политических страстей, жизнь течет спокойно и тихо, и чувствуется что она построена на прочных и разумных основах.

Перед отъездом я еще успела побывать в обнесенном высокой стеной старинном замке, который был построен в 1666 году. В те времена Капская колония принадлежала голландцам и в этом замке, который назывался "Дар Форт", жил губернатор. Теперь вокруг него расположены всевозможные постройки военного ведомства, а самый замок, сейчас носящий название замка Доброй Надежды, превращен в музей. В нем много старинной мебели и утвари, каменной посуды, картин 17-18 столетий, портреты кисти знаменитых художников того времени (Томас Бейнс, Т. У. Бойлер и др.) Особенный интерес туристы проявили к старинным часам, сделанным в 1708-ом году, они заводятся ключем и до нынешнего дня идут вполне исправно.

Неделя моего пребывания в Кейптауне пролетела как дивный сон и я с большим сожалением покидала этот уютный и очаровательный город. Мое восторженное мнение о нем и вообще об Южно Африканской республике в целом, далеко не единично. В этой красивой и богатой стране, оазисе порядка и благополучия, с прекрасным климатом, приятно жить и сюда влечет многих. Как конкретный пример, приведу известного немецкого ученого, доктора фон Конрата, который вместе со своей семьей сел на наш пароход в Новой Зеландии. Он мне рассказал, что в связи со своей научной деятельностью исколесил буквально весь земной шар, жил даже в Советской России, читая там лекции, и вот теперь переселяется в Южную Африку, где решил купить большой участок земли, построить усадьбу и обосноваться на постоянное жительство.

Утром 15-го октября я вылетела из Кейптауна и в три часа дня была уже в Иоганнесбурге. Здесь у меня

были друзья, у которых я гостила в прошлом году, при первом посещении этого города, очень милая и культурная семья Годфри, все члены которой занимают тут видное положение и пользуются известностью. Они меня радушно встретили на аэродроме и увезли в свой уютный, окруженный цветущим садом особняк, который по количеству всевозможных, собранных со всего света сувениров напоминает собою музей.

Едва я приехала, сразу же туда явился репортер местной газеты "Ранд Дейли Мэйл", брать у меня интервью, причем он особенно интересовался моими приятельскими отношениями с семьей Годфри. В день моего отъезда соответствующая статья с моей фотографией появилась в названной газете.

На этот раз я пробыла в Иоганнесбурге три дня, в течение которых друзья все время возили меня по городу и окрестностям, так что я повидала много нового и интересного, а под конец мы даже съездили еще раз в столицу республики Преторию. Затем вся милая семья Годфри проводила меня на аэродром и простившись с ними я полетела в Бразилию.

Самолет был почти пустой, персоналу нечего было делать и в пути ко мне подсела очень милая и симпатичная девушка стюардесса, которая узнала меня по газетной фотографии, и принялась расспрашивать о моих путешествиях. Очень просила показать ей мои картины, при себе я их, к сожалению, не имела, но взяла ее адрес и обещала по возвращении домой прислать ей одну, на память. Это обещание я, конечно, исполнила и получила от нее очень трогательное благодарственное письмо.

Немного позже меня, через ту же стюардессу, пригласил в кабину управления пилот-капитан. Там он принял меня чрезвычайно мило, усадил рядом с собой и тоже расспрашивал о моих путешествиях и о впечатлении, которое осталось у меня о Южной Африке. В заключение мы с ним обменялись маленькими подарками: он подарил мне брошку — значек Южноафриканской авиационной компании, а я ему отчеканенную в память президента Кеннеди серебряную монету, в специальном футляре.

34. БРАЗИЛИЯ

Поздно вечером мы приземлились в Рио де Жанейро. Было совершенно темно, шел дождь, в аэропорту царила бестолковая сутолока, никто не понимал ни слова по-английски и я совсем было пала духом, но к счастью один из пассажиров узнал меня по фотографии, которую видел в кейптаунской газете, и предложил свои услуги. Он помог мне вынести наружу вещи и взять такси. Шоферу я кое-как объяснила, чтобы он отвез меня в какой-нибудь отель.

Дождь и туман скрывали от моих глаз окружающее, но всё же было заметно, что едем мы по каким-то предместьям и окраинам, с грязными улицами и неказистыми, спокон веку не ремонтированными домами. Наконец машина остановилась возле темного и мрачного здания, которое шофер назвал отелем, но я, едва взглянув на него сказала, что это мне не годится и попросила везти меня в центр города. Поехали дальше, остановились возле другого отеля, который был немногим лучше первого. Все же я решила оставить здесь свои вещи, а сама под дождем пошла по темным улицам искать ресторан и каких-либо возможностей ориентироваться в обстановке и устроиться получше. Излишнее, я думаю, говорить, что мое первое впечатление от Бразилии было ужасное.

В попутной лавочке купила английскую газету, надеясь найти в ней объявления о пансионах или сдающихся комнатах, но таковых там не оказалось и я пошла дальше. Вскоре увидела освещенный ресторан, у самого входа в него встретилась с прилично одетым господином и обратилась к нему по-английски. На мое счастье он владел этим языком и вежливо спросил, чем может мне помочь. Я попросила указать мне хороший

отель и вызвать такси, он охотно это сделал и сам поехал со мной. Проехав несколько кварталов, мы оказались в центре города, возле нового отеля "Эмпайр", где я получила комнату за семь с половиной долларов в сутки. Сердечно поблагодарила своего провожатого, который оказался итальянцем. Он дал мне на всякий случай номер своего телефона и просил обращаться к нему, если понадобится какая-нибудь помощь, т. к., по его словам в Бразилии мало кто владеет аанглийским языком. Но по счастью заведующий отелем хорошо говороил по-английски и я получила от него все нужные мне сведения. Когда всё, наконец, устроилось, была уже полночь, я приняла ванну и сейчас же легла спать.

Проснувшись рано утром, начала наводить справки — как добраться до местожительства знаменитого знахаря-врачевателя Зе Ариго о чудесах лечения которого читала в газете "Новое Русское Слово". Желание попасть к нему, собственно и было главной причиной моего приезда в Бразилию, так как за три года доктора ни-



В Рио де Жанейро

как не могли мне вылечить невралгию десны, которую я получила в Мексике.

Точный адрес Зе Ариго у меня был записан, — он жил в глубине страны, от Рио де Жанейро туда было около шестисот километров. В бюро отеля мне сказали, что нужно доехать на такси до автобусной станции, а там взять билет до места назначения. Я так и сделала. Комнату за собой не оставила, т. к. не знала когда вернусь, а два чемодана с вещами оставила на хранение.

На станции, где я купила билет, мне пришлось ожидать около часа. Наконец большой автобус наполнился людми до отказу и мы тронулись в путь, к городу Бельо Горизонте, недалеко от которого жил знахарь. Лесом и горами туда вела извилистая и очень живописная дорога, которая поднималась все выше и выше. Часто мы проезжали по краю обрывов, а далеко внизу шумела бурная речка, которая водопадами срывалась со скалистых уступов. День был пасмурный, всё вокруг застилал туман и дорога была очень опасна, она шла то вниз, то вверх, изобиловала крутыми поворотами и была настолько узка, что едва могли разминуться два автомобиля. На самом верху, в горах, казалось что мы плаваем в облаках, тут был такой густой туман, что не видно было даже дороги, автомобили ехали с зажженными фарами, то и дело давая сигнальные гудки. Когда спустились ниже, даль немного прояснилась, вокруг можно было различить леса и зеленые поляны. Вероятно в ясную погоду всё это выглядит замечательно красиво и живописно.

В шесть часов вечера, когда в горах уже стемнело, мы остановились возле небольшого придорожного кафэ, где кроме сладких булочек и кофе ничего нельзя было получить. Отсюда наш автобус продолжал свой путь в Бельо Горизонте, а мне надо было взять другой, маленький, который по боковой дороге шел в далекое село, где жил Зе Ариго, одновременно развозя рабочих по попутным селениям. Хозяин кафэ предложил отвезти меня на своем автомобиле за пять километров, к тому месту откуда этот автобус выходит, но я побоялась и пошла ожидать его на дорогу. Тут, на остановке, уже стояли трое мужчин и женщина, с которыми я объ-

яснилась почти без слов: вопросительным тоном сказала "Зе Ариго" и они в ответ закивали головами, из чего стало ясно, что они тоже едут туда.

Через десять минут подошел маленький автобус. В нем было только два свободных места, которые заняли я и женщина, а мужчины уселись на колени к другим пассажирам. Опять дорога пошла то вниз, то вверх, кроме того она была в отвратительном состоянии, нас качало и швыряло во все стороны, но все же к десяти часам вечера мы благополучно прибыли в "Конгониас де Кампо", где жил Ариго. Автобус по грязной улице въехал на холм и тут остановился, я вышла и огляделась по сторонам. Невзрачное местечко, узкие, плохо освещенные улицы, идущие куда-то вниз, в темноту, но всюду множество народа. Я спросила где находится отель и мне указали улицу, на которой я увидела совершенно примитивное, но довольно обширное и новое, даже не совсем достроенное здание с освещенным подъездом, над которым красовалась вывеска "Отель Фрейтас". На улице, возле него и внутри, в коридоре, толпилось столько людей, что едва можно было протиснуться.

Внутри, за прилавком, стоял молодой человек у которого я спросила есть ли свободная комната? Объяснялась я больше жестами и мимикой, т. к. по-английски он ни слова не понимал, но догадаться что мне нужно было, конечно, не трудно. Он повел меня по узкому коридору, в конце которого отворил дверь в небольшую комнату где ничего не было, кроме пяти поставленных почти вплотную кроватей. На четырех сидели какие-то женщины, он указал мне рукой на пятую и ушел. Оставив на ней сумку с пижамой и умывальными принадлежностями, я вышла наружу, чтобы поискать другой отель, однако, обойдя несколько улиц, ничего похожего не обнаружила и пошла назад. На улицах мальчишки продавали книги и брошюры о Зе Ариго и его чудесном лечении, они были на португальском языке, но все же я купила две, причем за одну с меня содрали десять долларов, а за другую два, хотя по их виду трудно было сомневаться в том, что они стоят по крайней мере вчетверо дешевле.

Когда я возвратилась в отель, там повсюду толпи-

лось еще больше народу, очевидно подъехала новая партия жаждущих исцеления. Мои соседки по кровати уже спали. Помыв руки в более чем примитивной уборной, я последовала их примеру.

В шесть часов утра всех нас разбудили. Выйдя из своей комнаты, я встретилась с очень прилично выглядевшим господином и дамой, которые обратились ко мне по-английски и посоветовали вместе с ними пройти в столовую и выпить кофе со сладкими булочками, т. к. это входит в плату, взимаемую отелем за ночлег. Я страшно обрадовалась, услыхав английскую речь и больше уже от них не отходила. Это оказался журналист из Сан Пауло, с женой и больной матерью. Напившись кофе, я пошла вместе с моей новой знакомой в кассу отеля, платить за ночевку. С меня за кровать взяли пять долларов, а с нее за отдельную комнату на троих — двадцать пять, но в бразильской валюте.

В семь часов распорядитель начал большими группами отводить людей в соседний дом, где принимал Зе Ариго. Первую партию в пятьдесят человек, в которую входила и я, он провел через большую, уставленную скамьями и стульями комнату, в смежную, размерами поменьше, — тут на стоявших вдоль стен скамейках сидели самые слабые и больные, а остальные стояли. Вскоре обе эти комнаты заполнились, а остальные пациенты ждали своей очереди в столовой и во дворе, — всего тут было несколько сот человек.

Затем в большую комнату вошел какой-то господин, поднялся на возвышение и начал громко читать молитвы, которые все повторяли про себя. Окончив, он объявил, что сейчас придет доктор Ариго, который никакого медицинского образования не получил, но в него, видите ли, вселился дух некоего настоящего доктора Фрица и Ариго лечит по указаниям этого, так-сказать дипломированного духа.

Вслед за этим вошел и сам Зе Ариго[1]), — крепкий,

---

[1]) Стоит пояснить, что «Зе» — это уменьшительное от португальского имени Хозе, что значит Иосиф. Ариго — фамилия.

коренастый мужчина лет пятидесяти, среднего роста, с черными стриженными волосами и небольшими усиками на бритом, белом лице. Одет он был в поношенный темный пиджак поверх белого светера, лицо серьезно, глаза опущены. Все посторонились, чтобы дать ему дорогу и он прошел в смежную маленькую комнату, где стояли только стол и стул, на который он уселся.

Тотчас распорядитель начал впускать к нему людей, устанавливая их в шеренгу, вдоль стен. Середина комнаты оставалась пустой, туда ввезли на коляске человека с больными ногами. Затем двери закрылись и начался прием. Зе Ариго всех по очереди спрашивал — кто и чем болен. Получив ответ, если дело не требовало хирургического вмешательства, он, не осматривая пациента и не задавая никаких дополнительных вопросов, писал рецепт, с которым надлежало идти в находившуюся рядом аптеку и получать лекарства. За визит знахарь ничего не брал, но лекарства стоили очень дорого.

Но вот к столу подошел человек с больным глазом. Из коробки стоявшей на столе Зе Ариго взял небольшой нож, каким чистят картофель, и довольно глубоко запустил его под верхнее веко больного. Того передернуло, но он не издал ни звука. Проведя под всем веком этим ножем, Ариго извлек его наружу и показал всем присутствующим: на ноже был большой сгусток желтоватого гноя. Прописав этому больному рецепт, Ариго попросил подойти к нему всех, кто жалуется на глаза. Вышло шесть человек. Двоим он сказал, чтобы они подождали до конца приема и тогда он им удалит катаракты, а остальным четырем проделал ту же операцию, что и первому, — кому под верхним веком, кому под нижним. Всякий раз он нам показывал нож, с налипшими сгустками гноя, потом обтирал его о свой пиджак и после такой "дезинфекции" делал операцию следующему. Глядела я на это и у меня мороз пробегал по коже, а некоторые просто отворачивались, чтобы не видеть.

Мой сегодняшний знакомый, — журналист из Сан

Пауло, — человек несомненно культурный и видимо состоятельный, привез на операцию к Ариго свою мать, у которой были катаракты на обоих глазах. Когда я спросила, почему они не обратились в госпиталь, к врачу-специалисту, он ответил, что эта операция очень трудная и рискованная, часто после нее бывают длительные осложнения и зрение почти не восстанавливается, поэтому многие предпочитают ехать к Ариго, который делает эту операцию простым ножом и всегда вполне успешно.

Покончив с глазными, Ариго подошел к человеку сидевшему в коляске и спросил что у него болит? Тот ответил, что сильно болят обе ступни и он не может ходить. Ариго взял палку и довольно сильно ударил больного по ноге, последний поморщился, но стерпел. Тогда знахарь велел ему разуться, посмотрел на ступню, потрогал пальцем и что-то сказал своему помощнику. Тот сейчас же принес коробку, в которой лежали двое ножниц, большие и маленькие, вид у них был такой, словно их только что извлекли из помойной ямы. Ариго взял маленькие, посмотрел на них, покачал головой, очевидно это было не совсем то что ему нужно, но тем не менее он воткнул эти грязные и ржавые ножницы в ступню больному. Несчастный сделал отчаянную гримасу, но не закричал. Ариго вырезал ему конусом круглый кусок мяса диаметром в дюйм и толщиною в полдюйма и бросил на пол, причем совершенно не было крови ни на этом куске мяса, ни в воронкообразной ране на ноге. Эту операцию я наблюдала совсем близко, через плечо Ариго, который даже недовольно на меня покосился. Затем то же самое он проделал с другой ногой, после чего приказал вывезти больного в соседнюю комнату, обмыть и забинтовать ему ноги, и добавил, что скоро он будет ходить как ни в чем не бывало.

Когда пришла моя очередь, я подала ему записку, в которой было написано какая у меня болезнь, — невралгия десны. Ариго смерил меня взглядом с головы до ног и сказал по-английски: "это ничего". Потом про-

писал лекарства и послал меня в соседнюю комнату, где его помощники начали печатать рецепты на машинке. Писали долго, потом один из них пошел вместе со мной в аптеку, что-то сказал аптекарям и ушел. Я со своей стороны попросила служащих поторопиться, т. к. через час уходит мой автобус. Они начали отбирать и упаковывать мне целую кучу лекарств, — я с удивлением спросила почему их так много и от каких они болезней? Мне кое-как объяснили, что помимо десны, на которую я жаловалась, у меня общая невралгия, слабость и головокружения, больна печень и кроме того не в порядке почки, желудок и кишечник, но что всё это пройдет если я буду ежедневно принимать эти лекарства, которые мне прописаны с таким рассчетом, чтобы их хватило до полного выздоровления. Там были витамины, всевозможные порошки, таблетки, микстуры и три различных снадобья для впрыскиваний, — всего этого по несколько коробок. В общем набралось около восьми килограммов лекарств, я записала что и как принимать, затем мне подали счет на 136 долларов. Делать было нечего, пришлось взять, ведь я сюда специально ради этого приехала.

У всей аптекарской братии физиономии сияли, — ведь не каждый день попадается американка с долларами, на которой можно так поживиться! Ни один бразилец за лекарства столько бы не заплатил. Тут, конечно, вполне очевидна сделка с Ариго, тем более что ни на одну из болезней, приписанных мне сверх невралгии десны, я не жаловалась. Несомненно, кроме аптеки, Ариго имеет огромный доход и от отеля, который принадлежит его брату. Таким образом, деятельность его далеко не бескорыстна, хотя и считается, что он лечит даром, из чистой любви к человечеству. Конечно, нельзя отрицать за ним какую-то особую силу и знания, ведь не всякий отважится с такой уверенностью кухонным ножем лезть человеку в глаз или делать операцию грязными ножницами. И при этом, несмотря на полное и как мне кажется, нарочито утрированное пренебрежение к элементарной гигиене и дезинфекции, у него, как говорят, никогда не бывает случаев заражения или ка-

ких-либо осложнений.[1]) Я не жалею в общем, что к нему попала, все это стоило посмотреть своими глазами. Но лично на себе я его чудодейственной силы не испытала: приехав домой, все прописанные мне лекарства честно принимала, их хватило на два с половиной месяца. Почувствовала себя лучше и боли в десне уменьшились, но все же не могу сказать, что Ариго меня от чего-то вылечил, так как приписанных мне болезней у меня вообще не было. Своему американскому врачу я благоразумно ничего не сказала об Ариго и его лечении.

***

Из резиденции Зе Ариго я выехала в десять часов утра, автобусом идущим через Бельо Горизонте. Дорога была замечательно живописна, да и сам этот город очень красив, но к сожалению я его видела только мельком, — наш автобус проехал по главным улицам и продолжал путь на Рио де Жанейро, куда мы прибыли в одиннадцать часов ночи.

На станции была масса народу. Сбоку постепенно подъезжали такси, но когда я хотела взять одно из них, мне не позволили. Подошел полицейский, наблюдавший тут за порядком, и спросил есть ли у меня талон с номером, который все другие держали в руках. Оказывается, на такси была огромная очередь, по этим талонам, которые надо было где-то брать. Полицейский понимал по-английски не больше чем я по-португальски, т. е. ровно ничего и я в отчаянии громко спросила, не говорит ли кто-нибудь из присутствующих по-английски? К счастью нашелся один. Выслушав меня, он перевел другим, что я туристка прилетевшая из Южной Африки, только что была у Зе Ариго, а завтра должна лететь дальше, — после этого все любезно пропустили ме-

---

[1]) Сейчас, когда издается эта книга, Зе Ариго уже умер. Но его дух, вместе с духом доктора Фрица, сразу же «переселился» в какого-то другого предприимчивого знахаря, хотя этот последний такой огромной популярностью, как Зе Ариго, пока не пользуется.

ня вперед и я взяла такси без очереди. Приехала в отель, взяла ванну и утомленная дальней дорогой, сейчас же заснула как убитая. Но выспаться мне не удалось: на рассвете где-то рядом заорали петухи, а немного позже под окнами раздались детские крики, смех и шум, — тут была остановка автобуса, которого со страшным галдежом ожидала добрая сотня школьников. Сон у меня, конечно, пропал.

После утреннего кофе я пошла в американское консульство, чтобы узнать, могу ли я везти с собой в США такую кучу лекарств. Консул был очень любезен, он сейчас же позвонил в какое-то фармацевтическое учреждение и прочел им мои рецепты. Ему ответили, что всё это совершенно безобидные средства, в которых не заключается никаких наркотиков, после чего консул сказал, что осложнений у меня не будет и пожелал мне счастливого пути.

Успокоенная на этот счет, я пошла бродить по городу. Его местоположение исключительно живописно, — на берегу обширного голубого залива, по которому разбросаны прелестные островки, а вокруг красивые горы и скалы. По берегу тянутся великолепные пляжи, с богатыми виллами, такие же виллы виднеются тут и там на зеленых склонах гор, — всё это вместе взятое делает Рио де Жанейро одним из красивейших городов мира. Прекрасная набережная, изумительный ботанический сад, множество шикарных магазинов и зданий, среди которых я видела несколько старинных, с античными фигурами и стильными балконами. Я их сфотографировала, но, к сожалению, ни войти внутрь, ни получить о них какие-либо справки мне не удалось, т. к. поблизости не нашлось знающих английский язык.

Вскоре после того как я возвратилась в отель, ко мне явились три репортера местной газеты "Глобо", все они отлично говорили по-английски. Как водится, сфотографировали меня, попросили показать им мои картины, затем принялись расспрашивать о моих путешествиях и о моей поездке к Зе Ариго. Они были очень удивлены, узнав что я специально ради этого приехала в Бразилию. Уже на следующее утро в отеле мне пода-

ли газету с моей фотографией и большой статьей. Конечно, я в ней ни слова не могла понять, но один из служащих отеля мне ее охотно перевел.

В Рио де Жанейро стояла влажная, духовочная жара, трудно было дышать, поэтому я решила дольше тут не задерживаться и на следующее утро полетела в Сан Пауло. Когда мы прибыли туда, там шел проливной дождь, которому, казалось, не будет конца, поэтому в город я не поехала, а осталась на аэродроме ожидать самолета в Буэнос Айрес.

Во время этого ожидания, познакомилась с молодой супружеской парой туристов из Канады, которые тоже совершали кругосветное путешествие, но в обратном направлении и только что прилетели сюда из Буэнос Айреса. Разумеется, я принялась их расспрашивать и хорошего услышала мало: как Буэнос-Айресом, так и вообще Аргентиной они остались весьма недовольны. Советовали мне быть очень осторожной со всеми, с кем придется иметь дело, так как всюду стараются обобрать иностранного туриста. Такси, по их словам, там берут невероятно дорого и прямо на глазах пассажиров перекручивают счетчики или едут не прямо, куда следует, а долго кружатся по улицам, в случае же каких-либо протестов грубят и чуть ли не лезут в драку. Город грязный, в центре почти всюду узенькие и исковерканные тротуары, по которым трудно и опасно ходить. Записались они также на автобусную экскурсию вглубь страны, их уверяли что она будет очень интересной и живописной, а на деле провезли по совершенно однообразной, плоской и пустынной местности, с невзрачными, грязными поселками.

Несмотря на эти мало утешительные сведенья, я все же полетела в Буэнос Айрес и воочию убедилась в плохом и грубом отношении аргентинцев к туристам, также как и в том, что мои знакомые канадцы красок отнюдь не сгустили. Буэнос Айрес, конечно, огромный промышленный город и в нем есть всё, что подобным городам свойственно, но ничего привлекательного или исторически интересного я там не увидела.

Как-то сразу расхотелось ехать и в другие южно-



Аризона, Прескот

американские страны, и хотя у меня были билеты в Уругвай, Чили и еще кое-куда, я вместо этого полетела во Флориду, в Миами.

Там меня встретили на аэродроме старые друзья, мексиканский консул Пескуера со своей женой. Раньше он был консулом в Аризоне, где мы познакомилсь и подружились, а потом его перевели во Флориду. У них, в атмосфере искреннего радушия и внимания я провела пять дней, что не замедлила отметить местная газета в отделе светской хроники.

Город Миами очень красив, он весь в садах и приехать посмотреть на него стоит. Но жить здесь мне бы не хотелось: климат ужасный, — жаркий и сырой, — утром встаешь и приходится надевать совершенно влажное белье и платье. Выдержала я тут недолго. Милые хозяева проводили меня на аэродром и я полетела в Феникс.



У себя дома, в Аризоне

Однако, по пути решила еще немного задержаться в городе Хансвилле, штата Алабама, это один из главных центров американского ракетостроения. Тут у меня тоже были старые друзья, сын которых, инженер, уже двенадцать лет работает по этой специальности. Он возил меня по всем ракетным местам, давая объяснения, а потом сфотографировал на фоне огромной ракеты. В числе прочего, осмотрела я и капсулу, в которой астронавты возвратились с луны, ощутив при этом невольное чувство волнения и гордости за человеческий гений.

Через три дня, утомленная долгим путешествием, но счастливая, я возвратилась домой. Был уже ноябрь и меня влекло в ставшую почти родной Аризону, где сейчас начинается самое лучшее время. Кроме того, хотелось на досуге подумать обо всем виденном и пережитом.

На Земле столько непередаваемо прекрасного, интересного и поучительного, что это трудно выразить словами, надо самому увидеть и осмыслить. В одном я только совершенно уверена: обитатели всех этих столь различных стран и городов, — независимо от расы, языка, религии или цвета кожи, — могут и должны быть друзьями.

Такую прекрасную планету нельзя осквернять враждой.

Конец

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

"МОИ КРУГОСВЕТНЫЕ ПУТЕШЕСТВИЯ"

Первое путешествие

Пятое путешествие

Шестое путешествие

Este libro terminó de imprimirse en
el mes de diciembre de 1973 en los
Talleres Gráficos "Dorrego", avenida
Dorrego 1102, Bs. Aires, Argentina